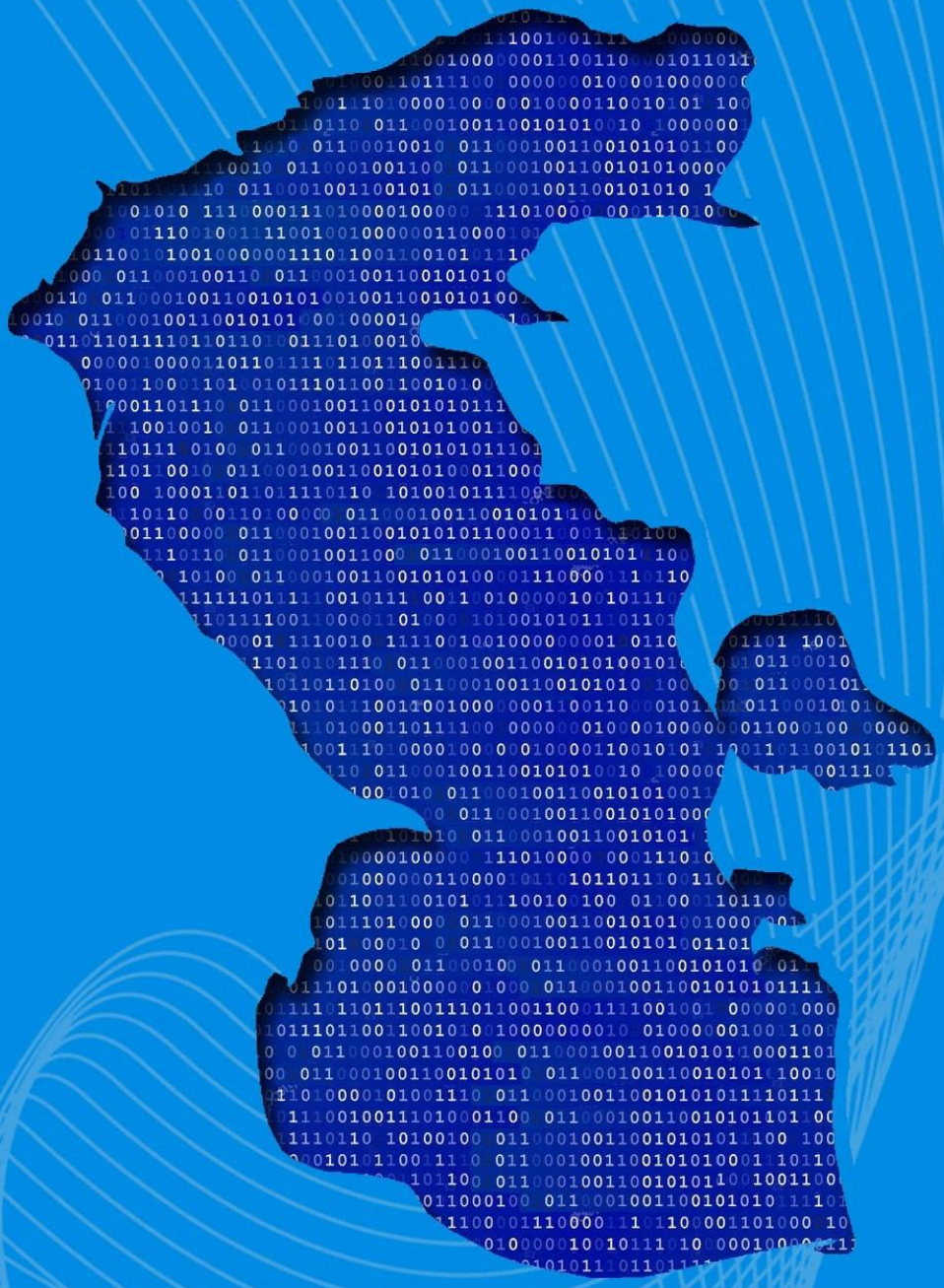

Caspium Securitatis

Журнал каспийской безопасности

Т. 2 №1

ISSN 2713-024X

CASPIUM SECURITATIS:

Journal of Caspian Safety & Security

Scientific E-Journal

caspiumsecuritatis.ru

Vol 2 No 1

2022

CASPIUM SECURITATIS:

журнал каспийской безопасности

научный электронный журнал

caspiumsecuritatis.ru

Том 2 Номер 1

2022

EDITORIAL TEAM

Editor-in-Chief

Anna P. Romanova, Dr. Habilitatus in Philosophy, professor, Director of the Institute for Research on Problems of the South of Russia and the Caspian Region; Professor of the Department of Cultural Studies, Astrakhan Tatishchev State University. **Astrakhan, Russia**

Deputy Chief Editor

Elena V. Khlyshcheva, Dr. Habilitatus in Philosophy, professor, Astrakhan Tatishchev State University. **Astrakhan, Russia**

Literary editors

Lydia G. Zolotykh, Dr. Habilitatus in Philology, Professor, Sichuan University. **Sichuan, China**
Olga Y. Kosmacheva, Ph.D., associate professor, Astrakhan Tatishchev State University. **Astrakhan, Russia**

Literary editor of the English version

Elena A. Yakovleva, chief specialist, Astrakhan Tatishchev State University. **Astrakhan, Russia**

Journal manager

Dmitriy A. Chernichkin, researcher, Astrakhan Tatishchev State University. **Astrakhan, Russia**

Editorial Board

Əli Məmməd oğlu Abbasov, Dr. Habilitatus in Economy, Academician of the National Academy of Sciences of Azerbaijan. **Baku, Azerbaijan**
Alexander N. Barmin, Dr. Habilitatus in Geography, professor, Astrakhan State University. **Astrakhan, Russia**
Baazr A. Bicheev, Dr. Habilitatus in Philosophy, Kalmyk Scientific Center RAS. **Elista, Russia**
Madina B. Gimbatova, Dr. Habilitatus in History, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences. **Makhachkala, Russia**
Sergey S. Zhiltsov, Dr. Habilitatus in Politics, The Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry. **Moscow, Russia**
Musa M. Ibragimov, Dr. Habilitatus in History, Academy of Sciences of the Chechen Republic, Grozny State Oil Technical University named after Academician M.D. Millionshchikov. **Grozny, Russia**
Pavel L. Karabuschenko, Dr. Habilitatus in Philosophy, professor, Astrakhan Tatishchev State University. **Astrakhan, Russia**
Ayzhamal I. Kudaibergenova, Dr. Habilitatus in History, associate professor, Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology, National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan. **Almaty, Kazakhstan**
Natalia L. Kurepina, Dr. Habilitatus in Economy, Kalmyk State University. **Elista, Russia**
Oksana K. Mineva, Dr. Habilitatus in Economy, Astrakhan Tatishchev State University. **Astrakhan, Russia**
Mohammad Tagi Mokhtari Behruz, PhD, Islamic Azad University. **Tehran, Iran**
Nail M. Mukharyamov, Dr. Habilitatus in Politics, professor, Kazan State Power Engineering University. **Kazan, Russia**
Rafik Kh. Usmanov, Dr. Habilitatus in Politics, professor, Astrakhan Tatishchev State University. **Astrakhan, Russia**
Maria M. Fedorova, Dr. Habilitatus in Politics, Institute of Philosophy RAS. **Moscow, Russia**
Anna V. Fedotova, Dr. Habilitatus in Biology, professor, Astrakhan Tatishchev State University. **Astrakhan, Russia**
Reza KHEYRODDIN, (Ph.D.), Associate Professor, University of Science and Technology, Director of EASAF Research Laboratory (Engineering Analysis of Spatial Arrangement Factors). **Tehran, Iran**
Arbakhan K. Magomedov, Doctor of Political Science, Professor, Moscow State Linguistic University (MSLU). **Moscow, Russia**
Eugen Străuțiu, Ph.D. professor Lucian Blaga University of **Sibiu Romania**
Robert M Cutler Dr, Practitioner Member, Waterloo Institute for Complexity and Innovation, University of Waterloo**, Canada**
Vakhtang Maisaia, Doctor of Political Science, Professor, Caucasus International University and Tbilisi State University**, Tbilisi, Georgia.**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Анна Петровна Романова, д. филос. н., профессор, директор института исследований проблем юга России и Прикаспия; профессор кафедры культурологии, ФГБОУ ВО "Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева". Астрахань, **Россия**

Заместитель главного редактора

Елена Владиславовна Хлыщева, д. филос. н., профессор, ФГБОУ ВО "Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева". Астрахань, **Россия**

Литературные редакторы

Лидия Глебовна Золотых, доктор филологических наук, профессор, Сычуаньский университет. Сычуань, **Китай**
Ольга Юрьевна Космачева, кандидат филологических наук, доцент, ФГБОУ ВО "Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева". Астрахань, **Россия**

Литературный редактор английской версии

Елена Андреевна Яковлева, главный специалист, ФГБОУ ВО "Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева". Астрахань, **Россия**

Менеджер журнала

Дмитрий Алексеевич Черничкин, научный сотрудник, ФГБОУ ВО "Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева". Астрахань, **Россия**

Коллегия редакторов

Али Мамед оглы́ Абба́сов, д. экон. н., академик Национальной Академии Наук Азербайджана (НАНА). Баку, **Азербайджан**
Александр Николаевич Бармин, д. геогр. н., профессор, ФГБОУ ВО "Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева". Астрахань, **Россия**
Баазр Александрович Бичеев, д. филос. н., Калмыцкий научный центр РАН. Элиста, **Россия**
Мадина Багавутдиновна Гимбатова, д. ист. н., Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН. Махачкала, **Россия**
Сергей Сергеевич Жильцов, д. полит. н., Дипломатическая академия МИД России. Москва, **Россия**
Муса Муслиевич Ибрагимов, д. ист. н., Академия наук Чеченской Республики, Грозненский государственный технический университет им. академика М. Д. Миллионщикова. Грозный, **Россия**
Павел Леонидович Карабущенко, д. филос. н., профессор, ФГБОУ ВО "Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева". Астрахань, **Россия**
Айжамал Ибрагимкызы Кудайбергенова, д. ист. н., доцент, Институт истории и этнологии им. Ч.Ч.Валиханова, Национальная академия наук республики Казахстан. Алматы, **Казахстан**
Наталья Леонидовна Курепина, д. экон. н., Калмыцкий Государственный университет имени Б. Б. Городовикова. Элиста, **Россия**
Оксана Карловна Минева, д. экон. н., ФГБОУ ВО "Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева". Астрахань, **Россия**
Мохаммад Таги Мохтари Бехруз, PhD, Исламский университет Азад. Тегеран, **Иран**
Наиль Мидхатович Мухарямов, д. полит. н., профессор, Казанский государственный энергетический университет. Казань, **Россия**
Рафик Хамматович Усманов, д. полит. н., профессор, ФГБОУ ВО "Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева". Астрахань, **Россия**
Мария Михайловна Федорова, д. полит. н., Институт философии РАН. Москва, **Россия**
Анна Владиславовна Федотова, д. биол. н., профессор, ФГБОУ ВО "Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева". Астрахань, **Россия**
Реза Хейроддин, Ph.D. доцент, Университет науки и технологий, директор исследовательской лаборатории инженерного анализа факторов пространственной организации. Тегеран, **Иран**
Арбахан Курбанович Магомедов, д. полит. н., профессор Московского государственного лингвистического университета (МГЛУ). Москва, **Россия**
Юджин Штраутиу, Ph.D, профессор, Университет Луциана Блага. Сибиу, **Румыния**
Роберт М.Катлер, доктор, Институт сложных систем и инноваций, университет Ватерлоо**. Канада**
Вахтанг Майсая, д. полит. н.**,** профессор Кавказского международного университета и Тбилисского государственного университета, Тбилиси, **Грузия.**

DEAR COLLEAGUES, AUTHORS AND READERS OF OUR JOURNAL

"Caspium Securitatis: Journal of Caspian Safety & Security" is a periodic academic e-journal (without a printed form), which began publication in 2021. It is intended to publish research articles, reviews, information resources, reports of conferences, seminars and other academic materials. The journal is devoted to the safety & security problems of the Caspian region, connected, first of all, with the socio-humanitarian sphere.

The online edition is published four times a year.

The concept of journal is based on an innovative application of the theory of complex and societal security. The editorial team believes that the scope of the concept of societal security is beginning to go beyond the scope of studies in Europe and North America and can be successfully used to solve problems in other territories. The concept of societal security considers a certain space, in this case, the space of the Caspian macro-region, as a single socio-geographic whole, including the water area, in the relationship of its socio-cultural, economic, informational and environmental components. The perception of the Caspian Sea as a separate independent region is especially important at a time when the traditional patterns of Soviet culture are no longer relevant, and new general ones have not yet been formed.

THE MAIN GOAL

The main goal of the e- journal is to create a collective scientific discussion platform, enabling researchers to bring the results of their research in the field of security as such and the Caspian macro-region in particular to general discussion. The virtual platform will make it more convenient to coordinate and further advance scientific research in the field of security of the Caspian macro-region for both Russian and foreign scientists who are interested in the issue.

Since the Caspian macro-region is originally an international space, the editorial board of the journal includes, first of all, specialists from the Caspian states that are directly interested in security of their own home, as well as a number of leading specialists in the field of security from other parts of the world. Therefore, the working languages of the online journal are English as the language of international communication and Russian, since the founder of the journal is a Russian university.

Journal publishes articles on quarterly basis.

No fee for publication is ever charged to users, authors or their organizations.

The Journal charges a fee of 5$ to assign a DOI name.

Best regards,

Editors

Certificate of registration issued by Roskomnadzor: ЭЛ № ФС 77 - 79685 since 27.11.2020
Materials are intended for persons over 18 years old

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ, АВТОРЫ И ЧИТАТЕЛИ НАШЕГО ЖУРНАЛА

«Caspium Securitatis: журнал каспийской безопасности» – периодическое научное сетевое издание (без печатной формы), начавшее выходить в свет в 2021 г. В нем предполагается публиковать научные статьи, обзоры, информационные ресурсы, отчеты конференций, семинаров и другие научные материалы. Сетевое издание посвящено проблемам безопасности Каспийского региона, связанным, прежде всего, с социо-гуманитарной сферой.

В основе концепции сетевого издания лежит инновационное применение теории комплексной и социетальной безопасности. Редакционная команда считает, что сфера применения концепции социетальной безопасности начинает выходить за пределы исследований Европы, Северной Америки и может быть успешно использована для решения проблем других территорий. Концепция социетальной безопасности рассматривает определенное пространство, в данном случае, пространство Каспийского макрорегиона, как единое социогеографическое целое, включая и акваторию, во взаимосвязи его социокультурной, экономической, информационной и экологической составляющих. Восприятие Каспия, как отдельного самостоятельного региона особенно важно в тот момент, когда традиционные паттерны советской культуры уже не актуальны, а новые общие пока не сформированы.

ЦЕЛЬ ИЗДАНИЯ

Основная цель сетевого издания – создание коллективной научной дискуссионной площадки, дающей возможность исследователям вынести результаты своих исследований в области безопасности как таковой и Каспийского макрорегиона, в частности, на всеобщее обсуждение. Появление данной виртуальной платформы сделает более удобной координацию и дальнейшее продвижение научных исследований в области безопасности Каспийского макрорегиона как российских, так и зарубежных ученых, заинтересованных в данной проблематике.

Поскольку Каспийский макрорегион представляет собой изначально международное пространство, в состав редколлегии журнала вошли специалисты прежде всего из прикаспийских государств, которые непосредственно заинтересованы в безопасности собственного дома, а также ряд ведущихспециалистов в области безопасности из других регионов мира. Поэтому рабочие языки сетевого издания – английский, как язык международной коммуникации и русский, поскольку основателем журнала является российский университет.

Мы выходим ежеквартально 4 раза в год.

Основные отрасли науки, в рамках которых могут быть опубликованы материалы в данном издании:

24.00.00 Теория и история культуры

22.00.04 Социальная структура, социальные институты и процессы

23.00.04 Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития

08.00. 05 Экономика и управление народным хозяйством

Но это совсем не означает, что статьи и иные материалы авторов, написанные в других отраслях науки, будут категорически отвергнуты. Мы приветствуем статьи по проблемам безопасности Каспийского макрорегиона, написанные с позиции самых разнообразных наук или на стыке нескольких наук. Статьи проходят отбор и рецензирование, что позволяет повышать качество научного контента издания.

Все статьи публикуются БЕСПЛАТНО, авторский гонорар не выплачивается. Журнал взимает комиссию в размере 300 рублей за присвоение DOI.

С уважением,

редакция журнала

Свидетельство о регистрации выдано Роскомнадзором: ЭЛ № ФС 77 - 79685 от 27.11.2020

Опубликованные в сетевом издании материалы предназначены для лиц старше 18 лет

CONTENT

THEORETICAL ISSUES SAFETY & SECURITY

Yuriy V. Yarmak
SOFT POWER OF IDEOLOGY AND SECURITY 11-20

Sergey A. Khrapov
NATIONAL IDENTITY IN CONTEXT SECURITY ISSUES OF THE CASPIAN MACRO-REGION 21-34

GEOPOLITICAL SAFETY & SECURITY

Pavel L. Karabushenko
THE CASPIAN SEA AS AN AXIAL REGION OF EURASIA IN THE CONTEXT OF CIVILIZATION DEVELOPMENT (HISTORICAL AND ELITOLOGICAL GENERALIZATION) 35-51

Victor M. Victorin
THE «CIRCLE OF TRADITIONS» OF THE CASPIAN SEA COASTAL REGION AND THE PROBLEMS OF AREAL ETHNOLINGUISTIC SPECIFICITY 52-67

Zaid M. Abdulagatov
FOREIGN ISLAMIC EDUCATION OF DAGESTANS IN THE CONTEXT OF SECURITY OF THE CASPIAN REGION 68-75

CASPIAN REGIONAL RESEARCH: KAZAKHSTAN

Dmitriy A. Chernichkin
ANALYSIS OF ONLINE ACTIVITY OF SOCIAL NETWORKS USERS AS A RESPONSE TO SOCIAL AND POLITICAL PROCESSES IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN 76-98

Alexander V. Grigoriev, Lyubov A. Kholova
REFLECTION OF STUDENTS OF THE CASPIAN STATES ON THE KAZAKHSTAN UNREST IN JANUARY 2022 IN THE CONTEXT OF REGIONAL SECURITY 99-110

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ

Ярмак Юрий Васильевич
МЯГКАЯ СИЛА ИДЕОЛОГИИ И БЕЗОПАСНОСТЬ 11-20

Храпов Сергей Александрович
НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ВОПРОСА БЕЗОПАСНОСТИ КАСПИЙСКОГО МАКРОРЕГИОНА 21-34

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Карабущенко Павел Леонидович
КАСПИЙ КАК ОСЕВОЙ РЕГИОН ЕВРАЗИИ В КОНТЕКСТ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ (ИСТОРИКО-ЭЛИТОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОБЩЕНИЕ) 35-51

Викторин Виктор Михайлович
ПРИКАСПИЙСКИЙ «КРУГ ТРАДИЦИЙ» И ПРОБЛЕМЫ АРЕАЛЬНОЙ ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ СПЕЦИФИКИ 52-67

Абдулагатов Заид Магомедович
ЗАРУБЕЖНОЕ ИСЛАМСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ДАГЕСТАНЦЕВ В КОНТЕКСТЕ БЕЗОПАСНОСТИ КАСПИЙСКОГО РЕГИОНА 68-75

КАСПИЙСКИЕ РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: КАЗАХСТАН

Черничкин Дмитрий Алексеевич
АНАЛИЗ ОНЛАЙН-АКТИВНОСТИ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ КАК РЕАКЦИЯ НА ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН 76-98

Григорьев Александр Владимирович, Холова Любовь Александровна
РЕФЛЕКСИЯ СТУДЕНТОВ ПРИКАСПИЙСКИХ ГОСУДАРСТВ НА ЯНВАРСКИЕ ПРОТЕСТЫ 2022 ГОДА В КАЗАХСТАНЕ В КОНТЕКСТЕ БЕЗОПАСНОСТИ РЕГИОНА 99-110

SOFT POWER OF IDEOLOGY AND SECURITY

Yuriy V. Yarmak

Moscow City University, Russia, Moscow
E-mail: Y.Yarmak@mail.ru

ABSTRACT

Social relations contain the ideological preferences of the subjects, which are based on intellectual beliefs. This determines the goals of their activities. Ideology has many properties and a variety of transformations. It has stability, soft power, and the ability to perform both consolidating and destructive functions. Knowledge of the phenomena of the soft power of ideology is relevant. It is necessary for the security of the individual, state, society.

KEYWORDS

Power; ideology; security; alienation; threats; dehumanization; intelligence; spiritual resources; manipulation.

МЯГКАЯ СИЛА ИДЕОЛОГИИ И БЕЗОПАСНОСТЬ

Ярмак Юрий Васильевич

Московский городской педагогический университет, Россия, Москва
E-mail: Y.Yarmak@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Общественные отношения содержат идеологические предпочтения субъектов, основанные на интеллектуальных убеждениях, что определяет и целевую их деятельность. Идеология, с её проникающими свойствами и разнообразием превращений, обладает не только живучестью, но и мягкой силой, способностями к выполнению консолидирующих и разрушительных функций. Внимание к феномену мягкой силы идеологии актуально для понимания безопасности личности, государства, общества.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

сила; идеология; безопасность; отчуждение; угрозы; дегуманизация; интеллект; духовные ресурсы; манипуляция.

ВВЕДЕНИЕ

Официальная идеология имеет разные социально-психологические, экономические, правовые, религиозные, национальные корни. Серьезное значение имеют и культурно-исторические ресурсы, определяющие её живучесть, способность к возрождению и активному проявлению себя в социуме. Кроме этих объективных факторов есть параметры, которые можно отнести к сущностному феномену идеологии как сложной мега-системе, получающей подпитку в социально-психологической конструкции каждой личности и массовом общественном сознании. Базируясь на выше упомянутых корнях, параметры идеологии проявляются по-разному с точки зрения масштабов захвата социальных слоев и глубины внедрения в психологию общественных групп. Идеология прочно связана и с обстоятельствами развития государств, политических систем, их встроенностью в мировые процессы (Сергейцев, 2020). Как отмечал К.Мангейм в своей работе «Диагноз нашего времени», именно от идеологического мышления, порожденного социальными противоречиями принципиального характера, возникают и меняются политические и исторические течения (Мангейм, 1994).

За три столетия существования идеологии, как артикулированного понятия (Сергейцев, 2020), это явление не только не стало «дряхлым», но набрало остроту, масштабность, разнообразие форм, технологически «вооружилось» и приобрело огромную жизненную актуальность. От идеологической палитры и состояния ведущей в государстве идеологии, часто зависит функционирование его базовых институтов, подсистем и частных элементов общества. В этом смысле, одной из целей политической власти является использование мягкой силы (soft power) идеологии, в том числе, и для решения вопросов безопасности.

Цивилизационный опыт подтверждает, что идеология может серьезно влиять на глубинные процессы в обществе, незримо или открыто, бурно или мягко, опосредованно или прямо влиять на вектор его развития, разрушать или сплачивать общественную ткань, менять мировоззрение и ментальные ориентировки как отдельного человека, так и больших социальных групп, народов и наций. События прошлого и современности, показывают такое свойство идеологии, как её невидимую силу и власть над людскими умами. Это порождает энергию человеческого поведения, участия в политических процессах, источники определенного творчества в достижении целей. При этом признаются как консолидирующие, так и разрушительные функции идеологии. Если события идеологического порядка совпадают с обстоятельствами социально-психологических изменений в обществе (реформы, потрясения, кризисы), тем более при неопределенности поведения власти, тогда мягкая сила идеологии выполняет свою коварную для общества, разрушительную роль. Более того, на почве разных оценок таких событий, возникает «разноцветный веер» частных идеологических течений, усугубляющих проблему консолидации

общественного организма, а идеологическая дисперсия ускоряет разобщенность общества.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Мягкая сила идеологии, хотя и стала только в середине XX века предметом серьезного рассмотрения учеными и специалистами общественно-политического управления, прошла долгий путь жизненной верификации и научного осмысления. Оценку генезиса функциональных свойств идеологии, условий её «жизненного» продуцирования посредством «захвата» социального и духовного пространства, свойств «рождать» и диктовать политические механизмы влияния, можно найти в работах Т.Гоббса, Дж.Локка, Т.Мальтуса, К.Маркса, Ф.Энгельса, Г.Плеханова, В.Ленина, А.Грамши, Г.Лебона, Г.Сперсера, Ф Хайека и других. В XX веке, на фоне усложнения научно-технологических сторон общественного организма и революционных изменений в социально-политических процессах многих стран, их интеграции в общую глобальную систему, идеология приобрела более сложные свойства и показатели своих «пробивных» и «цементирующих» способностей. А технологический прорыв в СМИ к середине Новейшего времени дал возможность многим управленческим структурам оценить мягкую силу идеологии, как серьезный фактор обеспечения политических успехов в государственном и международном влиянии, борьбе с конкурентами и обеспечении безопасности. Параллельно произошло и артикулирование понятия «мягкая сила», основоположником чего считается Джозеф Най.

Понятие мягкой силы, связанное с духовно-психологическим и социально-политическим смыслами, постепенно стало терминологически более широким: «мягкое влияние», «скрытое воздействие», «косвенное управление», «манипулирование», даже «зомбирование», «психологическое насилие». Устоялись и некоторые определения мягкой силы (МС). Вот одно из них. **МС =** ***совокупность факторов общественного сознания, определяющих отношение социальной (-ных) группы к какому-либо субъекту политики, событию общественной жизни или какой-либо из её сфер, и таким образом усиливающих (или ослабляющих) влияние этого субъекта на данную группу.*** Несколько иной подход к трактовке МС, можно найти у Э.Тофлера, когда он расценивает МС, как ***специфический коммуникативный фактор и одновременно механизм опосредованного влияния на социальные отношения***. При этом, Э.Тоффлер отмечает свойство данного феномена не только как ***свойство формировать общественные отношения, манипулировать ими, но и обеспечивать господство различных субъектов в сконструированных ими обстоятельствах*** (Тоффлер, 2002).

Упомянутый Джозеф Най предложил толковать МС, как ***особого рода внешнеполитический ресурс конкретного общества, государства, содержащий в себе способность привлекать других, чтобы те желали быть***

успешно похожими на образец, стремились иметь такие же достижения как конкретное государство. Здесь несомненным является многовекторность влияния мягкой силы на окружающий миропорядок и пропагандистские задачи тиражирования именно американского опыта государственно-политического, хозяйственного и культурного порядка. Однако за выдвинутыми идеями провозглашения образцовости американского общества, его хозяйственно-политической системы, следует видеть заложенную в них идеологическую подоплеку: дезавуирование заслуг иных государств и культур, порядков и национальных традиций, которыми мир наполнен и ценен.

Возникает вопрос о взаимоотношениях и балансе между необходимой и достаточной мерой сравнимости и образцовости, здорового критического подхода в компаративном механизме оценки опыта, истории, достижении успехов и динамики развития государств, разных обществ, культур, наций. Необходимость сравнения и тиражирования достижений и заслуг безусловно должна существовать. Но, она не должна подавлять суверенных прав каждого народа и государства жить по тем законам, которые они выбрали, тем более порождать иллюзию прав кого-то со стороны диктовать свои критерии и правила, по которым народы должны бы жить. Тем не менее, в эпоху современных возможностей тиражировать достижения и заслуги, и посредством этого выбирать способы давления со стороны одних государств на другие (экономические, военные, торговые, дипломатические, технические, санкционные), «популярными» для США стали идеологические. В комплексе с перечисленными, идеологические способы стали для американской администрации неотъемлемой частью гибридных форм влияния на оппонентов, вплоть до прямого нарушения их безопасности.

Началось это с середины 1950-х годов, как практика сочетания высоких лозунгов по тематике «избранности» американского общества, «величия» нации, с одновременным развенчиванием мнения о роли других государств, прежних цивилизаций и наций в мировой культуре и хозяйственном развитии (Ярмак, 2020). Это стало одним из условий удерживания Америкой статуса главной державы на планете и создания в этом смысле однозначного положительного общественного мнения в свою пользу. Для усиления своего идеологического влияния на послевоенную интеллигенцию Европы сыпались гранты и выгодные условия по «исследованиям» давней и ближней истории, практики обучения по американским лекалам, проведения культурных мероприятий с задачей приуменьшения или вообще вымарывания из памяти людей роли СССР во Второй мировой войне. Попутно навязывались мысли о необходимости идеологического и фактического нашего сдерживания под видом борьбы с «красной угрозой», формировались русофобия и менталитет негативной оценки, борьбы с неистребимым тоталитарным характером советской и российской психологии, культуры, претензий на значимость в мировом сообществе (Меттан, 2016).

Руководящим документом для такой линии долгие годы остается документ под названием «Стратегия национальной безопасности». Благодаря закладывающимся в него идеологическим лозунгам и семантическим комбинациям, он является орудием политико-психологического воздействия внутри страны и во внешнеполитической сфере. К нему примыкают другие документы, детализирующие общую стратегию давления через восприятие людей – «Ежеквартальный обзор военного строительства», «Обзор ядерной политики», ежегодные послания президентов США, и др. В социально-идеологическом обороте находятся другие материалы, замаскированно обеспечивающие политическую стратегию и направления использования мягкой силы идеологии в адрес интеллигенции, молодежи, других социальных групп.

Существуют и менее четкие мягкие формы идеологического воздействия и повышения её эффективности – отрасли искусства. Они исключительно скрытно, но успешно разрушают сложившиеся традиции отношений между людьми, нравы в культурной сфере, базу духовных ценностей, составляющих основу общественной гармонии и порядка в политическом пространстве государства, а по существу, подтачивают общественную безопасность. Например, языковая безопасность сравнима с продовольственной, т.к. теряя свой язык и упрочивая в языковой культуре англо-американский лексикон, мы теряем корни своей идентичности, что сравнимо с возможностями питаться традициями, историческими знаниями, духом своей земли. Или кино, театральные постановки, произведения живописи и музыки… Их подачей в массовую аудиторию, зачастую пропагандируются извращенные либеральные взгляды, тиражируются далекие от утвердившихся потребных и полезных для россиян ценностей, и навязываются разнузданные стандарты масс культуры.

Особое место принадлежит СМИ. По большому счету общее руководство ими находится в руках крупных денежных владельцев. Имея определенные преимущества в информационно-коммуникативном пространстве, прежде всего США «заказывают музыку» для всех, кто её потребляет. Например, в декабре 2011 года «Нью-Йорк Таймс» опубликовал статью о том, что каждый месяц в каком-нибудь ресторане на Уолл–Стрит собираются руководители 9 мировых банков, среди которых представители из первой десятки Америки («Голдман Сакс», UBS, «Бэнк оф Америка»), + первые лица таких же немецких, французских, японских структур. Логично считать, что когда деньги определяют реальную власть, то и всякие средства для их защиты и оправдания находятся в руках владельцев упомянутых структур. А СМИ, как раз и являются такими средствами. В 2012 году отмечалось, что информационную политику (читай мягкие средства оболванивания граждан) на медиа рынке США определяли (контролировали) 6 корпораций (General Electric, News Corp, The Walt Disney Company, Viacom, Time Warner, CBS, Sinclair Broadcast Group). Понятно, что не интересы граждан сосредоточены в центре их внимания, но интересы крупных бизнес-игроков.

Одним словом, мягкая сила идеологии, в частности США, с одной стороны, обеспечивает довольно жесткую сеть информационно-идеологического контроля своего общества и обеспечения его безопасности. С другой стороны, направлена на слом, изменение стиля поведения и целеполагание политических институтов государств-оппонентов, деформирование и проектирование в нужном направлении в них общественного мнения, по необходимости переформатирования под свои интересы мотивации отдельных граждан и общественных институтов.

При осуществлении дальнесрочной стратегии, в частности, по отношению к России, Запад предпринимает еще более ожесточенные и каверзные меры идеологического вмешательства, связанные с угрозами нашей безопасности. Такие обстоятельства мы видим в событиях вокруг Украины. За 20-30 последних лет мягкая сила идеологии в совокупности с политико-организационными мероприятиями украинской власти, привела к государственной деформации институтов общества, психологических установок большой части населения. Произошло переформатирование менталитета людей, дегуманизация по отношению к русским, гражданское общество, его культура, язык, менталитет, пристрастия в жизненном целеполагании оказались погруженными в миражи квази-европейскости. Следствие: братское союзное государство и часть его народа превратились в ортодоксального врага России, а в обществе взросли из когда-то заглушенных корней ростки национализма, нацизм, фашизм. Через скрытые намерения и мягкие формы управления, фейколожную пропаганду, «опытный пастух» (США, ряд европейских стран), вывели Украину на порочный путь высокомерного презрения к своим русским братьям, но и обеспечили на большое количество лет отчуждение[1] между нашими странами. А в принципе, возник вопрос европейской и даже глобальной безопасности - быть или не быть украинской государственности.

Беспрецедентная по степени обмана и манипулирования, разнообразию воздействия и диктаторским формам навязывания западная идеология на Украине сформировала достаточно серьезную медийную платформу ортодоксального западничества. Угрозы существуют и для России. Критиканство направлено на восточные культуры и ментальность народов, живущих на востоке или не считающих себя украинцами. Зато с большой страстью даже интеллигенция Украины слепо отдается объятиям миражей сытой жизни Запада. Расхожими стали навязанные убеждения в том, что в России сосредоточены все недостатки цивилизационного развития мира: от интеллектуальной дремучести, дряблости и культурной ущербности до природного анти-либерализма, неизбывного русского экспансионизма и демонизации В.В.Путина.

[1] Проблемы отчуждения исследуются автором по теме «Отчужденные формы научной коммуникации (философско-методологический анализ)», при поддержке РФФИ – Грант № 20-011-00710 А (2020-2022).

Самое плохое в размышлениях на данную тему то, что люди верят очень многому из того, что им внушают через упомянутые идеологические каналы. Вместе с этим, они не часто утруждают себя задаться вопросом, почему поддаются этому внушению. Ответ кроется не только в качествах человеческой психики, но и в свойствах информации, формах ее доставки, динамике и технологиях внедрения в наш разум и подсознание.

Сегодня постоянно и серьезно изменяется разнообразие инструментариев в процессе идеологического воздействия, увеличивается политическая подоплека, снижается степень достоверности информации, стало изощрённее воздействие на эмоции, разнообразнее выглядят формы внесения в сознание сомнений по достоверности данных со стороны оппонентов, беззастенчивей применяется откровенный обман, подтасовка материалов, вымарываются нежелательные факты и, наоборот, супер акцентированными становятся выгодные стороны информации, и т.д. Вместе с современной быстротой распространения информации в электронных сетях и тотальным господством главных центров под «руководством» кураторов этих технологий, достигается эффект опережающего подавления психологии людей (потребителей информации) той идеологией которая выгодна хозяевам информационных структур. А их имена мы давно знаем, CNN, BBC, WNS и другие.

Упоминая добавочные источники влияния на качества мягкой силы идеологии, обеспечивающей или разрушающей безопасность государства, следует отметить прямое влияние на это гуманитарного образования, которое должно господствовать в обществе и дополняться разными направлениями патриотического воспитания. Этот комплекс прямым образом связан с государственными интересами обеспечения общественной безопасности, и определяет гуманитарное образование как стержневую основу формирования духовных качеств и гражданственности детей и молодежи. В условиях крайне обостренной идеологической борьбы, которую вынуждена вести Россия, мы сегодня признаем ряд ошибок и упущений, которые были допущены здесь за годы т.н. перестройки и реформ на стыке XX –XXI веков.

Проблема, действительно, в немалой степени порождена внутри российского общества некоторыми структурами государства и гражданского общества, носителями глубоко не продуманных и даже фейковых лозунгов «За демократию…», «Открытость перед Западом…», «Уничтожение тоталитарных пороков…», гласность ради гласности и др. Это, помимо прочего, создало самоуверенную агрессивность со стороны наших западных оппонентов, нацеленную на уничтожение России сначала изнутри, через протесты, оппозицию, оглашение до гигантских размеров тех «тупиков», из которых стране не выбраться. Рыхлая в то время социально-политическая среда нашего государства и общества, позволяла «высаживать» в неё самые экзотические и даже враждебные саженцы идей, видов искусства, научно-гуманитарных откровений и ложного патриотизма, которые вели к очередному распадению страны. Хотя, с приходом в должность Президента России В.В. Путина, этот

процесс с трудом был приостановлен, инерция прогрессии угроз безопасности пока полностью не ликвидирована, и аксиоматичность утверждения о том, что в противостоянии с противником первой вступает в единоборство не жесткая сила оружия, а мягкая сила мировоззрения, идей, идеология, только подтверждается.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, научно характеризуя феномен идеологии, располагающей мягкой силой, следует отметить её функциональные качества:

- логическая и психологическая поведенческая основа для управленческих коммуникаций, которые базируются на восприимчивости людей, использовании их верований, чувств, традиций, обычаев, определяющих действия;
- концентрация определенных взглядов и идей в виде концепций для создания программ и лозунгов, которые должны коррелировать с запросами различных социальных групп и навязываться как истинные и достоверные;
- формулирование неких первооснов для создания и приведения в действие юридических правил и норм, законодательных принципов, отражающих существо государственного устроения и работы его институтов.

Мягкая сила идеологии в реальной жизни выступает в различных формах политических, правовых, эстетических, этических, религиозных и философских взглядов, соответственно, её можно считать каркасом общественного сознания, элементом культуры, результатом интеллектуальных усилий философов, ученых, политиков и общественных деятелей.

Идеологические скрепы определяют долговременность существования единого политико-административного и социокультурного пространства «человек-государство-общество» и обеспечивают его повседневную безопасность. От серьезности проблем, возникающих в области системных отношений между безопасностью и идеологией, может происходить и распад государств. Опасно, если государственная идеология пребывает в мало функциональном состоянии. Тогда факторы агрессивности оппонирующей идеологии, будут несопоставимо серьезнее, тем более, если оппонент обладает высоким потенциалом встречной активности. Обстоятельства устойчивости идеологии в противоборстве, как правило определяются глубинными разноплановыми основаниями проводимой в государстве долгосрочной реальной политики в разных областях, убедительностью и приверженностью власти тем ценностям, которые она всегда защищала и поддерживала с помощью мягкой силы идеологии, обеспечивая безопасность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Мангейм, К. (1994*). Идеология и утопия. Диагноз нашего времени*. Москва: Наука, 9-12.

Меттан, Г. (2016). *Запад – Россия: Тысячелетняя война. История русофобии от Карла Великого до украинского кризиса.* Москва: Издание «Паулсен».

Сергейцев, Т. (2020*). Идеология русской государственности. Контент Россия*. Санкт-петербург: Издательство «Питер».

Тоффлер, Э. (2002). *Матаморфозы власти.* Москва: Издательство «АСТ».

Ярмак, Ю.В. (2020). *Многоликая мягкая сила.* Москва: ИЭТ.

Для цитирования: Ярмак, Ю. В. (2022). Мягкая сила идеологии и безопасность. *Caspium Securitatis: журнал каспийской безопасности*, 2(1), 11-20.

DOI 10.54398/2713024X_2022_2_1_11

REFERENCES

Mannheim, K. (1994). *Ideology and utopia. Diagnosis of our time*. Moscow: Nauka, 9-12. (in Russian)

Mettan, G. (2016). *West - Russia: The Thousand Year War. The history of Russophobia from Charlemagne to the Ukrainian crisis*. Moscow: Paulsen Publishing. (in Russian)

Sergeytsev, T. (2020). *The ideology of Russian statehood. Content Russia*. St. Petersburg: Peter Publishing House. (in Russian)

Toffler, E. (2002). *Metamorphoses of power*. Moscow: Publishing house "AST". (in Russian)

Yarmak, Yu.V. (2020). *The many faces of soft power*. Moscow: IET. (in Russian)

For citation: Yarmak, Yu.V. (2022). Soft Power of Ideology and Security. *Caspium Securitatis: Journal of Caspian Safety & Security*, *2*(1), 11-20.

DOI 10.54398/2713024X_2022_2_1_11

NATIONAL IDENTITY IN CONTEXT SECURITY ISSUES OF THE CASPIAN MACROREGION

Sergey A. Khrapov

Astrakhan Tatishchev State University, Russia, Astrakhan
E-mail: khrapov.s.a.aspu@gmail.com

ABSTRACT

The article is devoted to the complex issue of the role of national identity in ensuring the security of the Caspian macroregion. Using the theoretical conclusions of the concepts of cultural security and societal security of the Caspian macroregion, as well as the author's interpretation of the categories "national identity", "macro threats to the security of the Caspian region", "resources of national identity", the author solves the conceptual issue of developing a holistic interdisciplinary approach to the stated research problem.

The result of the article is the definition of macro-threats to the national security of the constituent countries and the entire Caspian region, as well as the disclosure of the political, economic, cultural resources of national identity in their leveling. The article defends the key conceptual idea: the question of the resources of national identity in ensuring the security of the Caspian macroregion can be constructed by understanding the ontological conditionality of both the formation of the national identity itself in the historical context of the political, economic, cultural vectors of development of countries, and the objective significance of the national identity in the modern consolidation of the state, society, nation (peoples) to ensure the stable existence of the subjects of the Caspian macroregion. At the end of the article, the author's definition of national identity is given and its role in ensuring the national security of the constituent countries and the entire Caspian macroregion is revealed.

KEYWORDS

national identity; national consciousness; nation; national security; security of the Caspian microregion; macro-threats to security; countries-subjects of the Caspian macro-region; political resource of national identity; economic resource of national identity; cultural resource of national identity.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ВОПРОСА БЕЗОПАСНОСТИ КАСПИЙСКОГО МАКРОРЕГИОНА

Храпов Сергей Александрович

Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева,
Россия, Астрахань
E-mail: khrapov.s.a.aspu@gmail.com

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена комплексному вопросу о роли национальной идентичности в обеспечении безопасности Каспийского макрорегиона. Используя теоретические выводы концепций культурной безопасности и социетальной безопасности Каспийского макрорегиона, а также авторские интерпретации категорий «национальная идентичность», «макроугрозы безопасности Каспийского региона», «ресурсы национальной идентичности», автором решается концептуальный вопрос выработки целостного междисциплинарного подхода к заявленной проблеме исследования.

Итогом статьи является определение макроугроз национальной безопасности стран-субъектов и всего Каспийского региона, а также раскрытие политического, экономического, культурного ресурсов национальной идентичности в их нивелировании. В статье отстаивается ключевая концептуальная идея: вопрос о ресурсах национальной идентичности в обеспечении безопасности Каспийского макрорегиона, может быть конструктуирован пониманием онтологической обусловленности как формирования самой национальной идентичности в историческом контексте политического, экономического, культурного векторов развития стран, так и объективным значением национальной идентичности в современной консолидации государства, общества, нации (народов) для обеспечения стабильного существования субъектов Каспийского макрорегиона. В заключении статьи дается авторское определение национальной идентичности и раскрывается ее роль в обеспечении национальной безопасности стран-субъектов и всего Каспийского макрорегиона.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

национальная идентичность; национальное сознание; нация; национальная безопасность; безопасность Каспийского макрорегиона; макроугрозы безопасности; страны-субъекты Каспийского макрорегиона; политический ресурс национальной идентичности; экономический ресурс национальной идентичности; культурный ресурс национальной идентичности.

ВВЕДЕНИЕ

Проблематика сопряженности национальной идентичности и национальной, региональной безопасности вызывает массу политических и научных дискуссий, обусловленных современными кризисами безопасности в условиях глобализации-глокализации. Как известно, концептуализация проблематики безопасности имеет длительную историю, начиная с государственного подхода (J.E. Findling, J.S. Nye, S. Lynn-Jones, Л.Н. Анисимов, З.С. Белоуслова, Н.С. Бюриков и др.), когда безопасность рассматривалась в первую очередь с точки зрения военной и политической безопасности государства и заканчивая теориями конца XX века (Уэльская, Копенгагенская, Парижская научные школы, акцентирующих первоначальное внимание на безопасности человека и общества, сообществ, центрированных на определенных типах идентичности, что стало некой «методологической почвой» для формирования концепции социетальной безопасности (Романова А.П., Черничкин Д.А., 2018, с.161)

В нашем исследовании мы будем исходить из понимания безопасности Каспийского макрорегиона как системной безопасности, возможной только при стабильном устойчивом развитии всех стран-субъектов (Россия, Азербайджан, Казахстан, Туркменистан, Иран), выражающимся в нивелировании внутренних и внешних угроз в Каспийском и мировом геополитическом пространстве. Чрезвычайно важным в исследовании безопасности Каспийского макрорегиона, на наш взгляд, является избегание упрощенного регионалисткого подхода. Очевидно, что Каспийского море как уникальная экологическая сфера исторически объединила данные пять стран-субъектов, сформировав особое пространство взаимодействия, но их развитие определяется и другими географическими векторами, зачастую выходящими за границы России, Азербайджана, Казахстана, Туркменистана, Ирана. Соответственно, необходимо учитывать политические, экономические, культурные тренды их развития в общемировом контексте.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Исторически проблемы формирования национальных идентичностей можно рассмотреть в двух этапах: этническом и национальном (общегосударственном, гражданском). Этот факт подтверждает и Х. Бест: «национальная идентичность может рассматриваться как разновидность политической идентичности и включать в себя два аспекта: этнический и гражданский» (Best, 2009, p. 921-941). Массовый переход от этнических к национальным государствам произошел в XVIII- XIX веках в связи с новыми формами экономической, политической жизни, ростом географических пространств государств. Становление национальных государств проходило сложно, через войны и многочисленные социокультурные кризисы, в которых, фактически, происходило рождение национального сознания граждан нации, интегрирующей в себе исходные этнические группы и типы идентичности.

В результате произошло формирование современных типов национальной идентичности, центрированных на географическом, культурно-историческом ландшафтах, но и сопряженных с институтами государства и основными векторами развития стран. Идеи данного подхода представлены в теориях таких ученых как: А. Смит, Э. Геллнер, Б. Андерсон. С середины XX века активно продолжается акцентирование гражданского аспекта национальной идентичности. Этнический компонент нивелируется идеями толерантности и равноправия народов. США и страны Евросоюза провозглашая лозунг «одинаковости» глобального мира, фактически, сами опровергают его собственной реальной международной политикой по формированию глобального мира под их национальные интересы в ущерб интересам и безопасности других стран и регионов.

На наш взгляд, *историческая эволюция национальной идентичности привела к интегральной форме ее современного существования, включающей культурно-исторический и гражданский уровни. Сведение национальной идентичности только к этническому, либо только к гражданскому уровню вызывает серьезные политические и культурные кризисы.*

Проблематика сопряженности национальной идентичности и национальной безопасности имеет множество аспектов от концептуальных до политически-практических. Учитывая наличие пяти субъектов Каспийского макрорегиона (России, Азербайджана, Казахстана, Туркменистана, Ирана), а также ограниченный объем данной статьи, мы сосредоточим внимание на российском подходе к пониманию данной тематики, поскольку считаем его глубоко разработанным в научно-теоретическом, нормативном планах и отраженным в реальной государственной политики РФ.

Проведенный нами анализ публичных выступлений нормативно-правовых документов РФ, в частности Стратегии государственной национальной политики и Стратегии национальной безопасности, подтверждает идею интегрального подхода к национальной (общероссийской идентичности). Так в Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года объясняется, что: «Общероссийская гражданская идентичность (гражданское самосознание) - осознание гражданами Российской Федерации их принадлежности к своему государству, народу, обществу, ответственности за судьбу страны, необходимости соблюдения гражданских прав и обязанностей, а также приверженность базовым ценностям российского общества» (Указ Президента РФ «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, 2018). В данной Стратегии описывается, и культурно-историческая динамика формирования национальной идентичности и определяется ее роль в современном развитии России: «11-1. Общероссийская гражданская идентичность основана на сохранении русской культурной доминанты, присущей всем народам, населяющим Российскую Федерацию. Современное российское общество объединяет единый культурный (цивилизационный) код, который основан на сохранении и развитии

русской культуры и языка, исторического и культурного наследия всех народов Российской Федерации и в котором заключены такие основополагающие общечеловеческие принципы, как уважение самобытных традиций народов, населяющих Российскую Федерацию, и интегрирование их лучших достижений в единую российскую культуру» (Указ Президента РФ «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года», 2018).

Принципиальная позиция современного российского государства о значении национальной идентичности в системе национальной безопасности отражена и в Стратегии национальной безопасности РФ, в частности, в ней указаны традиционные российские духовно-нравственные ценности, являющиеся важными компонентами культурно-цивилизационного кода и национальной идентичности РФ: «приоритет духовного над материальным, защита человеческой жизни, прав и свобод человека, семья, созидательный труд, служение Отечеству, нормы морали и нравственности, гуманизм, милосердие, справедливость, взаимопомощь, коллективизм, историческое единство народов России, преемственность истории нашей Родины» (Указ Президента Р.Ф. «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», 2015). Именно идея о роли базовых ценностях российского общества существенным образом укрепляет консолидирующий потенциал национальной идентичности России. Значимым направлением Стратегии национальной безопасности Р.Ф. выступает государственная культурная политика, направленная на реализацию культурного ресурса для социально-экономического и политического развития. Государственная политика в сфере идентичности позволяет сохранит традиционные основы и обеспечить устойчивое движение страны в будущее (Рудаков, 2017). При этом стоит учитывать и риски сохранения и актуализации ресурсов национальной идентичности в условиях информационных войн (Устинкин, Рудаков, 2017). Учет и нивелирование данного фактора требует особых усилий от государства и научного сообщества.

Мы полагаем, что понимание национальной идентичности как общегосударственной идентичности, интегрирующей в себе культурно-исторический (ментальные, этнические, религиозные основания) и гражданский уровни, существенно расширяет методологический горизонт исследования и концептуализации ее роли в историческом и современном развитии, в том числе в обеспечении национальной безопасности каспийских стран и всего макрорегиона.

РОЛЬ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ БЕЗОПАСНОСТИ КАСПИЙСКОГО МАКРОРЕГИОНА

В конце XX века в геополитическом пространстве Каспийского моря основными субъектами становятся пять независимых государств, имеющих выход к акватории: Россия, Азербайджан, Казахстан, Туркменистан, Иран. До этого «долгое время большая часть акватории принадлежала одному государству,

которое пыталось сформировать единую культурную идентичность – советский народ. … Распад СССР и перестройка сделали практически «внутренний» регион Каспия геополитическим объектом, представляющим интерес для многих международных акторов не только в силу политических причин, но и в силу открытия месторождений углеводородов на дне водоёма» (Романова, 2021, с. 60-61).

На наш взгляд, массив угроз безопасности Каспийского макрорегиона: военных, геополитических, внутриполитических, экономических, экологических, социальных, демографических, религиозных, культурных, можно условно разделить на три обобщенных блока: ***политические, экономические, культурные угрозы.*** Данное концептуальное обобщение объясняется с одной стороны очевидной смежностью типов угроз (например, политические включают в себя военные, геополитические, внутри политические), с другой стороны позволяет нам более структурно-функционально определить роль национальной идентичности в нивелировании данных макроугроз посредством ее политических, экономических и культурных ресурсов.

Дискуссионность вопроса о ресурсах национальной идентичности в обеспечении безопасности Каспийского макрорегиона, нивелировании ее макроугроз, может быть конструктуирована *пониманием онтологической обусловленности как формирования самой национальной идентичности в историческом контексте политического, экономического, культурного векторов развития стран, так и объективным значением национальной идентичности в современной консолидации государства, общества, нации (народов) для обеспечения стабильного существования субъектов Каспийского макрорегиона*.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕСУРС НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ БЕЗОПАСНОСТИ КАСПИЙСКОГО МАКРОРЕГИОНА

В современном цифровом мире наблюдается жесткая борьба между ведущими державами за природные ресурсы, зоны влияния и, главное, за контроль за сознанием и идентичностью граждан (Храпов, 2011, 2021). Достижения в области политической и социальной психологии, а также рост цифровых возможностей и масштабная зависимость людей (особенно молодежи) от виртуальной информационной среды сформировали организационно-институциональные, социокультурные, социально-антропологические предпосылки политизация национальной идентичности.

На наш взгляд, актуализация политического ресурса национальной идентичности возможно при четырех основных условиях: 1) национального самоопределения; осознания нацией своей исторической (ментальной, этнической, религиозной) и современной государственной субъектности на мировой арене; 2) обеспечения политического суверенитета армией и службами безопасности страны; 3) наличия социально-экономической основы национальной политической субъектности (развитие национальной экономики и защита ее интересов; 4)

отстаивания национального вектора внутренней и внешней политики. Именно поэтому политизация национальной идентичности возможна только при определенных институциональных и социокультурных условиях, сложившихся в обществе.

Справедливость требует отметить, что механизмы актуализации политического ресурса национальной идентичности, могут быть как конструктивными, так и деструктивными. К первым можно отнести актуализацию ее позитивных потенциалов, таких как: национальное самосознание, консолидация государства, общества и нации в решении стратегических политических, экономических, культурных задач, воспитание молодых людей, идентифицирующих себя и свое будущее с успешным развитием страны. К деструктивным же потенциалам следует отнести разные формы национализма вплоть до нацизма, в частности, неизбежно приводящие не только к кризису национальной идентичности, но и угрозе национальной безопасности, распаду страны (яркий пример события на Украине в XXI веке). Р.Р. Назаров, В. Р. Алиева подтверждают наличие данных угроз и роль культурно-исторических оснований национальной идентичности в их нивелировании: «Одним из важнейших «фронтов» обеспечения мира, стабильности, устойчивого развития в ПКР выступает борьба с различными формами экстремистской, фундаменталистской, террористической идеологии, под влияние которых попадает часть молодежи региона. … Важным механизмом противостояния всем формам экстремизма выступает образование, просвещение. Прежде всего — молодежи, доведение до нее общегуманистической сути религий, подлинных ценностей любой религиозной культуры» (Назаров, Алиева, 2020, с 44-56).

В пространстве Каспийского макрорегиона вопросы отстаивания национальной идентичности, политической субъектности всех пяти стран приобретают особую актуальность перед лицом геополитических и внутриполитических угроз.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РЕСУРС НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ БЕЗОПАСНОСТИ КАСПИЙСКОГО МАКРОРЕГИОНА

Формирование глобальной экономики проходит крайне неоднородно. Противоречивость данных процессов, с одной стороны, раскрывается в установлении взаимозависимости экономик различных государств друг от друга (поставка, ресурсов, комплектующих для производства, международная торговля, логистика, финансовая система), а с другой - в конкуренции и экономической экспансии ведущих западных держав. В этих исторических условиях актуализируется потенциал национальных экономик, придерживающихся классических экономических подходов, что придает им особую устойчивость в условиях глобальной «трансиональной экономики» (Ж. Бодрийяр).

Особенности национальных экономик определяются не только спецификой геоклиматических факторов, но традиционными видами экономической

деятельности, отраженными в культурном ландшафте, а также установками ментальности, национального характера, «определяющие внутрихозяйственные отношения, систему производства и потребления» (Иванова, 2018, с.8) и непосредственно спряженные с национальной идентичностью. Безусловно, ключевым фактором национальной экономики является осознание властями и гражданами необходимости отстаивания интересов и экономического суверенитета. В данном контексте национальная экономика выступает специфическим внутренним и внешним экономическим актором. При этом, национальная экономика, несомненно, обладает «устойчивостью, эндо- и экзогармоничностью, целевыми установками на целостное развитие человека, но и способности к адаптации, восприятию, переработке и закреплению инноваций» (Сурнина, Печура, 2009, с. 6-7). Данный подход является концептуальным для осмысления специфики экономических ресурсов национальной идентичности.

Мы полагаем, что экономический ресурс национальной идентичности непосредственно определен следующими чертами национальной экономики: 1) базирование на исторически сложившихся видах экономической деятельности, определенных географической спецификой и отраженных в национальной культуре; 2) суверенный вектор национальной экономики как важнейший фактор политического суверенитета государства; 3) использование в экономической деятельности национальных традиций, способов социально-экономической адаптации, исторических особенностей взаимодействия экономических субъектов (например, экономический коллективизм, родственные связи, важнейшая роль государства как экономического регулятора).

Соответственно, реализацию экономического ресурса национальной идентичности можно рассматривать в двух основных планах: 1) общегосударственном, когда государство через меры политики, законодательства и госкорпорации реализует национальный вектор экономики исходя из представлений об национальных интересах, непосредственно сопричастных национальной идентичности (поддержка государством национально значимых секторов экономики и предприятий, введение санкций против представителей бизнеса недружественных стран, угрожающих национальной идентичности и национальной безопасности страны; 2) предпринимательском, представленном крупным, среднем и малым бизнесом, имеющим национальные признаки, в первую очередь, определенные объективными географическими (ресурсными, климатическими) условиями и чертами национального характера предпринимателей. Справедливость требует отметить, что данные планы национальной экономики не всегда действует синхронно. Объективно, на ее общегосударственном уровне преобладают национальные интересы и геополитические стратегии, а на уровне предпринимательском доминирует частный интерес. Но в условиях национальной консолидации возможна синхронность действий государства и предпринимателей для отстаивания интересов национальной экономики (например, сохранение предпринимателями

рабочих мест в условиях экономического кризиса, вызванного геополитическими угрозами).

Отстаивание национальных экономических интересов стран Каспийского макрорегиона несомненно является значимым аспектом их безопасности (Гаджиев, 2020). Энергетические и биологические ресурсы Каспия, его транспортно-логистические возможности стали не только объектами сотрудничества и конкуренции субъектов Каспия, но и объектами интересов недружественных стран, что обостряет вопрос консолидации национальных идентичностей.

КУЛЬТУРНЫЙ РЕСУРС НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ БЕЗОПАСНОСТИ КАСПИЙСКОГО МАКРОРЕГИОНА

Развитие культуры в условиях глобализации-глокализации происходит неравномерно, сопровождается кризисами, культурной экспансией западных стран, коммерциализацией культуры, утратой культурных традиций, «растворением» ряда этносов в пространстве глобальной культуры. Наряду с данными трендами наблюдается и «ответный» культурный тренд от ряда мощных национальных государств (Китай, Россия, Турция, Иран), остро осознающих угрозы культурной безопасности и значимость собственных культурно-исторических оснований для отстаивания политического суверенитета как внутри страны, так и на международной арене. Уже очевидно, что «проблемы будущего человечества в XXI в. будут решаться не в экономической или политической сферах, а в сфере культуры» (Колин, 2014, с. 80).

Осмысление культурного ресурса национальной идентичности в обеспечении безопасности непосредственно связно с вопросами культурной безопасности Каспийского макрорегиона, а также с ролью культурных феноменов в формировании национального самосознания (Удаев, 2018). Мы согласны с А.П. Романовой, Д.А. Черничкиным, в том, что: «культурная безопасность есть не только поддержание безопасности в культурной сфере…, но и поддержание национальное безопасности через развитие культурного самосознания» (Романова, Черничкин, 2018, с 163).

Особое значение в развитии национального самосознания и доминировании в общественном сознании конструктивных потенциалов культурного ресурса национальной идентичности играет историческая память. Академик РАН В.А. Лекторский характеризует «историческую память как неотъемлемую часть сознания и самосознания общества, в существенном смысле аналогичную автобиографической памяти человека, а самосознание личности – как включающее осознание собственной принадлежности к некой исторической общности» (Лекторский, 2001, с. 245–246). Очевидно, что знание нацией своей истории, культурных и религиозных оснований способствует «мемориальной социализации членов общества, сохранения коллективной идентичности и поддержания существования социального организма как такового» (Васильев, 2014, с. 153). Историческая память фиксирует в общественном сознании некий «культурно-

исторический код», некое «социокультурное ядро», обеспечивающие субъектность страны.

Нагиев Г.Г. в своей статье «Глобализация и этнокультурные процессы в Каспийском регионе» глубоко анализирует угрозы культурной безопасности: «деформация этнонациональных духовно-нравственных ценностей дает основание рассматривать глобализм как угрозу для существования традиционных культур народов Каспийского региона. …А сама нация или этническая группа утрачивает значение в политическом поле, растворяется в новом понимании идентичности, в составе его модернизированной структуры, разрушаются прежние культурные границы в системе новых ценностей» (Нагиев, 2020, с.37-43). В этом историческом контексте нивелирование угроз культурной безопасности и развитие национальной идентичности как «социокультурного ядра» национальной безопасности стран Каспийского макрорегиона имеет особое значение.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог, полагаем возможным выделить следующие выводы:

1) *историческая эволюция национальной идентичности привела к интегральной форме ее современного существования, включающей культурно-исторический и гражданский уровни.* Сведение национальной идентичности только к этническому, либо только к гражданскому уровню вызывает серьезные политические и культурные кризисы;

2) *безопасность Каспийского макрорегиона следует понимать и обеспечивать как системную (комплексную) безопасность*, возможную только при стабильном устойчивом развитии всех стран-субъектов (Россия, Азербайджан, Казахстан, Туркменистан, Иран), выражающемся в нивелировании внутренних и внешних угроз в Каспийском и Мировом геополитическом пространстве;

3) массив угроз безопасности Каспийского макрорегиона: военных, геополитических, внутриполитических, экономических, экологических, социальных, демографических, религиозных, культурных, можно условно разделить на три обобщенных блока: *политические, экономические, культурные угрозы;*

4) дискуссионность вопроса о ресурсах национальной идентичности в обеспечении безопасности Каспийского макрорегиона, нивелировании ее макроугроз может быть конструктуирована пониманием *онтологической обусловленности как формирования самой национальной идентичности в историческом контексте политического, экономического, культурного векторов развития стран, так и объективным значением национальной идентичности в современной консолидации государства, общества, нации (народов)* для обеспечения стабильного существования субъектов Каспийского макрорегиона;

5) *в качестве основных ресурсов национальной идентичности в решении вопросов безопасности Каспийского макрорегиона следует считать ее политический, экономический, культурный потенциал*, выражающийся в

реализации национальных оснований (социокультурного ядра, цивилизационного кода) и сопряженных с ними национальных приоритетов в сферах политики, экономики и культуры.

Таким образом, проведенный нами социально-философский анализ позволяет предложить авторскую интерпретацию *национальной идентичности как* общегосударственной идентичности, интегрирующей в себе культурно-исторический (ментальные, этнические, религиозные основания) и гражданский уровни, обеспечивающие национальную безопасность стран-субъектов и всего Каспийского макрорегиона через реализацию ее политического, экономического, культурного ресурсов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Васильев, А.Г. (2014). Воплощенная память: коммеморативный ритуал в социологии Э. Дюркгейма. *Социологическое обозрение*, *2*, 48-162.

Гаджиев, Т.Г. (2020). Прикаспийский регион: от соперничества к партнерству. *Материалы результатов международной научно-практической конференции «Устойчивое развитие стран Прикаспийского региона в условиях меняющегося мира»*. Москва, 5-12.

Иванова, М.В. (2018). Этническая экономика: подходы к определению. *Труды Кольского научного центра РАН, 7*, 6-13.

Колин, К.К. (2014). Глобализация и культура. *Стратегические приоритеты*, *4*, 80-85.

Лекторский, В.А. (2001). *Эпистемология классическая и неклассическая.* Москва: УРСС.

Нагиев, Г.Г. (2020). Глобализация и этнокультурные процессы в каспийском регионе. *Материалы результатов международной научно-практической конференции «Устойчивое развитие стран Прикаспийского региона в условиях меняющегося мира»*. Москва, 37-43.

Назаров, Р.Р., Алиева В.Р. (2020). Этнополитические аспекты межгосударственных отношений стран Прикаспийского региона. *Материалы результатов международной научно-практической конференции «Устойчивое развитие стран Прикаспийского региона в условиях меняющегося мира*. Москва, 44-56.

Парсонс, Т. (1993). Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения. *THESIS*, *2*.

Романова, А.П., Черничкин, Д.А. (2018). Коллективная идентичность в концепции социетальной безопасности: Каспийский акцент. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, *3*, 160-167.

Романова, А.П. (2021). Концепция социетальной безопасности: теория, дискуссия и каспийские перспективы. *Caspium Securitatis: журнал каспийской* безопасности, *1*(1), 55-65.

Рудаков, А. (2017). Национальная идентичность – условие политической субъектности государства. *Обозреватель – Observer*, *12*, 6-16.

Сурнина, Н.М., Печура, О.В. (2009). Этноэкономическая парадигма в контексте теории диалога цивилизаций. *Вестник Томского государственного университета. Экономика*, *4*, 5-12.

Удаев, Р.А. (2018). Безопасность и идентичность: этнокультурные аспекты. *Вестник Калмыцкого университета*, *4*, 156-162.

Устинкин, С.В., Рудаков, А.В. (2017). О подходах к формированию системы мер по противодействию фальсификации истории и защите исторического сознания народов России. Власть, *7*, 113-119.

Храпов, С.А. (2021). Информационная безопасность социокультурного пространства Прикаспия. *Caspium Securitatis: журнал каспийской безопасности*, *1*(3), 51-59.

Храпов, С.А. (2011). *Трансформация общественного сознания в социокультурном пространстве постсоветской России: диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук*. Москва: Российский государственный социальный университет.

Указ Президента РФ *«О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года»* (редакция от 06.12.2018 № 703). Получено из http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&link_id=0&nd=102161949

Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». Сайт Президента Российской Федерации. Получено из http://www.kremlin.ru/acts/bank/40391

Best, H. (2009) History Matters: Dimensions and Determinants of National Identities among European Populations and Elites. *Europe-Asia Studies*, *6*, 921-941.

Для цитирования: Храпов, С.А. (2022). Национальная идентичность в контексте вопроса безопасности Каспийского макрорегиона. *Caspium Securitatis: журнал каспийской безопасности*, *2*(1), 21-34.

DOI 10.54398/2713024X_2022_2_1_21

REFERENCES

Vasiliev, A.G. (2014). Embodied memory: commemorative ritual in the sociology of E. Durkheim. *Sociological Review, 2*, 48-162. (in Russian)

Gadzhiev, T.G. (2020). Caspian region: from rivalry to partnership. *Materials of the results of the international scientific and practical conference "Sustainable development of the countries of the Caspian region in a changing world"*. Moscow, 5-12. (in Russian)

Ivanova, M.V. (2018). Ethnic economy: approaches to definition. *Proceedings of the Kola Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 7*, 6-13. (in Russian)

Colin, K.K. (2014). Globalization and culture. *Strategic Priorities, 4*, 80-85. (in Russian)

Lektorsky, V.A. (2001). *Epistemology, classical and non-classical*. Moscow: URSS. (in Russian)

Nagiev, G.G. (2020). Globalization and ethnocultural processes in the Caspian region. *Materials of the results of the international scientific and practical conference "Sustainable development of the countries of the Caspian region in a changing world"*. Moscow, 37-43. (in Russian)

Nazarov, R.R., Alieva V.R. (2020). Ethnopolitical aspects of interstate relations in the countries of the Caspian region. *Materials of the results of the international scientific and practical conference "Sustainable development of the countries of the Caspian region in a changing world"*. Moscow, 44-56. (in Russian)

Parsons, T. (1993). The concept of society: components and their relationships. *THESIS, 2*. (in Russian)

Romanova, A.P. & Chernichkin, D.A. (2018). Collective identity in the concept of societal security: Caspian accent. *Caspian region: politics, economics, culture, 3*, 160-167. (in Russian)

Romanova, A.P. (2021). The concept of societal security: theory, discussion and Caspian perspectives. *Caspium Securitatis: Journal of Caspian Safety & Security, 1*(1), 55-65. (in Russian)

Rudakov, A. (2017). National identity is a condition for the political subjectivity of the state. *Observer - Observer, 12*, 6-16. (in Russian)

Surnina, N.M. & Pechura, O.V. (2009). Ethnoeconomic paradigm in the context of the theory of dialogue of civilizations. *Bulletin of Tomsk State University. Economics, 4*, 5-12. (in Russian)

Udaev, R.A. (2018). Security and identity: ethnocultural aspects. *Bulletin of Kalmyk University, 4*, 156-162. (in Russian)

Ustinkin, S.V. & Rudakov, A.V. (2017). On approaches to the formation of a system of measures to counter the falsification of history and protect the historical consciousness of the peoples of Russia. *Power, 7*, 113-119. (in Russian)

Khrapov, S.A. (2021). Information security of the socio-cultural space of the Caspian region. *Caspium Securitatis: Journal of Caspian Safety & Security, 1*(3), 51-59. (in Russian)

Khrapov, S.A. (2011). *Transformation of public consciousness in the sociocultural space of post-Soviet Russia: dissertation for the degree of Doctor of Philosophy*. Moscow: Russian State Social University. (in Russian)

Decree of the President of the Russian Federation "On the Strategy of State National Policy of the Russian Federation for the period until 2025" (as amended on December 6, 2018 No. 703). Retrieved from http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&link_id=0&nd=102161949 (in Russian)

Decree of the President of the Russian Federation dated December 31, 2015 No. 683 "On the National Security Strategy of the Russian Federation." Website of the President

of the Russian Federation. Retrieved from http://www.kremlin.ru/acts/bank/40391 (in Russian)

Best, H. (2009) History Matters: Dimensions and Determinants of National Identities among European Populations and Elites. *Europe-Asia Studies*, *6*, 921-941.

For citation: Khrapov, S.A. (2022). National Identity in Context Security Issues of the Caspian Macroregion. *Caspium Securitatis: Journal of Caspian Safety & Security*, *2*(1), 21-34.

DOI 10.54398/2713024X_2022_2_1_21

THE CASPIAN SEA AS AN AXIAL REGION OF EURASIA IN THE CONTEXT OF CIVILIZATION DEVELOPMENT (HISTORICAL AND ELITOLOGICAL GENERALIZATION

Pavel L. Karabushenko

Astrakhan Tatishchev State University, Russia, Astrakhan
E-mail: pavel_karabushenko@mail.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0003-2776-4089

ABSTRACT

The purpose of the research: to determine the main components of the civilizational development models of the Eurasian space around the Caspian Sea. The article consideres some issues related to the discussion about the role of elites in the development of steppe and urban civilizations. The object of this study is the Caspian region, as the axial region of Eurasia and the subject is the ratio of cultural codes of nomadic and urban civilizations. The main task will be to clarify the role of elites in the formation of these systems.

Research materials: the article can be considered as a kind of general commentary on the research of leading domestic scientists. It largely uses materials of geopolitics and historical elitology. Based on the data of geopolitics and elitology, the article analyzes the influence of the chosen "creative minority" on the development of Eurasian expanses, summarizes the data of leading domestic specialists in history.

The results and scientific novelty: it is for the first time that a synthetic (elitological and geopolitical) analysis of the development of Eurasian civilization codes was given which influenced the course of its history. Historical elitology explores not only the character of the elites themselves, but also reveals their role in the development of culture and civilization. The role of the creative minority in history is determined by the success in solving its problems, the ability to respond in a timely and effective manner to the challenges of its time. Cultural and ruling political elites were directly involved in the development of cultural codes and empires of the Eurasian space.

The Caspian has always played the role of an axial region in the centuries-old history of Eurasia around which the most important cultural and political events took place. It was an ethnic melting pot, from the depths of which came out many different ethnic groups, cultures and civilizations. Events arose here, echoes from which rolled across the vast expanses of Europe and Asia, changing their political and cultural appearance. There were always great empires and small states around the Caspian Sea which miraculously survived in the alarming expanses of local geopolitics. This axial region of Eurasia with good reason can be considered the cradle of many civilizations that originated and existed here for many millennia. Having found itself on the margins of world history, the Caspian Sea begins to regain its identity only in our time and again begins to declare itself as an axial player of geopolitical relations.

KEYWORDS

Eurasia; Caspian region; geopolitics; conflict of civilizations; dialogue of cultures; security; threats; stability; nomad; steppe; city.

КАСПИЙ КАК ОСЕВОЙ РЕГИОН ЕВРАЗИИ В КОНТЕКСТЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ (ИСТОРИКО-ЭЛИТОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОБЩЕНИЕ)

Карабущенко Павел Леонидович

Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева, Россия, Астрахань
E-mail: pavel_karabushenko@mail.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0003-2776-4089

АННОТАЦИЯ

Цель исследования: определить основные компоненты моделей цивилизационного развития евразийского пространства вокруг Каспия. В статье рассматриваются некоторые вопросы, связанные с дискуссией о роли элит в развитии степной и городской цивилизаций. *Объектом* настоящего исследования является Каспийский регион, как осевой регион Евразии, а *предметом* – соотношение культурных кодов кочевой и городской цивилизаций. В качестве основной *задачи* будет уточнение роли элит в процессе образования этих систем.

Материалы исследования: статья может рассматриваться как своего рода общий комментарий к исследованиям ведущих отечественных ученых. В ней в значительной степени используются материалы геополитики и исторической элитологии. Опираясь на данные геополитики и элитологии, в статье анализируется влияние избранного «творческого меньшинства» на освоение евразийских просторов, обобщаются данные ведущих отечественных специалистов по истории

Результаты и научная новизна: впервые дан синтетический (элитологический и геополитический) анализ развития евразийских цивилизационных кодов, повлиявших на ход ее истории. Историческая элитология исследует не только характер самих элит, но и выявляет их роль в развитии культуры и цивилизации. Роль творческого меньшинства в истории определяется успехом в решении ею проблем, способностью своевременно и эффективно отвечать на вызовы своего времени. Культурные и правящие политические элиты принимали самое непосредственное участие в развитии культурных кодов и империй евразийского пространства.

В многовековой истории Евразии Каспий всегда играл роль осевого региона, вокруг которого происходили наиболее важные культурные и политические события. Это был этнический плавильный котел, из недр которого вышло великое множество различных этносов, культур и цивилизаций. Здесь зарождались события, эхо от которых прокатывалось по бескрайним просторам Европы и Азии, меняя их политический и культурный облик. Вокруг Каспия постоянно возникали великие империи и малые государства, которые чудом выживали на тревожных просторах местной геополитики. Этот осевой регион Евразии с полным основанием можно считать колыбелью многих цивилизаций, которые зарождались и существовали здесь на протяжении многих тысячелетий. Оказавшись на задворках всемирной истории, Каспий лишь в наше время вновь начинает обретать свою идентичность, и вновь начинает заявлять о себе как об осевом игроке геополитических отношений.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Евразия; Каспийский регион; геополитика; конфликт цивилизаций; диалог культур; безопасность; угрозы; стабильность; кочевник; степь; город.

Каспийский регион по праву считается перекрестком культур и цивилизаций. И в правоте этого определения мы всякий раз убеждаемся, когда начинаем анализировать общую историю стран этого региона. По богатству и разнообразию исторических событий она не уступает Европейской или Китайской цивилизации. Страны каспийского региона всегда были озабочены проблемами геополитической безопасности и культурного диалога, поскольку они слишком часто становились ареной ожесточенной борьбы за свои цивилизационные коды истории.

Когда в начале XX в. английский геополитик Х.Дж. Маккиндер вводил понятие «осевой регион» (PivotArea), он имел в виду бескрайние евразийские пространства, вокруг которых вращались основные геополитические процессы и из недр которых выходили основные политические вызовы всемирной истории. Для него евразийские просторы - это *«theheart-landoftheEuro-Asia»,* сердце мира и «ось всемирной истории». «Разве не является осевым регионом в мировой политике этот обширный район Евро-Азии, недоступный судам, но доступный в древности кочевникам» (Маккиндер, 1995, с. 168). Но у этого «сердца мира» («*Heartland*») есть своя собственная внутренняя «ось», в роли которой выступает Каспийское море, в разные исторические эпохи именовавшееся то «Хвалынским», то «Хазарским», то «Русским» морем. Каспий, как геополитический и исторический магнит стягивал к себе все народы с их огромным багажом этнической культуры, религий, политий и традиций. Что собой представляла эта колыбель евразийской цивилизации, каковы были ее параметры и историческое значение, мы и постараемся рассмотреть на страницах настоящей работы. Прежде всего, начнем с краткого геополитического анализа.

ГЕОПОЛИТИКА КАСПИЙСКОГО РЕГИОНА

Каспий – не географическая стена, разделяющая народы. Как макрорегион Каспий является некой геополитической осью, объединяющей собой сопредельные регионы – Кавказ (на Западе), Среднюю Азию (на Востоке), зону Персидского залива (на Юге) и Волго-Уральское междуречье (на Севере). На Юге каспийская ось упирается в Персидский залив и раздваивается - западная часть уходит в Месопотамию, Палестину и Египет, восточная в Индию и Шри-Ланку. Северная часть оси упирается в Ледовитый океан и уходит одной стороной в Сибирь, другой - в Скандинавию. Вызовы и угрозы этого региона самым непосредственным образом отражаются на состоянии всей Евразии. В настоящее время два самых непримиримых для США государства (Россия и Иран) фактически контролируют этот регион, что и предопределяет вмешательство и давление на него со стороны «олигархического» Вашингтона.

В прошлом, когда Вашингтона еще не существовало, этот регион испытывал на себе давление иных, не менее серьезных геополитических сил, характеризовавших этнополитическую стихию своих времен. Длительное время Каспий был географической стеной, разделяющей мусульманский Восток и христианский Запад. История Каспийского региона – это история возникновения,

расцвета и гибели великих империй. В странах Востока всегда была важна роль сильного лидера. Восток ценил силу (мощь) и подчинялся только сильному. Вот почему в этом регионе постоянно возникали великие Империи: доисторический Аркаим (страна городов ариев на Южном Урале), степной Скифо-сарматский мир, Персидская, Эллинистическая, Византийская, Хазарская, Монгольская, Тимуридская, Османская, Российская. Столкновение этих империй давало мощный толчок к развитию новых государств и геополитических стратегий.

Каспийский регион - это уникальное место на планете, со своим особым историко-культурным ландшафтом. И главной ее особенностью является то, что здесь постоянно возникали империи, которые определяли ход мировой истории. Сама идея Империи подразумевает объединение (чаще всего насильственное) разных этносов и культур, с целью извлечения неких взаимных выгод. Чтобы быть эффективной Империя должна наладить и поддерживать обмен подобными выгодами. Как глобальный проект Империя могла выжить только как синтез и погибнуть как химера (Хазария) (Гумилев, 1992, с. 135 и далее). Поэтому Империя – это, прежде всего, интеграция разного во имя синтеза единого нового. Страны Каспия привыкли к идее местной империи. Поэтому вмешательство в их дела третьих империй со стороны они воспринимают как изначально негативное посягательство на их собственные имперские традиции.

Каспий издавна был перекрестком великих торговых маршрутов: с Востока на Запад в него упирался и вокруг него обходил «Великий шелковый путь», а с Севера на Юг по нему проходил путь из Северной Европы в Персию и далее в Индию - «Великий Волжский путь». Торговля всегда подливала масла в огонь геополитики. А такого «масла» в этом регионе было предостаточно. Поэтому полыхал он различными конфликтами от восхода и да заката Солнца, все время пока по нему эти караваны шли.

МЕЖДУ ЗАПАДОМ И ВОСТОКОМ

История Каспия - это история и не Востока, и не Запада. Это история и Запада, и Востока одновременно. В целом - это история Евразии. Все предки современных европейцев прошли в Европу через «Каспийские ворота». Но Восток в большей мере повлиял и определил лицо Каспийского региона. В споре о том, что/кто такой «Каспий» - Восток или Запад – побеждает Евразия. Восток был начальной точкой движения процесса переселения народов; Запад – конечной. Всё, что приходило с Востока, в конечном счете, становилось Западом. Но мы не знаем ни одного случая, когда «Запад» становился «Востоком»[2]. Видимо, XXI век предоставит нам подобные примеры, если вспомнить о том, что на самом Западе активно обсуждается тема угрозы «пробудившегося Востока».

[2] Такой случай появился только в последнее время, когда технические достижения Запада (TV, сотовые телефоны, Internet, АК-47 и т.д.) были восприняты Востоком и стали его неотторжимой повседневностью. Восток стал стремительно «вестернизироваться» (*Western*), когда начал принимать западные ценности в качестве своих базовых постулатов.

Европейцы постоянно всматриваются в Азию, ища в ней скрытую для себя угрозу. Они постоянно ищут некие геополитические формулы, с помощью которых пытаются объяснить для себя особенности этого мира. Например, общий вывод геополитической теории Х. Маккиндера формулируется им следующим образом: *тот, кто контролирует Восточную Европу, тот контролирует и «Центральный материк» (Heartland), тот, кто доминирует на «Центральном материке», тот доминирует на «Мировом острове», а кто правит «Мировым островом», тот правит миром* («DemocraticIdealsandReality, 1919») (Маккиндер, 1995, с. 168-169). Отношения же в самой Евразии регулируются великим осевым Каспийским регионом – центром притяжения всех более или менее значимых событий и проблем. Последнее всегда вызывало зависть у тех, кто стремился превратить себя в эпицентр мировых процессов.

Постоянное давление Азии на Европу исторически предопределило негативное отношение европейцев к Евразии, в которой они видели угрозу очередного гуннского или монгольского вторжения. Этим во многом объясняются и современные русофобские настроения – в их глазах современная Россия есть продолжение гуннов Аттилы и монголов Чингисхана. Х.Дж. Маккиндер призывал своих англосаксов «взглянуть на Европу и европейскую историю как на явления, зависимые по отношению к Азии и ее истории, ибо европейская цивилизация является в значительной степени результатом вековой борьбы против азиатских вторжений» (Маккиндер, 1995, с. 163). Для современных русофобов нет ничего умнее, как объявить Россию «Тартарией», а всех россиян назвать новыми гуннами и татаро-монголами.

В целом Евразийская цивилизация - это удивительный сплав степной и городской культур. На просторах Евразии мы постоянно видим столкновение (конфликт и диалог) этих двух видов культур. Конфликт различий уже заложен в самом характере этих двух типов цивилизаций. Кочевник – космополит; горожанин – гражданин своего полиса. Степные Империи основывались на насилии завоевания; городские на усилении административно-управленческой системы. Для городской цивилизации важно было строительство стен и зданий, для степной – контроль коммуникаций. Столкновение кочевой и городской цивилизаций всегда приводило к росту напряженности и появлению новых возможностей для культурно-политического синтеза.

СТЕПНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Сарматы и скифы несколько тысячелетий безраздельно господствовали в степной евразийской зоне. Преимущество степных этносов в их мобильности, но степные империи крайне сложно удерживать в стабильном состоянии. Они могут обеспечить свою внутреннюю стабильность только за счет внешней военной экспансии. Поэтому степь – это вечный поход, вечный набег на оседлые народы. Именно кочевниками были главными носителями идеи миграции народов. Многочисленные волны кочевых народов регулярно прокатывались через

«Каспийские ворота» на Запад, вызывая там животный ужас перед «дикой Азией» (Маккиндер, 1995, с. 164).

Кочевые традиции Евразии уходят в глубокую доисторическую древность. Киммерийцы, сарматы, скифы, гунны, печенеги, половцы, монголы не одно столетие волнами прокатывались по бескрайним просторам Великой степи. Все они были патриархальными сообществами (миф об амазонках следует рассматривать, как греческую нелепицу о чудесах ойкумены). Кочевники постоянно создавали военно-политические союзы, поэтому один и тот же этнос мог быть задействован сразу в нескольких исторических группах и в разные времена мог выступать под разным названием. Впервые о кочевниках Евразии упоминает в VIII в. до н.э. Гомер: «Страна и город мужей *киммерийских*. Всегдашний // Сумрак там и туман. Никогда светоносное солнце // Не освещает лучами людей, населяющих край тот, // Землю ль оно покидает, вступая на звездное небо, // Или спускается с неба, к земле направляясь обратно. // Ночь зловещее племя бессчастных людей окружает» (*Одиссей, 11, 13-19*) (Гомер, 1953). Если понимать Гомера иносказательно, то он характеризует киммерийцев как темных и необразованных людей. Киммерийцы (предположительно индоиранские или ираноязычные) прославились как успешные завоеватели (Артамонов, 1974, с. 23-31). Античные источники называют их доскифским населением степной части Северного Причерноморья, (*Геродот. История. 4, 11*) (Геродот, 2001, с.238), а их цари (Теушпа, Тугдамме) фигурируют во многих военных историях Малой Азии и Ближнего Востока. Около 645 г. до н. э. киммерийцы были наголову разбиты скифами в Малой Азии, после чего начался их стремительный уход из истории (Медведская, 2000).

Пришедший на смену киммерийцам другой ираноязычный народ скифы (самоназвание: *Skolotoi*) господствовал в Евразии с VIII в до н.э. по IV в. н.э. (прямым потомком скифского языка в современный период является осетинский язык) (Исаев, 1999, с. 107). Родственным скифам народом были «савроматы/сарматы», «саки» (в Авесте так назывались все скифы вообще (Авеста, 1997, с. 457) и «массагеты» (*Геродот.История, I. 201—205*) (Геродот, 2001). Отец истории Геродот так описывает характер скифов: «Скифы владычествовали над Азией в течение двадцати восьми лет, и все опустошили своим буйством и излишествами. Они взимали с каждого народа наложенную ими на каждого дань, но кроме дани совершали набеги и грабили, что было у каждого народа» (*Геродот, История. I, 106)* (Геродот, 2001). Сам факт наличия военно-политических союзов указывает на развитую патриархальную элиту, которая своей подвижной селекцией отражала динамичный образ жизни кочевника.

В VIII – IX вв. сложился союз тюркоязычных кочевых племен печенегов (Гарустович, 2001) В XI - XIII вв. территорию Великой степи заняли уже половцы (кипчаки, куманы), которые в XIIIв.полностью ассимилировали монгольских завоевателей и передали им свой язык (Кляшторный, 2005). Уральские горы и Каспийское море создавали горловину («ворота»), через которую бесконечные потоки кочевников то и дело мигрировали с востока на запад и с запада на восток.

Большинство страниц европейской истории начинались писаться именно здесь [3] .«На протяжении десяти веков несколько волн всадников-кочевников выходило из Азии через широкий проход между Уралом и Каспийским морем, пересекая открытые пространства юга России и, оседая в Венгрии, попадали в самое сердце Европы, внося таким образом в историю соседних народов момент непременного противостояния: так было в отношении русских, германцев, французов, итальянцев и византийских греков. То, что они стимулировали здоровую и мощную реакцию вместо разрушительного противодействия в условиях широко распространенного деспотизма, стало возможным благодаря тому, что мобильность их державы была обусловлена самой степью и неизбежно исчезала в окружении гор и лесов» (Маккиндер, 1995, с. 165).

О том, что творилось в политическом плане в Великой степи, современные исследователи имеют весьма смутное представление. Чаще всего речь идет о ситуативной конфедерации племен с крайне неустойчивым политико-административным единством (Иванов, 2018, с. 625-626). Константой выступает тезис о том, что для кочевника война была нормой жизни и что он был человеком войны. Напомним, что «Великая Яса» Чингиз-хана определяла, что «Мужчинам [кочевникам] разрешается заниматься только войной и охотой» – §53) (Доманин, 2010; Иванов, 2014, с. 206). И такой образ жизни был нормой для собирательного образа кочевника.

Для жителя полиса образ степняка — это образ притаившегося в придорожных кустах разбойника, вознамерившегося ограбить идущий и города «А» в город «Б» богато груженый караван. Для жителя степи горожанин - это скрывающийся за городскими стенами чужак, скопивший у себя дома немалые материальные и культурные богатства. В системе «свой – другой – чужой» город и степь постоянно проводили идентификацию, определяя неустойчивые границы своих цивилизаций.

Киммерийцы, сарматы, скифы, гунны, печенеги, половцы, монголы научились управлять степью и города сделались главным объектом их военной агрессии. Конфликт города и степи вылился в постоянном нагнетании угрозы насильственного перераспределения богатства.

[3]Британский геополитик начала XX в. Х.Дж. Маккиндер отмечал: «Россия и Польша возникли на лесных прогалинах. Вместе с тем, сюда, начиная с V по XVI столетие, через степи из отдаленных и неведомых уголков Азии направлялась в створ, образуемый Уральскими горами и Каспийским морем, беспрерывная череда номадов-туранцев: гунны, авары, болгары, мадьяры, хазары, печенеги, куманы, монголы, калмыки. Во время правления Аттилы гунны утвердились в центре пушты, на самых отдаленных “придунайских” островках степи, и оттуда наносили удары на север, запад и юг по оседлому населению Европы. Большая часть современной истории может быть написана как комментарии к изменениям, прямо или косвенно представлявшим собой последствия тех набегов. Вполне возможно, что именно тогда англы и саксы были принуждены пересечь море и основать на Британских островах Англию. Впервые франки, готы и жители римских провинций оказались вынуждены встать плечом к плечу на поле битвы у Шалона, имея перед собой общую цель борьбы с азиатами; таким образом они непроизвольно составили современную Францию» (Маккиндер, 1995, с. 164).

ГОРОДСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Оседлые земледельческие народы создавали свой особый отличительный от степи мир. Города - это не просто места компактного проживания определенного человеческого сообщества, это еще места культурного общения и встреч различных цивилизаций. Для кочевника город - это еще одна географическая точка ориентации в их степном пространстве.

Между городом и степью всегда существовало разделение труда. Степняку проще было быть скотоводом, чем ремесленником. Поэтому степь давала сырье (продукты животноводства), тогда как город – готовый ремесленный продукт. Кочевая цивилизация содействовала развитию торговли, обмену технологиями, распространению культурных и религиозных ценностей. Кочевник – первый знаток географии; горожанин – первый «учитель» политики.

Города создавали свои микроцивилизации, которые заметно выделялись на фоне культурных бытовых особенностей горцев и степняков. Здесь одномоментно могли существовать и перемешиваться дикость, варварство и цивилизация. Может быть, кому-то могло показаться, что «дикари» здесь спускались только с гор, «варвары» приходили со стороны степей, а «цивилизация» отсиживалась за стенами своих городов. Но на самом деле все обстояло намного сложнее. Все было перемешано настолько, что в этом этнополитическом коктейле постороннему невозможно было разобраться. Каспийский регион был самой настоящей «Вавилонской башней», крупнейшей во всей мировой истории человечества. И эта «башня» многократно разрушалась конфликтом цивилизаций и восстанавливалась диалогом культур.

Города – это те реперные географические точки, где сосредоточивалась политическая власть, торговля, религия, культура. Следовательно, это были «места силы», привлекавшие повышенное внимание всех наличием в них материальных и духовных богатств. В городах сосредоточивалось материальное богатство, в степи оно рассеивалось. Сама концентрация людей в городе, делала это место одновременно и местом повышенного конфликта, и местом наивысшего порядка, поскольку в хаосе город жить не может. Если для города хаос — это временное состояние, то для степи хаос абсолютен. Степь лишь на краткое время может приходить в порядок, поддерживаемый военно-политической сверхсилой.

Если северная часть оси Каспийского региона упирается в «Страну городов» (Аркаим, средняя бронза XX – XVI вв. до н. э.) на Южном Урале (Аркаим, 2010), то южная - в Древнюю Месопотамию (Шумеры, ранняя бронза середина IV—III тысячелетия до н.э.), которую принято называть «колыбелью цивилизации» (*Cradleofcivilization*) (Archaeology, 1998; Крамер, 2002; Гласснер, 2012). Как раз посередине этой оси находится основанный персами в 438 г. до н.э. Дербент (Бартольд, 1963), и где-то сгинувший в пучинах Хвалынского моря Итиль (VIII – X вв. (Новосельцев, 1990; Голб, 1997). Добавить к этому прекрасные древнейшие города страны ариев Персии (Пасаргад, Сузы, Персеполь, Исфахан) и станет ясно, что вокруг евразийской оси всегда кипело бурное городское строительство.

Последние археологические открытия позволяют нам по-новому взглянуть на древнюю историю Евразии. И связано это с появлением на археологической карте России т.н. «*Страна городов*» - «Волго-уральский очаг культурогенеза». В середине XX в. на территории Южного Урала были найдены древние городища синташтинской культуры эпохи средней бронзы (ок. IIтыс. до н.э.). Самым известным городищем «страны городов» стал Аркаим (Аркаим, 2004; Зданович, 2007).

Элиты степи и города отличались еще и особой организацией культурно-политического пространства. Город всегда означал, что данная территория освоена и закреплена за конкретным сообществом. Для кочевника это означало наличие некого искусственного препятствия, на пути его степной свободы. Поэтому *между городом и степью всегда существовала возможность военного конфликта*. И мы видим, как они вспыхивали то тут, то там на протяжении всей более чем четырех тысячелетней письменной истории.

Известно, что кочевники вносили свой «стиль» в архитектуру своих городов. Так, например, архитектурной особенностью золотоордынских городов Нижнего Поволжья было отсутствие организующего центра – укрепленной цитадели: «структура городского ландшафта была организована регулярной застройкой, основанной на сетке улиц в центральной нуклеарной части и иррегулярной, рассредоточенной на окраинах» (Блохин, 2006, с.141); «…усадьбы хана и других представителей социальных и административных верхов располагаются по степи без видимого порядка, не создавая определенного городского центра» (Зеленеев, 2009, с. 215). То есть обитателю степи, привыкшему к четкой организации пространства кочевья (юрта старшего – или крайняя с запада (справа) в ряду, или в центре), плутание по узким (от 3 до 10 м) улицам и переулкам в поисках нужного ему объекта, едва ли доставляло эстетическое удовольствие и психологический комфорт. Во-первых, если судить по предлагаемым реконструкциям, «кварталы нижневолжских городов представляли собой замкнутый уличным контуром жилой массив, состоящий из нескольких жилых домовладений» (Блохин, 2006, с. 142).

КОНФЛИКТ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Анализ политической истории народов Каспийского региона свидетельствует о том, что для коренных жителей («своих») главным была безопасность и развитие торговли, культурных связей и религиозных отношений, тогда как пришлые («чужие») этносы чаще всего приносили сюда войну и социокультурные катаклизмы (гунны, монголы) (Хантингтон, 2005).

В конфликте цивилизаций чаще всего участвуют политические силы. Их инициаторами являются правящие элиты. *Правитель - это тот, кто может управлять рисками*. А сами создавать угодные для себя риски политики научились со времен возникновения первых государств.

Свой уникальный историко-этнологический анализ Евразии с III в. до н.э. по XIII в. н.э. дал выдающийся российский историк и этнограф Л.Н. Гумилев. В своей

работе «Тысячелетие вокруг Каспия» он осветил эпоху, «когда Каспий и прикаспийские государства были и оставались точкой пересечения этнических, культурных и политических интересов Европы и Азии, ареной драматических событий, повлиявших на весь последующий ход мировой истории» (Гумилев, 2002). Все последующие исследования этого вопроса во многом будут повторять пройденный Л.Н. Гумилевым путь. Но в анализе истории вокруг каспийских народов мы встречаем не только этнографический и культурологический материал, но и обширное поле, где могли бы развернуться конфликтология и элитология. Элиты – главный фактор любого конфликта на межэтническом уровне. Именно они пытаются извлечь максимум выгод из провокации конфликта и нагнетания военной истерии.

Ещё классик отечественного золотоордыноведения Г.А. Федоров-Давыдов указывал на существовавший в этой империи культурно-исторический раскол: «Два элемента и две стихии соединились в Золотой Орде – кочевники в степях и степные города с их ремеслом и торговлей – недолгий взлет градостроительства и расцвет урбанизма в степи. Это искусственное сосуществование кочевых орд и городов с их мощным ремеслом и торговлей держалось только объединяющей силой общей деспотии ханской власти» (Федоров-Давыдов, 1976, с. 114). Со временем кочевая знать стала предпочитать жить в городах, которые превратились политико-административными центрами Золотой Орды (Иванов, 2014, с. 191). По мнению В.А. Иванова, «Имперских культур» в Золотой Орде «было две – городская и степная кочевническая, каждая из которых развивалась и существовала сама для себя. Они не просто существовали сами в себе, но они еще и контрастировали, что я и попытался показать приведенными выше примерами» (Иванов, 2014, с. 206).

Если в первоначальный этап истории степь активно наступала на города, то на завершающем стадии их противостояния город «пошел» в наступление на степь. Специалисты отмечают, что стремящихся к установлению полного контроля над всей территории Дешт-и-Кыпчака, ханам Золотой Орды требовалось «создание новых экономических центров – городов. Основной задачей последних должно было стать экономическое притяжение не только окружающих татарских земель, но и близлежащих соседних территорий. Однако… основанные ханами Золотой Орды новые города скорее являлись «квазиворотами» в мировой экономической системе. Хотя эти города по объему международной торговли и были близки к классическим городам-«воротам» Западной Европы, и даже могли на короткий отрезок времени стать экономическими лидерами» (Хайдаров, 2016, с. 317). Однако, как отмечают исследователи, в отличие от последних, экономическое развитие первых целиком и полностью зависело от наличия достаточно «сильных личных контактов с властной иерархией», а не от развития взаимодействия при помощи фискальных и административных методов между торгово-финансовым центром и эксплуатируемой им близлежайшей, окрестной провинции-«хоры» (Селезнев, 2010).

Каспийский регион - это регион сложных идентичностей, которые обостряют существующие риски и усиливают фактор безопасности. Как показывает история этого региона, тонкая восточная дипломатия переплетается здесь с торговым прагматизмом и политическим цинизмом. Вот почему для этого региона всегда были важны диалоговые отношения, устанавливающие выгодное для всех взаимопонимание. Диалог усиливает доверие. Доверие – залог сохранения мира и порядка.

ДИАЛОГ КУЛЬТУР

Для мира и стабильности Каспийского региона важно поддерживать режим диалога культур. Каспийский регион - это территория, где границы многократно пересекаются и переплетаются с историей. Это фронтир фронтиров. Отсюда вытекает и само региональное многообразие культур. Именно культурные пересечения раздвигают границы возможного. «Культура вся расположена на границах, граница проходит повсюду, через каждый момент её... культурная жизнь отражается в каждой капле» (Бахтин, 1986, с. 25). Поэтому «каждый культурный акт существенно живет на границах: в этом его серьезность и значительность; отвлеченный от границ, он теряет почву, становится пустым, заносчивым, вырождается и умирает» (Бахтин, 1986, с. 266). Особенностью диалога культур является то, что они при встрече все сохраняют свою идентичность. «При диалогической встрече двух культур они не сливаются и не смешиваются, каждая сохраняет свое единство и открытую целостность, но они взаимно обогащаются» (Бахтин, 1986, с. 360)

Диалог неисчерпаем в своем потенциале. «Диалог лишь тогда диалог, когда он может осуществляться как бесконечное развертывание и формирование все новых стилей каждого, вступающего в диалог феномена культуры. В ходе сложного, многослойного диалога культур происходит формирование общечеловеческих ценностей» (Иванова, 2001, с. 141). Для диалога культур важно понятие «единство», которое, однако, не следует истолковывать как полную однородность или неделимость. «Историческое единство культур не означает их тождественности, т.е. полную повторяемость явлений, их идентичность. “Единство” означает целостность, коренную общность, преобладание внутренних связей между элементами данной структуры над внешними. Мы говорим, например, о единстве Солнечной системы, которая, однако, не исключает множественности составляющих ее миров. Мировая культура, с этой точки зрения, образует единство, обладающее структурой, которая располагается в двух измерениях - пространственном (этнографическом) и временном (этноисторическом)» (Артановский, 1967, с. 43).

Диалог – «это взаимопонимание участвующих в этом процессе, и в то же время сохранение своего мнения, своей в другого (слияние с ним) и сохранение дистанции (своего места)» (Бахтин, 1986, с. 430). Диалог всегда воспринимается в динамике, поскольку это всегда развитие и взаимодействие, это объединение, а не

размежевание; это важнейший показатель общей культуры общества. «Диалог не средство, а самоцель. Быть - значит общаться диалогически. Когда диалог кончается, всё кончается. Поэтому, диалог, в сущности, не может и не должен кончаться» (Бахтин, 1972, с. 433).

Как указывал М.М. Бахтин, каждая культура живёт только в вопрошании другой культуры. Именно в точке их пересечения чаще всего и рождаются великие культурные явления. Важным источником жизнедеятельности каждой культуры ее способность осваивать достижения других культур. «Чужая культура только в глазах другой культуры раскрывает себя полнее и глубже... Один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом..., между ними начинается как бы диалог, который преодолевает замкнутость и односторонность этих смыслов, этих культур...При такой диалогической встрече двух культур они не сливаются и не смешиваются, но они взаимно обогащаются» (Бахтин, 1986, с. 334). Для обеих сторон диалог культур их общение должно быть плодотворным: «Мы ставим чужой культуре новые вопросы, каких она сама себе не ставила, мы ищем у нее ответа, на эти наши вопросы; и чужая культура отвечает нам, открывая перед нами новые свои стороны, новые смысловые глубины» (Бахтин, 1986, с. 335).

В отличие от надуманной толерантности, местные традиции веротерпимости уже проверены временем и испытаны горнилом многовековых межэтнических конфликтов. Они знают подлинную цену диалога и понимают, к чему может привести нарушения миротворческой традиции. Диалог как раз и есть первый шаг к установлению мира. Диалог - это миропорядок цивилизованных народов. Те этносы, которые не умели вступать в конструктивный диалог с другими («чужими»), бесследно сгорали в кровавом огне этногенеза.

Во всех отношениях диалог вещь важная и весьма полезная. Элиты всегда славились своим политическим словоблудием. Но, *на Востоке важно не то, о чем говорят, а то, о чем молчат*. Поэтому история Востока гадательна[4]. Она познается между строк. Молчат же здесь весьма многозначительно. Особенно политики. Однако, самое сложное здесь было заставить замолчать не голос народа, а голос истории. История здесь регулярно переписывалась, но в меньшей степени, чем история «Просвещенной Великобритании»[5]. Все главные фальсификаторы были с Британских островов. Восток им мог только завидовать.

Известно, что монгольские правители Китая и Персии переняли некоторые черты оседлого образа жизни своих поданных. Но на просторах евразийских степей монголы в процессе создания своей империи сохранили кочевнические традиции и ассимилировали местных кочевников (кыпчаков/половцев) (Jiu-Hwa,

[4]По своему характеру история России близка к истории Востока. Еще славянофилы отмечали, что «внутренняя история» России гадательна и что «...старую Русь надобно – угадать» (Хомяков, 1988, с. 44); «...все, что мы утверждаем о нашей истории, о нашем народе, об особенностях нашего прошедшего развития, все это угадано, а не выведено» (Самарин, 1911, с. 156).

[5] Самые главные фальсификаторы всех времен и народов были англосаксы (Беда Достопочтенный; ГальфридМонмутский). Поэтому их история до сих пор воспринимается как исторический роман с исключительно идеальными героями, между которыми существуют «высокие романтические отношения» – См.: (Беда, 2001; Монмутский, 1984).

1994, p. 371–372). Ассимиляция стала возможной благодаря схожести их культуры с кочевой культурой тюркоязычных кочевников восточноевропейских степей (Halperin, 2009, p. 11).

Пришедшего с бескрайних степей кочевника пугал лабиринт городских улиц (археологические данные указывают на то, что архитектура золотоордынских городов имела весьма запутанный характер). (Блохин, 2006, с. 143) К этому следует добавить еще социальный статус – не каждый бедняк имел доступ в дом богача или знати (хотя в Степи Великая Яса Чингисхана такую возможность, хотя бы формально, ему предоставляла: «Если кто проезжает подле людей, когда они едят, он должен сойти с лошади, есть с ними без их позволения, и никто из них не должен запрещать ему это» (Яса, §13) (Доманин, 2010).

Степные и городские элиты вступали в диалог только тогда, когда выстраивался относительный баланс сил. О культурных элитах кочевников мы не знаем практически ничего. О культурных элитах городов нам известно гораздо больше. Творческое меньшинство есть повсюду, но не везде и не всегда оно проявляет себя настолько, что фиксируется исторической памятью народа. Городская культура представляет для этого больше возможностей.

* * *

Политическая история Каспийского региона – это история великих степных империй и крупных государствообразующих городов. Эта центральная (осевая) часть Евразийского пространства, без которой Евразия не может существовать. Зарождавшиеся здесь миграционные волны затем прокатывались далеко за его пределами, меняя контуры международных отношений и геометрию политической власти.

Евразийская цивилизационная колыбель располагалась здесь же вокруг и около этой своей оси. Две древнейшие арийские цивилизации (Персидская и Индийская) имеют тоже непосредственное свое отношение к осевому региону Евразии. Изучение этих глубинных устоев приведет нас к установлению неких общих кодов развития локальных цивилизаций этого региона, к выведению конкретных их поведенческих алгоритмов, с помощью которых можно будет более качественно проводить анализ их обычаев и диагностику современных процессов, во многом опирающихся на эти, проверенные опытом ушедших поколений традиции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Авеста в русских переводах (1997). Санкт-Петербург.

Аркаим, (2004). *Постраницам древней истории Южного Урала.* Челябинск: Изд-во Крокус, 348 с.

Аркаим, (2010). *Аркаим — Синташта: древнее наследие Южного Урала: к 70-летию Г. Б. Здановича; сб. науч. тр.: в 2 ч. / отв. ред. Д. Г. Зданович.* Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2010. 1.

Артамонов, М.И. (1974). *Киммерийцы и скифы (от появления на исторической арене до конца IV в. до н. э).* Издательство Ленинградского университета, 156 с.

Артановский, С.Н. (1967). *Историческое единство человечества и взаимное влияние культур. Философско-методологический анализ современных зарубежных коцепций.* Ленинград: «Просвещение», 266 с.

Бартольд, В.В. (1965). *Собрание сочинений в 9 томах. (Общие работы по истории Средней Азии, Кавказа и Восточной Европы).* Москва: Наука, 1024 с.

Бахтин, М.М. (1972). *Проблемы поэтики Достоевского.* Москва: Художественная литература, 470 с.

Бахтин, М.М. (1986). *Эстетика словесного творчества*. Москва: Искусство, 445 с.

Беда, Д. (2001). *Церковная история народа англов (Пер.: В. В. Эрлихман*). Санкт-Петербург: Алетейя.

Блохин, В.Г., Яворская, Л.В. (2006). *Археология золотоордынских городов Нижнего Поволжья*. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 226 с.

Гарустович, Г.Н., Иванов, В.А. (2001). *Огузы и печенеги в Евразийских степях*. Уфа: Гилем, 212 с.

Геродот. (2001) *История.* В 9 кн. Москва: ООО «Издательство АСТ», «Ладомир».

Гласснер, Ж.-Ж. (2012). *Месопотамия* (Пер. с франц. Л.С. Самуйлова. Москва: Вече, 464 с.

Голб, Н., Прицак, О. (1997). *Хазарско-еврейские документы X века*. Москва-Иерусалим.

Гомер. (1953) *Одиссея*. Москва.

Гумилев, Л.Н. (1992). *Древняя Русь и великая степь*. Москва: Товарищество Клышников, Комаров, 511 с.

Гумилев, Л.Н. (2002). *Тысячелетие вокруг Каспия*. Москва: АСТ, 447 с.

Доманин, А.А. (2010). *Монгольская империя Чингизидов. Чингисхан и его преемники.* Москва: Центрполиграф, 432 с.

Зданович, Г.Б. (2007). *Аркаим — Страна городов: пространство и образы (Аркаим: горизонты исследований).* Челябинск: Изд-во Крокус; Юж.-Урал. кн. изд-во, 260 с.

Зеленеев, Ю.А., Курочкина, С.А. (2009). *Золотоордынский город Сарай ал-Джедид: Результаты археологических исследований на Царевском городище в 1994–2000 гг.* Йошкар-Ола: МарГУ, 2009, 263 с.

Иванов, В.А. (2014). Химеры и миражи Золотой Орды. *Золотоордынское обозрению, 1*(3), 190-211.

Иванов, В.А. (2018). Кочевники Золотой Орды в восприятии современных историков. *Золотоордынское обозрение, 6, 3,* 618-634.

Иванова, С.Ю. (2001). *К вопросу об этнокультурном взаимодействии. Северный Кавказ в условиях глобализации*. Ростов-на-Дону, 140-144.

Исаев, М.И. (1999). Скифский язык. *Языки мира: Иранские языки. III. Восточноиранские языки*. Москва: Индрик.

Кляшторный, С.Г., Савинов, Д.Г. (2005). *Степные империи древней Евразии*. Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ, 346 с.

Крамер, С. (2002). *Шумеры. Первая цивилизация на Земле* (Пер. с англ. А. В. Милосердовой). Москва: ЗАО Центрполиграф, 384 с.

Маккиндер, Х.Дж. (1995). Географическая ось истории. *Полис*, *4*, 162-169.

Медведская, И.Н. (2000). О скифском вторжении в Палестину. *Вестник древней истории, 2*, 221-229.

Монмутский, Г. (1984). *История бриттов. Жизнь Мерлина*. Подг. изд. А.С. Бобович, А.Д. Михайлов, С.А. Ошеров. Москва: Наука.

Новосельцев, А.П. (1990). Города Хазарии. *Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа*. Москва: Наука, 128-132.

Самарин, Ю. В. (1911). *Сочинения: в 12 т. Москва, 1877-1911. Т. 12: Письма 1840-1853.*

Селезнев, Ю.В. (2010). Токтамыш – последний хан единой Орды. *Вопросы истории*, *2*, 101-107.

Федоров-Давыдов, Г.А. (1976). *Искусство кочевников и Золотой Орды. Очерки культуры и искусства народов Евразийских степей и золотоордынских городов.* Москва: Искусство, 189 с.

Хайдаров, Т.Ф. (2016). Рубикон Золотой Орды. *Золотоордынское обозрение*, *4, 2*, 314-335.

Хантингтон, С. (2005). *Столкновение цивилизаций*. Москва: АСТ, 603 с.

Хомяков, А.С. (1988). *О старом и новом. Статьи и очерки.* Москва: Современник.

Archaeology, (1998). *Near East: Archaeology in the "Cradle of Civilization"*, 241 p.

Halperin, Ch. J. (2009). *The Tatar Yoke: The Image of the Mongols in Medieval Russia.* Bloomington, Indiana, 239 p.

Jiu-Hwa, L.U. (1994), *The Golden Horde.World History.* Minneapolis.

Для цитирования: Карабущенко, П.Л. (2022). Каспий как осевой регион Евразии в контекст цивилизационного развития (историко-элитологическое обобщение). *Caspium Securitatis: журнал каспийской безопасности*, *2*(1), 35-51.

DOI 10.54398/2713024X_2022_2_1_34

REFERENCES

Avesta in Russian translations (1997). Saint Petersburg. (in Russian)

Arkaim, (2004). *Through the pages of the ancient history of the Southern Urals*. Chelyabinsk: Krokus Publishing House, 348 p. (in Russian)

Arkaim, (2010). *Arkaim - Sintashta: the ancient heritage of the Southern Urals: to the 70th anniversary of G. B. Zdanovich; Sat. scientific tr.: at 2 o'clock* / answer. ed. D.

G. Zdanovich. Chelyabinsk: Chelyab Publishing House. state University, 2010. 1. (in Russian)

Artamonov, M.I. (1974). *Cimmerians and Scythians (from their appearance on the historical stage to the end of the 4th century BC)*. Leningrad University Publishing House, 156 p. (in Russian)

Artanovsky, S.N. (1967). *Historical unity of humanity and mutual influence of cultures. Philosophical and methodological analysis of modern foreign concepts*. Leningrad: "Enlightenment", 266 p. (in Russian)

Bartold, V.V. (1965). *Collected works in 9 volumes. (General works on the history of Central Asia, the Caucasus and Eastern Europe)*. Moscow: Nauka, 1024 p. (in Russian)

Bakhtin, M.M. (1972). *Problems of Dostoevsky's poetics*. Moscow: Fiction, 470 p. (in Russian)

Bakhtin, M.M. (1986). *Aesthetics of verbal creativity*. Moscow: Art, 445 p. (in Russian)

Bede, D. (2001). *Church history of the English people* (Translation: V.V. Erlikhman). St. Petersburg: Aletheia. (in Russian)

Blokhin, V.G. & Yavorskaya, L.V. (2006). *Archeology of the Golden Horde cities of the Lower Volga region*. Volgograd: VolSU Publishing House, 226 p. (in Russian)

Garustovich, G.N. & Ivanov, V.A. (2001). *Oguzes and Pechenegs in the Eurasian steppes*. Ufa: Gilem, 212 p. (in Russian)

Herodotus. (2001) *History*. In 9 books. Moscow: LLC Publishing House AST, Ladomir. (in Russian)

Glassner, J.-J. (2012). *Mesopotamia* (Translated from French by L.S. Samuylov. Moscow: Veche, 464 p. (in Russian)

Golb, N. & Pritsak, O. (1997). *Khazar-Jewish documents of the 10th century*. Moscow-Jerusalem. (in Russian)

Homer. (1953) *Odyssey*. Moscow. (in Russian)

Gumilev, L.N. (1992). *Ancient Rus' and the Great Steppe*. Moscow: Klyshnikov Partnership, Komarov, 511 p. (in Russian)

Gumilev, L.N. (2002). *Millennium around the Caspian Sea*. Moscow: AST, 447 p. (in Russian)

Domanin, A.A. (2010). *Mongol Empire of Chingizids. Genghis Khan and his successors.* Moscow: Tsentrpoligraf, 432 p. (in Russian)

Zdanovich, G.B. (2007). *Arkaim - Country of Cities: Space and Images (Arkaim: Horizons of Research)*. Chelyabinsk: Crocus Publishing House; South-Ural. book publishing house, 260 p. (in Russian)

Zeleneev, Yu.A. & Kurochkina, S.A. (2009). *Golden Horde city of Saray al-Dzhedid: Results of archaeological research at the Tsarevskoye settlement in 1994–2000.* Yoshkar-Ola: MarSU, 2009, 263 p. (in Russian)

Ivanov, V.A. (2014). Chimeras and mirages of the Golden Horde. *Golden Horde Review, 1*(3), 190-211. (in Russian)

Ivanov, V.A. (2018). Nomads of the Golden Horde in the perception of modern historians. *Golden Horde Review, 6, 3,* 618-634. (in Russian)

Ivanova, S.Yu. (2001). On the issue of ethnocultural interaction. *North Caucasus in the context of globalization*. Rostov-on-Don, 140-144. (in Russian)

Isaev, M.I. (1999). *Scythian language. Languages of the world: Iranian languages. III. Eastern Iranian languages*. Moscow: Indrik. (in Russian)

Klyashtorny, S.G. & Savinov, D.G. (2005). *Steppe empires of ancient Eurasia*. St. Petersburg: Faculty of Philology of St. Petersburg State University, 346 p. (in Russian)

Kramer, S. (2002). *Sumerians. The first civilization on Earth* (Translated from English by A. V. Miloserdova). Moscow: ZAO Tsentrpoligraf, 384 p. (in Russian)

Mackinder, H.J. (1995). Geographical axis of history. *Polis, 4*, 162-169. (in Russian)

Medvedskaya, I.N. (2000). About the Scythian invasion of Palestine. *Bulletin of Ancient History, 2*, 221-229. (in Russian)

Monmouth, G. (1984). *History of the Britons*. *Merlin's life*. Prep. ed. A.S. Bobovich, A.D. Mikhailov, S.A. Osherov. Moscow: Science. (in Russian)

Novoseltsev, A.P. (1990). *Cities of Khazaria. The Khazar state and its role in the history of Eastern Europe and the Caucasus*. Moscow: Science, 128-132. (in Russian)

Samarin, Yu.V. (1911). *Works: in 12 volumes*. Moscow, 1877-1911. T. 12: Letters 1840-1853. (in Russian)

Seleznev, Yu.V. (2010). Toktamysh is the last khan of the united Horde. *Issues in History, 2*, 101-107. (in Russian)

Fedorov-Davydov, G.A. (1976). *The art of nomads and the Golden Horde. Essays on the culture and art of the peoples of the Eurasian steppes and Golden Horde cities*. Moscow: Art, 189 p. (in Russian)

Khaidarov, T.F. (2016). Rubicon of the Golden Horde. *Golden Horde Review, 4, 2*, 314-335. (in Russian)

Huntington, S. (2005). *Clash of Civilizations*. Moscow: AST, 603 p. (in Russian)

Khomyakov, A.S. (1988). *About old and new. Articles and essays*. Moscow: Sovremennik. (in Russian)

Archaeology, (1998). *Near East: Archaeology in the "Cradle of Civilization"*, 241 p.

Halperin, Ch. J. (2009). *The Tatar Yoke: The Image of the Mongols in Medieval Russia.* Bloomington, Indiana, 239 p.

Jiu-Hwa, L.U. (1994), *The Golden Horde.World History.* Minneapolis.

For citation: Karabushenko, P.L. (2022). The Caspian Sea as an Axial Region of Eurasia in the Context of Civilization Development (Historical and Elitological Generalization). *Caspium Securitatis: Journal of Caspian Safety & Security, 2*(1), 35-51.

DOI 10.54398/2713024X_2022_2_1_34

THE «CIRCLE OF TRADITIONS» OF THE CASPIAN SEA COASTAL REGION AND THE PROBLEMS OF AREAL ETHNOLINGUISTIC SPECIFICITY

Victor M. Victorin

Astrakhan Tatishchev State University, Russia, Astrakhan
E-mail: victvic@mail.ru
ORCID: http://orcid.org/0000-0001-7008-8851

ABSTRACT

The Caspian coast along its entire length is extremely diverse in terms of its ethnic, linguistic and religious traditions. The relevance of studying this factor is in its connection with the whole Caspian Sea problems, as well as in the lack of research on this topic (the article operates with only three earlier publications). The aim of this work is to understand the composition of the features of the areal ethnolinguistic specificity along the entire coastal perimeter of the Caspian. It is methodologically effective to refer to the previously undeservedly lagging "areal" approach in ethnology and ethnocultural studies, which successfully combines geographical and historical means of study.

The materials were collected by long (from the beginning of the 80s of the XX century) expeditions in the north of the Caspian Sea and on the coast of Dagestan. And Northern Iran (since 2000) was studied with colleagues and students at the University of Astrakhan. The author also distinguishes, in addition to the Northern and Southern Caspian Sea areas, the “Central” Caspian Sea area (only 30 small zones - sections, areas). In the results of the study, the concept of the “Eurasian border” has been clarified. Attention is focused on the role of special "Caspian" forms of areality and ethnicity in modern conditions.

KEYWORDS

Eurasia; Caspian Sea; the "Okoyom" as component of the coast; active periphery; migrations; areal and stadial approaches; civilizations and formations; ethnoses and subethnoses; languages and religions; economical - cultural types and historical - cultural areas.

ПРИКАСПИЙСКИЙ «КРУГ ТРАДИЦИЙ» И ПРОБЛЕМЫ АРЕАЛЬНОЙ ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ СПЕЦИФИКИ

Викторин Виктор Михайлович

Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева,
Россия, Астрахань
E-mail: victvic@mail.ru
ORCID: http://orcid.org/0000-0001-7008-8851

АННОТАЦИЯ

Каспийское побережье, на всей его протяжённости предельно многообразно в отношении своих этнических, языковых, религиозных традиций. Цель статьи – выявление состава ареальной этнолингвоспецифики по всему прибрежному периметру Каспия. Методологически эффективно обращение к «ареальному» подходу в этнологии и этнокультуроведении, удачно объединяющему географические и исторические средства изучения.

Материалы были собраны во время длительных (с нач. 80- х гг. XX в.) экспедиций по северу Прикаспия и на побережье Дагестана. А Северный Иран изучался на кафедре и студентами (с 2000 г.) в университете г. Астрахани. Автором выделен, помимо Северного и Южного Прикаспия, ещё и Прикаспий «Центральный» (всего до 30- и небольших зон, участков - ареалов). В результате исследования уточнено понятие «евразийской границы». Сосредоточено внимание на роли особых «прикаспийских» форм ареальности и этничностей в условиях современности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Евразия; Каспийское море; «Окоём» как составная часть побережья; активная периферия; миграции; ареальный и стадиальный подходы; цивилизации и формации; этносы и субэтносы; языки и религии; хозяйственно - культурные типы и историко - культурные области

ВВЕДЕНИЕ

Окружность побережья Каспийского моря занимает особое место в Ойкумене при любых ракурсах её рассмотрения в науках. С этнолингвистической точки зрения по береговой линии и в ближних предгорьях и степях имеется ряд участков обитания с неповторимыми особенностями традиций (так или иначе сохраняемых), вплоть до почти что заповедных уголков, с издавна характерным для жителей Прикаспия взаимным владением несколькими здешними языками.

В их совокупности мы и обозреваем «круг культур» Прикаспия (Л.Н. Гумилёв, А.И. Куркчи и др., Фонд "Мир Л.Н. Гумилёва"), или же «круг традиций», или «Циркумкаспий». Так, отмечая необычность, но подчинённость роли региона в судьбах Планеты (ничего не определяя и не вызывая – очень на многое влиять), Л.Н. Гумилёв обозначил его южную, гилянскую часть племени гелов (гилов) у античного географа - историка Страбона, очень реликтово - традиционную и почти недоступную для внешних вторжений, как «глухой угол». А северную, дельтовую и степную, он охарактеризовал как … «окоём» (сразу «око - кайма - объём») (Гумилёв, 1993, с. 63-64 и с. 65-69).

Развивая тезис этого яркого, хотя и неоднозначного мыслителя, тюрколога и историка — географа, автор статьи определил прикаспийские пространства как «активно действующую периферию - "АДП"», а московские коллеги из фонда «Мир Л.Н. Гумилёва» – как «Каспийский круг - транзит» культур (См.: Астрахань - XXI век ..., 2007, с. 32, 40-44).

Актуальность обозначенного аспекта состоит в его гибкой взаимосвязи со всей «прикаспийской» и, ещё шире, «евразийской» проблематикой. Тем более, что мы располагаем пока лишь тремя крупными исследованиями непосредственно по этой теме (Гумилёв, 1993; Бартольд, 1924; Кундакбаева, 2005).

Фактические данные были собраны автором статьи во время длительных, с нач. 80- х гг. XX в., научных экспедиций по северу Прикаспия и побережью Дагестана. А Северный Иран изучался с 2000 г. со студентами и коллегами по кафедре восточных языков в университете г. Астрахани. На этой основе по частным аспектам темы был прежде подготовлен ряд публикаций (Викторин, 2002, с. 40-46; Викторин, 2003, с. 155-166; Викторин, 2011, с. 52-61; Викторин, 2016, с. 96-99; Викторин, 2021, с. 154-156).

Существует ряд междисциплинарных, пространственных методов рассмотрения необычных регионов с входящими в них территориями. Наиболее масштабные и, как выяснилось, несложно сочетаемые в науке подходы - «цивилизационный», т.е. с позиций духовного производства, и «формационный», исходящий из производства материального (Введение в востоковедение, 2017, с. 141-146). Но тот и другой предполагают весьма высокий уровень как развития общества собственно, так и понимания его сущности учёными, имея, однако, некоторые ограничения в своём применении. Приходится привлекать тогда иные, более редкие и специфические модели.

Так, в Прикаспии долго не складывалось собственной городской жизни, всегда соотносимой с цивилизациями. Великий шёлковый путь со II- го в. до н.э. тоже проходил в некотором отдалении от морского берега, и на этнолингвистическую ситуацию здесь он не влиял. А крупные цивилизации, приходя на прикаспийские территории извне, только вбирали их в себя – на время, длительно или постоянно, мирно или же с применением силы. И типичный формационный переход (скажем от рабовладения к феодализму) вообще, похоже, не имел здесь места.

Такое положение определялось преобладанием по побережью никак не «производящего» (тем более, развитого земледельческо - зернового – залога и подспорья промышленности), а лишь только низшего, «потребляющего» типа хозяйства с племенным укладом власти и существования.

Наша цель – уяснение и уточнение системы и элементов ареальной и внутренней для неё этнолингвоспецифики, выделение и изучение её вариантов вдоль каспийского побережья. В интересах данного исследования, помимо иных отраслей научного знания, мы обратимся к географии как одной из предтеч этнографии, которая сейчас вновь учтена в структуре Русского географического общества с 2014 г. (Ст., п. 3.4 Устава организации). Эта изначальная связь сохраняется, таким образом, и с нынешними этнологией - народовёдением и этнолингвистикой - диалектологией, располагающими собственным набором методов, продуктивных в отношении Прикаспия.

Так, в минувшие годы незаслуженно полузабытой оказалась «ареальная» методика, отсылающая к старинной связи этнологии с географии и постепенно возрождающаяся в настоящее время (Октябрьская, 2020, с. 103-108). Хотя и она не представляется исчерпывающей без дополнения со стороны «стадиального» (историко - этнического) и «информационного» (этнокультуроведческого) методов (Арутюнов, Рыжакова, 2004, с. 54-56, 111-118 и др.; Викторин, 2007, с. 5-6).

У ареального подхода – давняя и достойная история с довоенных и ранних послевоенных времён (Левин, Чебоксаров, 1955; Толстов, 1932, с. 28-33, 48-55; Чебоксаров, Чебоксарова, 1985, с. 177-184, 222-228; Ерасов, 1990, с. 90; Арутюнов, Рыжакова, 2004, с. 84-86, 108-118; Октябрьская, 2020, с. 105-106). Предусматривается в нём, напомним, выделение этносов и этногрупп в двух вариантах, т.е. по «хозяйственно - культурным типам: ХКТ» и по «историко - культурным областям: ИКО» (семья Харузиных, П.И. Кушнер - Кнышев, С.П. Толстов, М.Г. Левин, Я.В. Чеснов, П.И. Пучков, С.А. Арутюнов, Н.Н. Чебоксаров, Б.В. Андрианов и др.). В чистом виде они фиксировались до нач. XX в. – и больше в сельской местности. Но их наследие проявляется всегда и повсюду, даже до сих пор.

С позиций ареальности, в данной работе предстоит иметь в виду ИКО «Волго-камскую», две «кавказских» («предкавказской» и «закавказскую»), а также «среднеазиатскую», из которой иногда выделяют «казахстанскую» (Чебоксаров, Левин, 1955, с. 12, 16). Но предусмотрев в возможной перспективе и ИКО особую, «каспийскую», или «циркумкаспийскую».

Этнические подходы всегда были и остаются взаимодополняющими. При учёте «ареального» ясно, что историко - культурные области, заданные природно и географически и приобретавшие население, оставались затем неизменными в границах. А внутри них хозяйственно - культурные типы могли меняться, развиваясь, и заимствоваться от этносов - соседей. Напротив, цивилизации обычно иррадиировали (распространялись) постоянно, охватывая территории всё новые. Причём средства для этого лидирующие слои и общности использовали весьма разнообразные – и среди них далеко не всегда гуманные. Такое происходило и в Прикаспии.

Из основ «стадиальной» версии (она близка к формационной) отметим, как меняли друг друга этнообщности и их языки (включая каждый раз язык «базовый», элитный, особый для любой цивилизации). В сложных катаклизмах устранялись вплоть до вытеснения и уничтожения некоторые из общностей, зато возникали в миграциях «диаспоры» новые.

С «информационной» точки зрения (иначе «коммуникационной», т.е. по специфике общения) практически все регионы и народы человечества проходили определённые ступени развития: «первобытность», затем «письменность» и вскоре «государственность», внедрение «школьного образования» и «печатных СМИ», и, наконец, «современность» с её всё более усложняющейся техникой связи и транспорта (Арутюнов, Рыжакова, 2004, с. 51-55, схема). И всё указанное полностью прослеживается в Прикаспии: от прошлого к современности, с учётом многоязычия территории. Особенно, с учётом новых тенденций в общении стран СНГ и Ирана, приведших к заключению ими «Каспийской конвенции».

Заметим, что Прикаспий не создал, как это совершенно очевидно, никакой собственной цивилизации. Зато «ареальных участков» прибрежья (по здешним этногруппам, языкам - диалектам, конфессиям, типам хозяйства и видам занятий и т.д.) мы выделяем до нескольких десятков – см. далее. Поскольку каждая крупная территория в Прикаспии обладает собственной этнической спецификой или же совокупностью особенных признаков в присущих ей традициях.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Крупные и совсем небольшие участки территории по прибрежной линии Каспия обладали и обладают редкостным набором особенностей этнолингвоспецифики (Ср.: Гердт, 2005). Назовём южные («óкающие») и северные русские говоры Нижневолжья, периферийные гелянский и мазандаранский («табарский») языки северного Ирана, несколько «татских» диалектов на юго-западе и западе Прикаспия, особые традиции и речь туркмен-рыболовов (под влиянием соседних курдов-переселенцев нач. XVII в.) и мн. др.

Таковая картина сложилась, в основном, к XVIII и в XIX вв., несколько видоизменилась в сложных событиях на рубеже XX и XXI вв. Изучение этого богатства эффективно возможно именно при помощи ареально - этнического

подхода, удачно объединяющего географические, исторические и культурологические средства изучения.

Так, возникают вопросы, принимать ли речные в понизовьях, предгорные или составляющие нефтяное побережье местности как целостные образования или же дробить их на составляющие. В разных случаях приемлемы обе модели.

Во многих случаях это рыболовство, скотоводство кочевое и полукочевое, в других – стойловое и отгонное, разные виды земледелия. По Б.С. Ерасову, это каждый раз «культурный тип», представленный «до цивилизаций» (Ерасов, 1990, с. 90). Сходный образом, ИКО – территория общности исторических судеб этносов, связанных долгое время (Левин, Чебоксаров, 1955, с. 4, 10-11). Изучение просторов Прикаспия даст тому показательные примеры.

Вообще же лингвистическое сопровождение и социальных, и этнических явлений, с изучением данной триады «в едином ключе» приобретает огромную важность, а этноязыковое картографирование (Гердт, 2005, с. 10-11, 215-216) оставляем в перспективе дальнейшей работы.

Цивизизации и этноареальность. Существует, разумеется, планетарная, «мировая цивилизация». Именно её, рассуждая о Прикаспии, вероятно принимал за критерий развития и научного постижения акад. В.В. Бартольд: по степени включения, вовлечения территорий «в круг мирового культурного развития»: мирного, либо … даже немирного (Бартольд, 1924, с. 5-6). Цивилизации способны порождать в своём составе «подцивилизации» (как имеет место в исламе), а также переходные синкретические «межцивилизационные» (при «бартольдовом» включении «в разные орбиты»).

«Цивилизация» в принципе может совпадать с этно-межэтническим, «ареальным» единством (с ИКО, реже с производящим ХКТ: к примеру, в древних Египте и Мезоамерике). Но между ними (по С.А. Арутюнову и С.И. Рыжаковой) – немалые различия в основе и сути, масштабе и исторической ступени бытования, а также в обычной готовности первой к своей иррадиации, экспансии (Арутюнов, Рыжакова, 2004, с. 85-86 и 107. Ср.: Ерасов, 1990, с. 90, 117-118).

В фундаменте цивилизации – «высокая», элитарная и профессионально и письменно сохраняемая традиция, а в ареальности – «малая», народно - бытовая и фольклорная (различия между ними – впервые у Р.Э. Пайка, Р. Редфилда, М.Б. Сингера в США). С масштабных, «цивилизационных» позиций коснёмся таковых, отражённых в Прикаспии: через византийскую эллинистической, небольших фрагментов «огненной» зороастрийской, периферийной в изолятах «горской» иудейской.

Наше особое внимание привлечёт и сложившаяся на побережье к XV в., поначалу на этнолингвистической основе арабов-завоевателей, цивилизация исламская (См. о ней: Бартольд, 1924; Толстов, 1932; Викторин, 2007). Впрочем, она как раз в этот период утратила здесь свою целостность, ввиду разногласий и противостояния суннитской и шиитской её ветвей. Наконец, обратимся к государственной цивилизации «российской», с утверждением её в регионе до Южного Прикаспия от 1828 до 1869 гг. Итак, если подытожить, здесь сомкнулись

«европейская цивилизация» (с рядом её включённых вариантов) и несколько «азиатских», образовав между собою сложные «приграничья».

Стык цивилизаций и их сопредельность. Границы и пограничье. Обращаясь к проблеме с позиций обозначенной темы, мы постоянно сталкиваемся с явлением «пограничности», притом всегда с наличием этнической (специфико - культурной) составляющей. Притом с такой «порубежностью» многовариантной и многовекторной (с маргинальностью, переходностью, буферностью, межфронтирностью, состыкованием и др.). И чёткость граней, конечно, нужна, но проведение их на карте зачастую оказывается относительным, т.к. вызывает споры и дискуссии. Но мы не случайно выделили для изложения подрегионы: Прикаспий Северный, Южный и плюс к ним ещё и «Центральный», поскольку каждый из них обладает собственной этнолингвоспецификой.

Традиционно, с I-ой пол. XVIII в., здешнюю часть линии «границы Европы и Азии» учёные проводили в Северном Прикаспии – по р. Эмба и далее по Уральскому хребту и, через северный же сегмент мóря, по Кумо - Манычской впадине. Но недавняя Ландшафтно - историческая экспедиция «Урал – граница Европы и Азии» Русского географического общества совместно с казахстанскими специалистами в апреле - мае 2010 г. в результате исследований предложила считать «европейской» всю общирную Прикаспийскую впадину (с окаймляющими её солончаками).

А рубеж двух частей света был проведён ими выше пустынных возвышенностей, плато Устюрт и Мангистау, затем южнее, к равнине г. Актау (акад. А.А. Чибилёв, А.Ю. Понизовкин, Я.Р. Хужина). В таком случае, линия границы пересекает море на 2,5 тыс. км южнее г. Астрахани и логично продолжается по Большому Кавказскому хребту (офиц. рубеж РФ и стран Закавказья). Но это ужѐ не север, а как раз центр Прикаспия.

Определённо, что цивилизации нивелировали и стирали (впрочем, всегда не до конца) ареальные различия в культурах и языках-диалектах. Сплочение прикаспийского пространства и сторонние влияния на него происходили и мирным путём: торговым, миссионерским паломническим и пр. Всё это накладывалось на внутреннее расслоение в составе местного населения, выделение сословий и правивших элит. Но проникновение развитых цивилизаций в Прикаспий, т.е. «втягивание» отдельных территорий в состав сторонних крупных образований, бывало … непростым, своеобразным и вообще небесконфликтным и небезболезненным (Бартольд, 1924, с. 5-6; Арутюнов, Рыжакова, 2004, с. 107).

Мир и войны, защита, миграции. Казалось бы, любые насильственные действия были издревле и остаются небезопасными и нежелательными для этнолингвокультурной реликтовой стабильности в уникальном регионе (с укрепляющим, вроде бы, командным диктатом), даже губительными. Но регион Прикаспия и так не раз становился объектом завоеваний. И именно они наиболее подробно «отложились» в хрониках и документах.

О «степени конструктивности в ходе экспансий» тоже идут споры. Вспомним «теорию насилия» К.Е. Дюринга, на рубеже XIX - XX вв. И положения его

оппонента (Энгельс «Анти - Дюринг», 1877 г.) о насилии как «социальном зле», но с «двойной ролью», как катализатора общественных процессов. Так, согласно акад. В.В. Бартольду, «в культурном движении играли, кроме мирного (развития), … роль завоевательные походы. Это имело большое образовательное значение» (Бартольд, 1924, с. 5-6). Подобная мысль была воспроизведена и в недавнее время. Нередко «силовым путём» распространяли себя цивилизационные общности, со «стремлением распространения (культурной экспансии), … расширить свои границы» (Арутюнов, Рыжакова, 2004, с. 107).

Интересны наблюдения в связи с войнами и иррадиацией ислама, ещё в постреволюционные десятилетия. Походы и захваты обоснованно рассматривались только как фактор, дополнительный к внутренним причинам: разложению оседлого сообщества, «расслоению внутри общины» (Толстов, 1932, с. 34-40). Поскольку не в «образовательном значении» и не в экспансии от лица культуры бывал прямой интерес сил вторжения, а в том, чтобы «… взять готовый продукт, сырьё и рабочую силу …, строить центры светской и духовной власти (города и храмы), гораздо реже – промышленные площадки» (Э.Г. Александров, рецензент).

Греко - македоняне и арабы подчиняли себе морское побережье «дистанционно», по его дальней окружности. Кочевые тюрки-огузы той же эпохи IX-XI вв. взяли Прикаспий в кольцо: узы, торки и печенеги – тенгриане, а на Днепре и у Чёрного моря – православные, с севера, а также мусульмане-сельджуки, на их завоеваниях по пути в Византию, т.е. Малую Азию, – с юга. Монголы пришли в Гилян из Мазандерана в 1307 г., более чем через полвека после нача́ла их главного вторжения. И тоже ограничились (это, условно, «новгородский» вариант) заявлениями местных князей о покорности (Гумилёв, 1993, с. 63-64; Бартольд, 1924, с. 57; Бартольд, 2003, с. 215-225). Потому и не оставили они здесь серьёзных следов в этнолингвистическом положении дел.

В Центральном Прикаспии наиболее значимые события происходили по «кавказскому», а не по «среднеазиатскому» направлению. Здесь почти на столетие, в 650-737 гг. столкнулись в двух войнах два скотоводческо-земледельческих государства: каганат и халифат. В г. Дербенте (г. Баб-аль-Абвабе) тогда наметилось необычное метисное, «арабо - хазарское» население (И.Г. Семёнов), следов позже не оставившее.

Не создали единства, политического и цивилизационного, монголы. «Межчингисидские» противоречия сразу возникли между Джучидами из Золотой Орды и Хулагуидами в победившем сельджуков государстве Ильханов в Персии, и их ожесточённые войны шли в 1242-1358 гг. А с сер. XVI в. в кавказском Прикаспии сошлись интересы России (через Астрахань), Персии и Османской Турции, а ещё и лидеров мелких местных владений.

Нас особо заинтересует объединение в результате походов населения двух побережий Центрального Прикаспия, сочетание событий и связь их жителей. Так, хорезмский султан Джелаль-ад-Дин Менгбурнû вёл в 1221-1231 гг. борьбу, перейдя на Кавказ, с военачальниками Чингисхана, а монголы преследовали его по пятам, обогнув море с юга. С юга же следовали походы по побережьям эмира Тимура-

Тамерлана в 1388-96 гг., шахов - шиитов Исмаила, шахов Аббаса I и Аббаса II Сефевидов с нач. XVI по сер. XVII вв. и затем Надир-шаха Афшара в 1740-42 гг.

А с сéвера совершались трагичный Хивинский поход 1717 г. капитана гвардии, чеченца князя Александра (Девлет-Кизден-мирзы) Бековича-Черкасского и вскоре за ним в 1722-1723 гг. Персидский поход императора Петра I с эскадрой. Завершил этот цикл Каспийский поход российских войск с эскадрой в 1796-1797 гг. до г. Баку и южнее под командой графа В.А. Зуева и графа И.В. Гудовича. Отступавшие, после смерти императрицы, войска и массы закавказских христиан в их обозе пытались преследовать персы хана (шаха) Ага-Мохаммеда Каджара.

Упомянем и попытку совместного Индийского похода консула Наполеона Бонапарта и императора Павла I в апреле-августе 1801 г. через Царицын и Астрахань, флотом на персидский Астрабад, что смогло бы сильно перекроить евразийское пограничье в его этническом значении. И, наконец, Россия и Персия заключили Туркманчайский договор 1828 г. с границей по р. Астарчай на землях будущего Азербайджана и договорённость их местных представителей в 1869 г. о взаимной границе по р. Атрек в южном Туркменистане.

И все такие события неизбежно побуждали население к перемещению, что порождало соответствующий отклик: позитивный, нейтральный или же явно негативный. А многообразие традиций здешних жителей то сокращалось, то, напротив, возрастало. И фактор завоевания и покорения, как отмечалось выше, далеко не всегда бывал созидательным. Тем более, что «вовлечению» со стороны развитых держав подвергалось местное население – в основном, неагрессивных «потребляющих» видов деятельности, способное порою на серьёзное слаженное сопротивление завоевателям, но это случалось довольно - таки редко.

Очевидна неоднозначность завоеваний, а также их повторявшаяся реальность с обычно неплохим освещением в источниках. Особенно интересно их всегда сложное отражение в этнолингвистической картине региона.

Так, военные походы стимулировали активные этнические миграции «вокруг Каспия», со многими новыми диаспорами (Викторин, 2011, с. 52-61; Викторин, 2016, с. 96-99). От персидских войск с юга и калмыцких с востока часть кочевников, прикаспийских туркмен (игдыры, абдалы, човдуры) переселились на Нижневолжье и в Ставрополье. Оседлые горские иудеи и таты - христиане (григорияне) от почти одноязычных им персов мигрировали на север, в российские пределы. Зато полукочевые сельские группы арабов Дагестана (оставляя потомков в местном, сильно этнически смешанном населении) отступали от власти России к тогдашним туркам в Маскуте-Мушкуре и в Ширване, затем совсем южнее, в края своих предков.

Любопытно, что после захвата османскими войсками султанов Мурада III и Мехмеда III территории близь г. Баку и крупной береговой полосы по Каспию в 1578-1606 гг. было установлено прямое корабельное сообщение, в котором османы имели немалый опыт, с их союзниками в Бухаре и Хиве. Так, через г. Ургенч (Гургандж) и море среднеазиатские паломники-сунниты следовали группами в Мекку, в обход враждебной для Турции шиитской Персии (Бартольд, 1924, с. 107-

108, 146). А также, добавим, и помимо неспокойных степей и ставшей российской Астрахани. Затем возросла роль афганского маршрута через океан.

Притом, рассматривая подобное культуртрегерство, приходится всегда уяснять, какие собственные этнические и лингвистические характеристики имели распространители продвинутой формации и посланцы тенденций всемирной культуры, и какой государственный уклад и этнолингвотип доминировал – и на какой срок, чем он сменился.

От потребления даров природы – к развитому земледелию. В Прикаспии широко известны поселения потребительских сообществ, в частности, основанных именно на ХКТ рыболовства – и изначальные, и воспроизведённые вторично из ХКТ иных. Прежде всего, это несколько загадочные «балыкчияне» с островов у берегов Дагестана (о них у хрониста из Персии Шарафаддина Али Йезди в нач. XV в.), уничтоженные Тимуром - Тамерланом в походе зимой 1395 - 96 гг. К морскому рыболовству с конца XVI в. прибегали и позднепереселенческие группы – такие, как русские и обрусевшие «ловцы» на побережье Астраханского воеводства до р. Эмбы. А также лишившиеся своего скота кочевники.

Так, возможности жить «по Яику, по Волге, в Мочагах, при море и устьях рек» весь XVIII в. просили у царских и губернских властей многие калмыки (Кундакбаева, 2005, с. 214, 237). В итоге образовались сначала «чуркинские» калмыки – монастырские православные (точнее, синкретисты с кочевым тенгрианством), от нач. XVIII в. по 1788 г. жившие на взморье вблизи крепа. Красный Яр. А с нач. XIX в. и до сих пор известны особые яндыко - мочажные (т. н. «камышовые») калмыки - тургуты Лиманского района Астраханской обл. и Лаганского района Калмыкии. Немногим позже между Красным Яром и Гурьевым в прибрежье возникла группа рыболовов – «казахи Синеморья».

В среде туркмен и сейчас выделяются оседлые йомуды в ауле Чикишлер и в ауле Эсенгулы на побережье, вблизи границы с Ираном. На их субэтнокультуру сильно повлияли не только традиции рыболовства, но и этнические связи с переселёнными сюда в 1601 г. шахом Аббасом I курдами северного Хорасана в Персии.

«Полными кочевниками» (помнящими некоторые свои традиции и до сих пор) являлись в довоенное время большинство туркмен племенных групп йомуд и гёклен, основная часть калмыков и казахов, шахсвены («кочевые азербайджанцы - шииты») Муганской степи. Даже караногайцы Сев. Дагестана (вблизи г. Кизляр) продолжали жить в юртах вплоть до нач. 60- х гг. XX в.

Полукочевниками (их жизнь в кишлаках – зимою, передвижения со стадами – с весны) в довоенное время являлись нижневолжские ногайцы (карагаши, кундровцы и утары - алабугатцы на границе Астраханской обл. с Калмыкией). А также терекеменцы, или терекемийцы (иногда «тюрки - скотоводы, азербайджанцы - сунниты») в небольшой зоне «Терекеме», на побережье и в предгорьях немного севернее г. Дербента.

Характерно для всех рассматриваемых территорий богарное земледелие. Земледельческие орошаемые поля были возможны лишь при больших водных

источниках. Выделим среди них, как наиболее надёжные для использования, дельты крупных рек, назовём большинство из них в дальнейшем изложении. Из более чем 130- и рек, впадающих в Каспий, можно «дельтовыми» считать 9 или 10.

Пресноводное орошение обеспечивало производство овощей и ягод, риса, меньше – овса и ячменя, а в кочевых районах Северного Прикаспия – проса. Не очень типично было на побережье выращивание пшеницы, хотя пашня – это свидетельство ХКТ наиболее высокого уровня, соотносимого с промышленностью. Зерноводством активно занималось казачество: терское с гребенским на западе, уральское (яицкое) – на северо - востоке. В Центральном и Южном Прикаспии пшеницу с сер. XIX в. выращивали колонисты – представители сект и мелких деноминаций: русские – старообрядцы и иудеяне (субботники и молокане) и, отчасти, немцы (меннониты).

Так, поселились в первой половине XIX в. в азербайджанском Ширване и южнее – в Муганской степи, т.н. «русские муганцы» (о них А.И. Клебанов, Д.И. Исмаил - Заде, А.Д. Сулейманов, Э.Н. Алиев, С.Д. Турбеева). А с 1898 г. по 1914 гг. переселенцы большими группами перебирались в Астрабадскую провинцию Ирана, вблизи границы с Россией, между гг. Горган и Гомбед, рр. Атрек и Карасу и морем – в двух - трёх десятках селений. Просуществовало это интересное население до послевоенного времени, 1946 - 49 гг., когда (с усложнением внешнеполитической обстановки и режима границы) стало массово переезжать вновь: теперь в США и в Австралию (о них Г.Ф. Чиркин, А.М. Сапаров, И.Г. Кострикин).

Количество ярких, необычных прикаспийских примеров хозяйственной специфики в культуре можно при желании значительно преумножить. Займёмся этим в наших новых исследованиях. Полезно будет и их картографирование.

Ареалы и субареалы, их этнотрадиционный состав. Субрегион Северный Прикаспий фактически совпадает с Прикаспийской низменностью. От Астрахани – естественного исторического «навершия» Каспийского региона – к югу расположена как ареал полиэтничная Волжская дельта, к востоку – Синеморье, дельты рр. Урал (Жайык) и Эмбы (Жем) и затем Большой Култук (солончаки). К западу простираются Подстепные ильмени и Мочаги (прибрежные пастбища).

Со среднеазиатской стороны, по новой границе частéй света, плато Мангистау (Мангышлак) с п/о Бузачи (Бозаши) оказывается в «Европе», а соседнее плато Устюрт – в «Азии». Здесь же начинается Центральный Прикаспий (Закаспий), включающий хребты Большой и Малый Балхан с балханским побережьем между ними, известняки Кара - Богаз, бывшую дельту р. Узбой и Красноводский залив. Субэтнический подареал «оседлых туркмен - йомудов, рыболовов» был нами выделен ранее.

В кавказской части Центрального Прикаспия своеобразны как ареалы берега Кизлярского и Аграханского заливов, дельты рр. Терек и Сулак, Кумыкская равнина (плоскость), южнее – любимая восточными авторами область «Гюлистан-и-Ирам» (″Райский цветник″), включающая полукочевую ранее местность Терекеме и весь Дербентский край с прибрежным «дефиле», удобным для

передвижения, многих походов и миграций. Далее расположена дельта и долина р. Самур на границе стран СНГ и двух частей света (с высокогорьем сразу же западнее), за ней издревле разноязычная территория Маскут (Мушкур), далее Нефтяные камни с окрестностями г. Баку и п/о Апшерон.

В составе последнего налицо ещё один, предельно любопытный историко-культурный «субареал» в центре Прикаспия. Это расположенный на полуострове, у сел. Сарухáны, Государственный историко-архитектурный заповедник Азербайджана – храм огня ″Атешгях″. Акад. В.В. Бартольд тоже знал о прежних «огнях около Баку из подводных скал», хотя сам не посетил этих мест и сдержанно расценивал их роль для исламской истории кавказского Прикаспия (Бартольд, 1924, с. 23). Действительно, по соседству с промышленной нефтедобычей священные огни ослабли и погасли ещё на рубеже XIX - XX вв. Но на месте совсем древних мольбищ успели в 1713 г. выстроить храм как целый комплекс (ещё, кстати, при господстве мусульманства: до прихода войск России в 1805-1806 гг.). Так или иначе, сакральность храма сохранена, и это место, оставив на стенах записи на своих языках и алфавитах, посещают до сих пор паломники: в основном, они из разных местностей Ирана и Индии.

Южнее агломерации Большого Баку простираются степная Муганская низменность, дельта р. Кура (с Араксом), Мильская степь и, наконец, приграничная Талышская долина. Далее расположен Иранский, Южный Прикаспий: в его составе на западе – берег Гиляна с предгорьями Дейлема, за ними – Лахиджан и Мазандеран (древн. Табаристан) и на востоке – Астрабадская (Горганская) долина вдоль одноимённого морского залива, с исторической областью Гиркания и, ужѐ совсем восточнее, с пограничным ареалом Голистан.

Таким образом, нами выделено, по периметру побережья Каспийского моря протяжённостью почти 7 тыс. км и с некоторым проникновением вглубь суши, до 30- и географических и историко-культурных ареалов, по 100 300 км береговой линии каждый.

Предварительно названы также несколько входящих в них «субареалов», которых на сáмом деле гораздо больше (они будут рассмотрены в наших дальнейших публикациях). В ходе исследования не раз возникала проблема, считать ли «Прикаспийскую низменность и её дельтовые зоны», «Гилян с Дейлемом», «Нефтяное побережье Азербайджана» как самодостаточные целостности или же выделять в них «под - зоны», или «субареалы».

Уникальные черты прежних этноспецифических ХКТ, языковых (диалектных) и иных традиционных типов с их сосуществованием в перечисленных и намеченных к рассмотрению межэтнотрадиционных ареалах и субареалах налицо. Их полезно знать и учитывать для лучшего постижения и устойчивого развития региона.

ВЫВОДЫ

Итак, рассмотренный в статье «регион Прикаспия» служит хорошим образцом «единства в многообразии» и «разнообразной целостности», заслуживающий комплексного, междисциплинарного изучения. Перед нами яркий и показательный пример совместного развития в непростых природных условиях. Предельно богата и неповторима, хотя и изменчива, складывавшаяся здесь за очень длительное время специфика развития: при контактах этносов и их языков, диалектов в крупных ареалах прибрежья и в минимальных их точках. Трудное многовековое сложение («тысячелетнее», по Л.Н. Гумилёву) прошли его ареальность и этнолингвистическая карта. И такое развитие продолжается, с неизбежными модификациями, и сейчас.

Прикаспий, как мы абсолютно уверены, составляет «активную периферию» Планеты, имея для глобального развития подчинённое и включённое, но энергичное и заметное значение. И потому его роль двусторонняя (амбивалентная) и несколько противоречивая, но при этом и весьма перспективная. Необходимо учитывать этот фактор для понимания процессов и, на этой основе, многостороннего сотрудничества и языкового взаимопонимания в само́м регионе и при любом внешнем взаимодействии с учётом давнего опыта адаптации любых влияний.

С «ареальных» позиций, весь стиль местного существования сопряжён с здешней природой, в т.ч. часто – напрямую с фактором наличия мо́ря по соседству. Многослойная «пограничность» обеспечивает региону связь с самыми отдалёнными территориями. Консервативность и традиционность гарантируют внутреннюю стабильность. А повсеместная специфичность с сохранением культурных реликтов создают возможности яркой и привлекательной самопрезентации территорий. Всё древнее наследие, так или иначе, сохраняется в жизни нынешних обитателей Прикаспия.

Свидетельством того, что сейчас отлаживается правовой статус Каспийского моря служит полная ратификация Актауской «Конвенции» от 12 августа 2018 г. Тогда вполне целесообразным выглядело бы наше предложение в дальнейшем «дополнить» её этнокультурной и лингвистической составляющей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Арутюнов, С.А., Рыжакова, С.И. (2004). *Культурная антропология. Серия "Аудитория"*. Москва: Весь Мир.

Бартольд, В.В. (1924). *Место Прикаспийских областей в истории мусульманского мира*. Курс лекций на Восточном факультете АГУ в 1924 г. Баку: ООиИ Азербайджана.

Бартольд, В.В. (2003). *Работы по исторической географии и истории* Ирана (сер. «Классики отечеств. востоковедения»). Москва: Восточн. литература РАН.

Введение в востоковедение. Общий курс (2017). Ответ. ред-ры проф. Е.И. Зеленев, проф. В.Б. Касевич. Санкт-Петербург: Каро.

Викторин, В.М. (2002). Ареалы Прикаспия как специфическое евразийское приграничье (к проблеме этносоциокультурной "реликтовости"). *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, *1*(1), 40-46.

Викторин, В.М. (2003). Этноконфессионально-специфические группы в структуре этносов на рубежах Евразии (монотеизм – рецепция и связь верований – соотношение общин). *Россия и Восток: проблемы взаимодействия*. Волгоград: ВолГУ, 155-166.

Викторин, В.М. (2007). История и современность ислама в России и регионах: пространственный, ступенчатый и информационный подходы (к теории и методологии изучения). *Ислам на Юге России*. Сб. ст. Астрахань: Филиал ВАГС, 5-6.

Викторин, В.М. (2011). "Врата народов": последние кочевые миграции вдоль северного Прикаспия (XVII – XVIII вв.). *Арало-Каспийский регион в истории и культуре Евразии (Еуразия тарихы мен мәдениет аясындагы Арал-Каспий аймагы)*, 52-61.

Викторин, В.М. (2016). Город Дербент, Восточный Кавказ и побережье Каспия: этнолингвистические и конфессиональные миграции к началу XIX в. *Научная мысль Кавказа*, *4* (88), 96-99.

Викторин, В.М. (2021)."Каспийский круг" этнолингвокультур и конфессиотипов: его астраханский ракурс. *Каспий: прошлое, будущее, настоящее.* Сб. ст. ко Дню Каспия. Астрахань: Астрахан. университет, 154-156.

Герд, А.С. (2005). *Введение в этнолингвистику*. *Курс лекций и хрестоматия*. Санкт-Петербург: СпбГУ.

Гумилёв, Л.Н. (1993). *Тысячелетие вокруг Каспия*. Москва: ТОО "Мишель и Ко".

Ерасов, Б.С. (1990). *Культура, религия и цивилизация на Востоке*. Москва: ГРВЛ Наука.

Кундакбаева, Ж.Б. (2005). *Знаком милости Е.И.В. Россия и народы Северного Прикаспия в XVIII веке*. Москва: АИРО; Санкт-Петербург: Издатель Дмитрий Буланин.

Левин, М.Г., Чебоксаров, Н.Н. (1955). Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области. *Советская этнография*, *4*, 3-17.

Октябрьская, И.В. (2020). Ареальные исследования в российской этнографии: традиции и современное состояние. *Вестник Томского государственного университета. История, 68*, 103-108.

Романова, А.П., Карабущенко, П.Л. (2007). *Астрахань - XXI век: социокультурная регионалистика*. Астрахань: Астраханский университет.

Толстов, С.П. (1932). Очерки первоначального ислама. *Советская этнография*, *2*, 24-82.

Чебоксаров, Н.Н., Чебоксарова, И.А. (1985). *Народы, расы, культуры*. Москва: Наука.

Для цитирования: Викторин, В.М. (2022). Прикаспийский «круг традиций» и проблемы ареальной этнолингвистической специфики. *Caspium Securitatis: журнал каспийской безопасности*, *2*(1), 52-67.

DOI 10.54398/2713024X_2022_2_1_50

REFERENCES

Arutyunov, S.A. & Ryzhakova, S.I. (2004). *Cultural anthropology. Series "Audience"*. Moscow: Whole World. (in Russian)

Bartold, V.V. (1924). *The place of the Caspian regions in the history of the Muslim world. A course of lectures at the Oriental Faculty of ASU in 1924*. Baku: OOiI Azerbaijan. (in Russian)

Bartold, V.V. (2003). *Works on historical geography and history of Iran (series "Classics of Russian Oriental Studies")*. Moscow: Vostochn. Literature RAS. (in Russian)

Introduction to Oriental Studies. General course (2017). Answer. editors prof. E.I. Zelenev, prof. V.B. Kasevich. St. Petersburg: Karo. (in Russian)

Victorin, V.M. (2002). Areas of the Caspian Sea as a specific Eurasian borderland (to the problem of ethnosociocultural "relictness"). *Caspian region: politics, economics, culture*, *1*(1), 40-46. (in Russian)

Victorin, V.M. (2003). Ethno-confessional-specific groups in the structure of ethnic groups on the borders of Eurasia (monotheism - reception and connection of beliefs - correlation of communities). *Russia and the East: problems of interaction*. Volgograd: VolGU, 155-166. (in Russian)

Victorin, V.M. (2007). History and modernity of Islam in Russia and the regions: spatial, stepwise and informational approaches (to the theory and methodology of study). *Islam in the South of Russia. Sat. Art*. Astrakhan: Branch of VAGS, 5-6. (in Russian)

Victorin, V.M. (2011). "Gateway of Nations": the last nomadic migrations along the northern Caspian Sea (XVII - XVIII centuries). *The Aral-Caspian region in the history and culture of Eurasia (Eurasia tarihi men mədeniyet ayasyndagy Aral-Caspian aimags)*, 52-61. (in Russian)

Victorin, V.M. (2016). The city of Derbent, the Eastern Caucasus and the Caspian coast: ethnolinguistic and religious migrations by the beginning of the 19th century. *Scientific thought of the Caucasus, 4* (88), 96-99. (in Russian)

Victorin, V.M. (2021). "Caspian circle" of ethnolinguistic cultures and confessional types: its Astrakhan perspective. *Caspian: past, future, present. Sat. Art. for Caspian Day*. Astrakhan: Astrakhan. university, 154-156. (in Russian)

Gerd, A.S. (2005). *Introduction to ethnolinguistics. Course of lectures and reader*. St. Petersburg: St. Petersburg State University. (in Russian)

Gumilyov, L.N. (1993). *Millennium around the Caspian Sea*. Moscow: Michel and Co. LLP. (in Russian)

Erasov, B.S. (1990). *Culture, religion and civilization in the East*. Moscow: GRVL Nauka. (in Russian)

Kundakbaeva, Zh.B. (2005). *A sign of mercy from H.I.V. Russia and the peoples of the Northern Caspian region in the 18th century*. Moscow: AIRO; St. Petersburg: Publisher Dmitry Bulanin. (in Russian)

Levin, M.G. & Cheboksarov, N.N. (1955). Economic and cultural types and historical and ethnographic areas. *Soviet ethnography*, *4*, 3-17. (in Russian)

Oktyabrskaya, I.V. (2020). Areal studies in Russian ethnography: traditions and current state. Bulletin of Tomsk State University. *History, 68*, 103-108. (in Russian)

Romanova, A.P. & Karabuschenko, P.L. (2007). *Astrakhan - XXI century: sociocultural regional studies*. Astrakhan: Astrakhan university. (in Russian)

Tolstov, S.P. (1932). Essays on primitive Islam. *Soviet ethnography*, *2*, 24-82. (in Russian)

Cheboksarov, N.N. & Cheboksarova, I.A. (1985). *Peoples, races, cultures*. Moscow: Science. (in Russian)

For citation: Victorin, V.M. (2022). The “Circle of Traditions” of the Caspian Sea Coastal Region and the Problems of Areal Ethnolinguistic Specificity. *Caspium Securitatis: Journal of Caspian Safety & Security*, *2*(1), 52-67.

DOI 10.54398/2713024X_2022_2_1_50

FOREIGN ISLAMIC EDUCATION OF DAGESTANS IN THE CONTEXT OF SECURITY OF THE CASPIAN REGION

Zaid M. Abdulagatov

Dagestan Federal Research Center RAS, Russia, Makhachkala
E-mail: zaid48@mail.ru

ABSTRACT

In the article, the author showed that foreign education was a problem for the Russian state even in the pre-Soviet period of its history: North Caucasian Muslims returned from abroad with thoughts “dangerous for Russian statehood”. Based on the data of a sociological survey of Muslims of Dagestan who studied abroad in the 21st century, it was revealed that about a third of them returned to their homeland with a Salafi confessional consciousness, in the future capable of radical Salafi protest activities in the region.

KEYWORDS

foreign Islamic education; Salafism; Sufism; extremism; Islam; Muslims; Dagestan; Russia.

ЗАРУБЕЖНОЕ ИСЛАМСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ДАГЕСТАНЦЕВ В КОНТЕКСТЕ БЕЗОПАСНОСТИ КАСПИЙСКОГО РЕГИОНА

Абдулагатов Заид Магомедович

Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН,
Россия, Махачкала
E-mail: zaid48@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В статье автор показал, что зарубежное образование было проблемой для российского государства еще в досоветский период его истории: северокавказские мусульмане возвращались из зарубежья с мыслями «опасными для российской государственности». На основе данных социологического опроса мусульман Дагестана, прошедших обучение за рубежом в XXI в., выявлено, что около трети из них возвратились на родину с салафитским конфессиональным сознанием, в перспективе способной к протестной радикально салафитской деятельности в регионе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

зарубежное исламское образование; салафизм; суфизм; экстремизм; ислам; мусульмане; Дагестан; Россия.

ВВЕДЕНИЕ

В данном тексте понятие экстремальность религиозного сознания используется как крайность, которая проявляет себя в рамках закона. В то же время она способна иметь нежелательное, с точки зрения интересов государства и общества, развитие в направлении практики насильственного экстремизма, и даже терроризма. Экстремальное сознание – это основа экстремистского и террористического поведения.

Одним из источников формирования религиозно экстремистского сознания мусульман России считается зарубежное исламское образование. Вопрос о зарубежном исламском образовании оказался сложным как для официального ислама в России, так и для российского государства. Еще в 2009 году, реагируя на запросы религиозных и светских лидеров Северного Кавказа, президент РФ Д.А. Медведев о зарубежном исламском образовании высказался так: «…контроль за выезжающими. Думаю, что это правильная постановка вопроса. Контроль должен быть обязательно…» (Медведев, 2011). Как будет показано в тексте, данная проблема в России все еще не решена.

Актуальность темы исследования связана с тем, что, несмотря на некоторое снижение числа террористических актов и других показателей экстремистской деятельности на Северном Кавказе, вопросы экстремизма и терроризма продолжают волновать российское государство и российскую общественность.

Объектом исследования являются молодые мусульмане Дагестана, получавшие исламское образование за пределами России.

Предмет исследования – состояние исламского сознания этой группы мусульман.

Цель исследования – определение экстремальных составляющих религиозного сознания, обучавшихся исламским наукам за рубежом, выявление проблем зарубежного исламского образования для российского государства и общества.

Одна из **гипотез** исследования - утверждение, что зарубежное исламское образование способствует формированию экстремальностей религиозного сознания мусульманского населения Республики Дагестан. Это связано с салафитскими и радикально салафитскими идеями, пропагандируемыми рядом зарубежных исламских образовательных центров. Методом исследования стал социологический опрос, проведенный автором среди мусульман, обучавшихся в зарубежных исламских образовательных центрах.

ИЗ ИСТОРИИ ЗАРУБЕЖНОГО ИСЛАМСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ ДАГЕСТАНЦЕВ

Еще в досоветский период обучавшихся в зарубежных исламских учебных заведениях характеризовали как салафитов-ваххабитов. Известный дагестанский просветитель и религиозный лидер Али Каяев в 1905-1907 гг учился исламским

наукам в Аль-Азхаре (Каир). Он тесно общался с египетскими реформаторами, в том числе и с Рашидом Рида. По мнению лидеров дагестанского суфизма, в том числе ныне покойного авторитетнейшего шейха Саида Афанди Чиркейского, Али Каяев является первым дагестанским ваххабитом (Нуридинов, 1998, с. 99). В действительности, салафитское влияние зарубежного исламского образования на дагестанское исламское сознание имело место до Али Каяева. Сам Али Каяев считал, что распространение религиозного свободомыслия в Дагестане явилось результатом чтения книг Йеменского ученого Салиха (Каяев, с. 4). Сведения об известных дагестанских богословах, на которых сильное влияние имело зарубежное образование, приводятся известным востоковедом И.Ю. Крачковским в его работе «Дагестан и Йемен» (Крачковский, 1960).

Об опасности зарубежного исламского образовательного влияния на российскую государственность еще в начале XX в писал кавказский наместник, великий князь Николай Николаевич императору Николаю II: «…Недостатки в постановке учебного дела приводят к тому, что русские мусульмане, предназначающие себя для духовной деятельности, стремятся в Заграничные учебные заведения, где воспринимают часто взгляды и убеждения, опасные для русской государственности» (Доклад великого князя, 2005).

Приведенные выше сведения показывают, что имеющие в религиозной и научной среде объяснения причин оттока мусульман России в зарубежные образовательные центры советским атеистическим периодом истории, не соответствуют действительности. Они едут в другие страны за другими исламскими знаниями, которых не было ни в Российской империи, ни в Советской России, которых нет и в постсоветской России.

НЕКОТОРЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ НЕГАТИВНОГО ВЛИЯНИЯ ЗАРУБЕЖНОГО ИСЛАМСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА СТАБИЛЬНОСТЬ В КАСПИЙСКОМ РЕГИОНЕ

По официальным данным, только в Аль-Азхаре (Египет) более 400 дагестанцев прошли обучение исламским наукам. Около 40 из них уничтожены в ходе контртеррористических операций правоохранительными органами на территории РД (Аль-Азхар…web). Известные лидеры северокавказского радикального ислама Анзор Астемиров и Магомедали Вагабов, которые были кадиями «Имарата Кавказ» (террористическая организация, запрещенная в России), после распада Советского Союза обучались в зарубежных исламских учебных заведениях (Мамаев, 2010). Имам Камиль Султанахмедов, получивший исламское образование за рубежом, многие годы вел проповедческую деятельность в г. Избербаш и в крупном Каякентском районе РД. Видеозапись его присяги ИГИЛ (террористическая организация, запрещенная в России) появилась в Интернете 2 июня 2015 года (Магомедов, 2015).

С началом перестроечных процессов открылась дорога зарубежным проповедникам ценностей исламского образования в России. В частности, в

исламском образовательном процессе в Дагестане активно работали преподаватели из арабских стран. Они имели сильное влияние на формирование молодежного крыла радикально салафитского движения в дагестанском исламе. Информацию о том, как это проходило в Исламском институте им. Имама Шафии в г. Махачкала, дал автору, бывший студент этого института, ныне зав. отделом восточных рукописей Института ИАЭ ДНЦ РАН Ш.Ш.Шихалиев: «Один из преподавателей-арабов, Мухаммад Хани, выпускник Аль-Азхара, был пойман на вербовке дагестанских студентов. …Многие, кто учились у арабских преподавателей, приняли радикально-салафитские идеи. Абузагир Мантаев, Ясин (Махач) Расулов – известные лидеры молодежного крыла дагестанских радикальных салафитов, которые были уничтожены в ходе спецопераций в РД, учились в Исламском институте им. Имама Шафии, причем, они обучались в группах преподавателей-арабов…»[6]. Известный дагестанский салафит Абас Кебедов, обучавшийся в Аль-Азхаре, был и остается одним из символических фигур противостояния салафитов и суфиев в Дагестане. Он считает, что «практически 90 процентов исламского знания вышло из Аль-Азхара, Египта» (Гереев, 2011).

ГДЕ ЗА РУБЕЖОМ ПОЛУЧАЮТ ИСЛАМСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ДАГЕСТАНСКИЕ МУСУЛЬМАНЕ

По имеющимся публикациям о зарубежном исламском образовании, в основном российские мусульмане учатся в Египте, Королевстве Саудовская Аравия (КСА), Сирии, Ираке, Турции, Тунисе, Алжире, Узбекистане (Бухара), Иордании, Судане, Бахрейне, Малайзии, Марокко. В ходе опроса выявилось, что дагестанцы имеют более широкий круг своих исламских образовательных интересов в его географическом выражении: Грузия (Аджария), Азербайджан, Алжир, Египет, Индия, Индонезия, Иран, Йемен, Киргизия, Китай, Малайзия, Пакистан, Саудовская Аравия, Судан, Сирия, Узбекистан, Тунис, Турция, – всего 18 государств. Нет оснований считать, что этот список полностью описывает географию стран зарубежного образования дагестанцев. Дагестанских мусульман государства исламского образования по данным социологического опроса наиболее интересуют в следующем порядке: Сирия – 28,6%, Египет – 16,3%, Турция – 14,3%, Малайзия – 6,1%.

В 1996 году в зарубежных образовательных центрах обучались 1,5 тысяч дагестанцев (Макаров, 2000). Известный дагестанский религиовед К.М. Ханбабаев в беседе с автором текста говорил о 3000 дагестанцах, выехавших в первые годы XXI в. за рубеж за исламскими знаниями. Считать, что в настоящее время эти показатели снизились, нет оснований.

РЕЗУЛЬТАТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА

[6] Беседа автора с Ш.Ш. Шихалиевым состоялась 20 июля 2012 г. Архив автора.

В структуре выборки молодежь представлена больше, чем старшее поколение: 54,8% против 45,2%.

1. По данным опроса, 48,9% опрошенных получали исламское образование за рубежом в частном секторе. То есть, там, где возможно не было особого контроля за образовательными программами. Мужчины пользуются этой формой образования больше, чем женщины (мужчины – 50,0%; женщины – 44,4%).

2. Актуальным для России в целом в смысле противодействия экстремизму и терроризму остается вопрос о том, каким образом мусульмане попадают в зарубежный образовательный процесс. Академик Е.М.Примаков считал, что они в своем большинстве оказываются за рубежом по приглашению уже обучающихся там земляков, и, как правило, «легко попадают под влияние радикалов» (Примаков, 2012). По данным опроса, менее одной трети – 28,5 % дагестанцев была направлена на рубежное образование Духовным управлением мусульман Дагестана (ДУМД) или какой -либо другой российской религиозной организацией. Среди мужчин таковых оказалось 22,5 % (женщины – 53,5%). Немало лиц – 22,4 % получали образование по приглашению и финансированию зарубежного учебного заведения. Максимальные показатели оказались по пункту «это была частная поездка» – 38,8%. Мужчины – 42,5%, женщины – 22,2%. В целом 65% мужчин уезжают в другие страны с целью получения исламских знаний без ведома какой-либо российской мусульманской организации. Всего 7,5% мужчин-дагестанцев направляются на такого рода обучение Духовным управлением мусульман Дагестана (ДУМД). В то же время, именно социальная группа мужчин оказывается наиболее подверженной влиянию радикальных исламских взглядов.

3. Интерес дагестанцев к зарубежному исламскому образованию обусловлен следующими показателями: а) «быстрее и качественное освоение арабского языка» – 60%; б) «отсутствие высококвалифицированных кадров» в дагестанских исламских учебных заведениях (ИУЗ) – 49,2%; в) «узость исламских образовательных программ в Дагестане», сконцентрированность исключительно на освоении знаний о шафиитском масхабе (30,6%), на вопросах фикха (23,5%).

4. Уровень религиозного образования выезжающих за рубеж был низким: без образования – 17,0%, умеющие читать Коран – 25,5%, начальное исламское образование – 21,3%.

5. По данным социологического опроса 2016 года в исламских образовательных центрах Дагестана, шафиитами определили себя 97,6% опрошенных. Среди обучавшихся за рубежом шафиитами себя назвали значительно меньшая доля опрошенных – 60,8%. Ханбалитами и безмасхабными назвала себя 31,4% выборки. Эти группы представляют салафитскую направленность исламского сознания обучавшихся за рубежом. В частности, ваххабиты представляют крайне правое консервативное крыло ханбализма. Как оказалось, именно эти две группы определяли основной состав тех респондентов, которые уехали в зарубежные исламские образовательные центры в поисках знаний об «истинном» исламе. Вопрос об «истинном» исламе является одним из

конфликтогенных в исламском мире, в том числе и в исламском сообществе России.

6. Салафизм указанных двух групп опроса выявился в их отношении к суфиям. 57,1% безмасхабных считают, что суфии «заблудшие». В общей выборке так считают всего 21,7%.

7. «Хорошее отношение» к «ваххабизму», как к истинной религии мусульман, выразили 57,1% ханбалитов и столько же безмасхабных. Среди обозначавших себя шафиитами таковых оказалось всего 10,0%.

8. Позицию «Мусульманин должен следовать законам государства, если даже они противоречат Шариату», поддерживают всего 10,2 % опрошенных. Это в несколько раз ниже показателей, полученных по опросу в Дагестане в целом.

ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ

1. Зарубежное исламское образование мусульман Северного Кавказа, в том числе и Дагестана, представляло опасность для российской государственности еще во времена Российской империи. Имеет место негативное влияние зарубежного исламского образования на межконфессиональные, конфессионально-государственные отношения мусульман и в современной России.

2. Экстремальность исламского сознания обучавшихся в зарубежных исламских образовательных учреждениях выражаются в том, что: а) треть обучавшихся возвращаются на родину с конфессиональными сознаниями – ханбалитскими, безмасхабными, противоречащими господствующей местной исламской традиции; б) основная масса обучавшихся не считают необходимым следовать законам государства, если они противоречат Шариату.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гереев, Р. (2011). *Абас Кебедов: Я вижу новую эру – исламскую*. Получено из http://ansar.ru/person/2011/05/16/15539

Аль-Азхар закрыт для россиян. *Новое дело*. Получено из https://ndelo.ru/detail/4099

Доклад великого князя Николая Николаевича императору Николаю II о политическом положении на Кавказе, 23 сентября 1916 г. (2005). *Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX в. Сборник документов*. Изд. журнала «Звезда». Санкт- Петербург, 549.

Каяев, А. *Биографии дагестанских ученых арабистов*. Рукописный фонд Института ИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 25. оп. 1, д. № 1, 4.

Крачковский, И.Ю. (1960). Дагестан и Йемен. *Избранные сочинения, VI*. Москва: АН СССР, 574-584.

Макаров, Д.В. (2000). Официальный и неофициальный ислам в Дагестане. Москва: ЦСиПИ.

Примаков, Е.М. (2012). Неотложная к решению проблема. *Российская газета. Федеральный выпуск, 5746* (76).

Чиркейский, С.А. (2003). *Сокровищница благодатных знаний*. Москва: ИХЛАС.

Для цитирования: Абдулагатов, З.М. (2022) Зарубежное исламское образование дагестанцев в контексте безопасности каспийского региона. *Caspium Securitatis: журнал каспийской безопасности*, *2*(1), 68-75.

DOI 10.54398/2713024X_2022_2_1_65

REFERENCES

Gereev, R. (2011). *Abas Kebedov: I see a new era - Islamic*. Retrieved from http://ansar.ru/person/2011/05/16/15539 (in Russian)

Al-Azhar is closed to Russians. *New business*. Retrieved from https://ndelo.ru/detail/4099 (in Russian)

Report of Grand Duke Nikolai Nikolaevich to Emperor Nicholas II on the political situation in the Caucasus, September 23, 1916 (2005). *The Caucasus and the Russian Empire: projects, ideas, illusions and reality. Beginning of the 19th – beginning of the 20th century. Collection of documents*. Ed. Zvezda magazine. St. Petersburg, 549. (in Russian)

Kayaev, A. *Biographies of Dagestan Arab scholars*. Manuscript collection of the Institute of AE DSC RAS. F. 25. op. 1, building No. 1, 4. (in Russian)

Krachkovsky, I.Yu. (1960). Dagestan and Yemen. *Selected Works, VI*. Moscow: USSR Academy of Sciences, 574-584. (in Russian)

Makarov, D.V. (2000). *Official and unofficial Islam in Dagestan*. Moscow: TsSIPI. (in Russian)

Primakov, E.M. (2012). An urgent problem to solve. *Russian newspaper. Federal Issue, 5746*(76). (in Russian)

Chirkeysky, S.A. (2003). *A treasury of blessed knowledge*. Moscow: IHLAS. (in Russian)

For citation: Abdulagatov, Z.M. (2022). Foreign Islamic Education of Dagestans in the Context of Security of the Caspian Region. *Caspium Securitatis: Journal of Caspian Safety & Security*, *2*(1), 68-75.

DOI 10.54398/2713024X_2022_2_1_65

ANALYSIS OF ONLINE ACTIVITY OF SOCIAL NETWORKS USERS AS A RESPONSE TO SOCIAL AND POLITICAL PROCESSES IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Dmitriy A. Chernichkin

Astrakhan Tatishchev State University, Russia, Astrakhan
E-mail: chernichkin95@mail.ru
ORCID: http://orcid.org/0000-0002-9647-7916

ABSTRACT

The article systematizes data obtained from communities and profiles of various social networks (posts, reposts, comments) using Big Data tools and analyzes them using a machine text analysis method, affecting the consequences of the January events of 2022 in the Republic of Kazakhstan and the attitude towards the CSTO troops operating in the republic during the January events. The author systematized and analyzed the data collected by the SDG of the Astrakhan region (regional control center) from open sources and submitted for secondary analysis. Secondary analysis was carried out using the machine method of text analysis in the PolyAnalyst system in order to summarize the results of data analysis. As a result, the main sources of information, traffic sources, authors of published content, popular communities were identified, the geography of publications was determined, the most popular marker words, the index of user involvement in the analyzed posts were identified, and the tone of references to the most frequently mentioned persons and organizations was analyzed.

KEYWORDS

Kazakhstan; January events; SCTO; EAEU; Tokayev; Nazarbayev; Putin; big data; content analysis.

ACKNOWLEDGMENT

The study was carried out by a grant from the Russian Science Foundation No. 22-18-00301 «The process of constructing new identities in the Caspian macroregion in the context of societal security».

АНАЛИЗ ОНЛАЙН-АКТИВНОСТИ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ КАК РЕАКЦИЯ НА ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Черничкин Дмитрий Алексеевич

Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева,
Россия, Астрахань
E-mail: chernichkin95@mail.ru
ORCID: http://orcid.org/0000-0002-9647-7916

АННОТАЦИЯ

В статье систематизированы данные, затрагивающие последствия январских событий 2022 года в Республике Казахстан и отношение к войскам ОДКБ, действующих в республике в период январских событий, полученные из сообществ и профилей различных социальных сетей (посты, репосты, комментарии) с использованием инструментов Big Data, а также проведен их анализ с применением машинного метода анализа текста. Автором были систематизированы и проанализированы данные, собранные ЦУР Астраханской области (центр управления регионом) из открытых источников и переданные для вторичного анализа. Вторичный анализ производился с применением машинного метода анализа текста в системе PolyAnalyst с целью обобщения результатов анализа данных. В результате были выявлены основные источники информации, источники трафика, авторы публикуемого контента, популярные сообщества, определена география публикаций, выделены наиболее популярные слова-маркеры, индекс вовлеченности пользователей в анализируемые посты, а также проанализирована тональность сообщений с наиболее часто упоминаемыми персонами и организациями.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Казахстан; январские события; ОДКБ; ЕАЭС; Токаев; Назарбаев; Путин, большие данные; контент-анализ.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00301 «Процесс конструирования новых идентичностей в Каспийском макрорегионе в контексте социетальной безопасности».

ВВЕДЕНИЕ

За последнее десятилетие социальные сети не только изменили способ общения людей, но и стали одним из важных каналов распространения и обсуждения социально-политических вопросов, что, в свою очередь, оказало непосредственное влияние на ход политической медиатизации во многих странах мира. Платформы социальных сетей могут предоставлять коммуникационные и информационные возможности, позволяющие гражданам участвовать в публичном дискурсе и критике законов или политики. К примеру, исследования Pew Research Center за 2014 год показывали, что более 30% пользователей социальных сетей выразили свои взгляды или мнения по политическим и социальным вопросам на платформах социальных сетей (Pew Research Center, 2014), а уже в 2021 году данный показатель вырос в полтора раза (Pew Research Center, 2021). Кроме того, люди, часто использующие социальные сети и следящие за соответствующими политическими деятелями или темами, проявляют большую готовность участвовать в социально-политических процессах. С точки зрения мотивации к гражданскому участию с каждым годом все больше молодых людей вовлекаются в демократическую, социальную или политическую деятельности (Saud, Ida, Mashud, 2020).

Однако в некоторых случаях подобная онлайн-активность выражается в форме протестных акций, зачастую перетекающих из онлайн в оффлайн пространство. За последнее десятилетие политические протестные события по всему миру, такие как «Движение возмущенных» 2011 года в Испании, молодежные протесты 2019-2021 года в Чили, движение желтых жилетов 2018 года во Франции, протестные акции 2020 года в Республике Беларусь, а также январские события 2022 года в Республике Казахстан продемонстрировали растущую роль социальных сетей в современной политической жизни. Но в реальной жизни политический протест отличается от онлайн-активизма тем, что он действует вне институциональных каналов участия (Ekman, Amnå, 2012), его вызывающим характером по отношению к политической системе (Dalton, 2008), открытым выражением несогласия с текущей позицией официальной власти по различным вопросам (Norris, Walgrave, Van Aelst, 2005) и центральной роли организационного фактора в эффективной мобилизации коллективных действий (Anduiza, Cristancho, Sabucedo, 2014). Кроме того, акции протеста часто классифицируют как мягкие и сильные в зависимости от потенциала насилия и степени его выхода за установленные правовые рамки (Dubrow, Slomczynski, Tomescu-Dubrow, 2008). Учитывая эти особенности, мировое научное сообщество предоставляет все больше эмпирических данных, подтверждающих наличие связи между использованием социальных сетей и протестным поведением на индивидуальном и коллективном уровнях (Boulianne, 2015; Генералова, 2021; Никифоров, 2014; Lee, 2019).

В частности, использование таких платформ, как Facebook, Twitter, Instagram, ВКонтакте, Telegram и др. может способствовать динамике политического протеста за счет двух взаимодополняющих механизмов: поощрения благоприятных предрасположенностей у пользователей и усиления организационной

эффективности политических групп. Использование сайтов социальных сетей для потребления и распространения политической информации, выражения мнений или участия в неформальных дискуссиях по вопросам, представляющим общественный интерес, стимулирует рост политической осведомленности среди пользователей, что, в своею очередь, способствует укреплению «политической приверженности, взглядов и знаний» (Lenzi, Vieno et. al., 2015). С другой стороны, цифровые платформы сокращают расходы на организацию и координацию политических объединений и общественных движений, в то время как возможности вербовки участников протестов и распространения дезинформации значительно расширяются (Micó, Casero-Ripollés, 2014; Theocharis, Lowe et. al., 2015).

В этом смысле, огромные возможности социальных медиа с каждым годом все больше повышают интерес к проблеме сентимент-анализа – автоматического выделения в текстах сообщений пользователей эмоционально окрашенной лексики, например эмоциональных оценок авторов сообщений по отношению к обсуждаемым темам, объектам, событиям и т.п. Огромные объемы уже накопленных данных и скорость поступления новых не оставляют шансов заинтересованным лицам и компаниям на проведение анализа данных в ручном режиме, что делает разработку инструментов автоматического извлечения требуемой информации актуальной задачей.

Данное исследование направленно на изучение онлайн-активности пользователей социальных сетей и их реакции на социально-политические процессы на примере Республики Казахстан, где в январе 2022 года произошли стихийные акции протеста, координируемые в большинстве случаев с использованием платформ социальных сетей, а также на выявление отношения к коллективным силам оперативного реагирования государств-участников ОДКБ с применением машинного метода анализа текстов.

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ, ЦИФРОВОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ И ОФФЛАЙН ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОТЕСТ

Цифровая среда и инновации в коммуникационных технологиях постоянно переопределяют способы политического действия правительств, политических организаций, общественных движений и граждан в целом.

Последние исследования в области социологии показывают, что политическая деятельность пользователей социальных сетей связана с изменением вектора активности от умеренной и нейтральной до экспрессивной и протестной, а также зачастую не связанной с тем или иным политическим движением или партией (Calenda, Meijer, 2009). Сообщения, распространяемые через социальные сети, отчасти объясняют участие в политических протестах тех, кто спонтанно решает поддержать какое-либо действие или процесс (Theocharis, Lowe et. al., 2015). В результате, политические группы могут быстрее и с меньшими затратами достичь критической массы, необходимой для координации коллективных действий,

благодаря возможностям, предоставляемым социальными сетями (Федоров, Чернов, 2014).

Некоторые исследователи на основе эмпирических данных полагают, что на индивидуальном уровне частота использования социальных сетей связана с участием в политической жизни оффлайн. Согласно метаанализу, проведенному С. Бульяном в 2015 году в развитых и развивающихся странах, использование сайтов социальных сетей, как правило, оказывает значительное влияние на участие в политической жизни вне сети, будь то в нейтральной или протестной (Boulianne, 2015). Другими словами, чем больше времени проводит пользователь в социальных сетях, тем больше вероятность того, что он потребит больший объем политической информации (Bode, Dalrymple, 2016; Есиев, 2021). Аналогичный эффект наблюдается вокруг выражения политических, экономических и социальных взглядов и мнений (Ji, Zhou, Kim, 2017; Чарыкова, 2021). В результате информационное или экспрессивное политическое поведение, формируемое через такие пространства, как Facebook, Telegram или Twitter, помогает продвигать индивидуальное политическое измерение, тем самым увеличивая вероятность участия в политической деятельности вне сети.

Последние исследования, посвященные изучению влиянию онлайн-среды на протестное поведение пользователей, показывают, что использование онлайн СМИ для поиска информации по социально-политическим вопросам, способствует значительному повышению политической активности пользователей (Расторгуев, Тян, 2021). Модель O-SR-O-R (ориентация — стимул/рассуждение — ориентация — реакция), сформулированная группой исследователей под руководством Дж. Чо показывает, что потребление политической информации запускает процессы саморефлексии и умственной обработки, которые необходимы для дальнейшего политического участия. Эти когнитивные процессы, в свою очередь, обычно стимулируются экспрессивным поведением и обсуждением других актуальных для человека тем, что способствует политическому обучению (Cho, Shah et. al., 2009). В связи с этим работа другой группы исследователей, посвященная использованию интернет-технологий в информационной деятельности, показывает, что поиск и распространение важных новостей косвенно влияет на политическое поведение пользователей за счет расширения их знаний об общественных делах, социальных проблемах и политических процессах (Jung, Kim, Gil de Zúñiga, 2011).

Британский исследователь Р. Пингри, изучавший формы и способы политической коммуникации, разработал модель воздействия сообщений как на отправителей, так и на получателей, которая организует и разрешает противоречия в прошлых исследованиях путем проведения различия между 3 эффектами: эффектом ожидания политического выражения, эффектом композиции сообщения и эффектом передачи сообщения другим. Вместе эти эффекты побуждают человека к критическому осмыслению публикуемой информации, изучению нового содержания, умственной проработке и приверженности высказанным мнениям (Pingree, 2007). На этом этапе социальные сети создают благоприятные условия с точки зрения затрат и масштабов для развития экспрессивного поведения. Однако

более поздние исследования демонстрируют положительное влияние использования социальных сетей на традиционное и протестное политическое поведение в оффлайн-пространстве (Gil de Zúñiga, Ardèvol-Abreu, Casero-Ripollés, 2019; Нигметов, 2021).

МЕТОДЫ И ПРОЦЕДУРА ИССЛЕДОВАНИЯ

Целью данного исследования является выявление уровня онлайн активности пользователей социальных сетей как реакция на последствия социально-политических процессов, которые произошли в Республике Казахстан в январе 2022 года. Задачами исследования являлись:

- проанализировать динамику данных, полученных из различных новостных источников по заданным маркерам;
- провести систематизацию сообщений по типам источников и типам авторов;
- выявить тональность упоминаемых персон и организаций;
- оценить вовлеченность аудитории в данные сообщения.

В рамках данной статьи автором были систематизированы и проанализированы данные, собранные ЦУР Астраханской области (центр управления регионом) из открытых источников и переданные для вторичного анализа. Первичный анализ собранных данных производился в программе Brand Analytics – сервис наблюдения и анализа СМИ, осуществляющий поиск упоминаний в них конкретного бренда, личности или события. Система собирает данные, анализирует контент, публикуемый в социальных сетях, видеохостингах, мессенджерах, маркетплейсах, блогах, печатных изданиях и федеральных каналах.

Запросы с учётом синтаксиса Brand Analytics осуществлялись по следующим маркерам:

- "Токаев","Президент Токаев"~0"Касым Жомарт Токаев"~0,"К. Токаев"~0,"Назарбаев","Нурсултан Назарбаев"~0,"Нурсултан Абишевич","Нурсултан Абишевич Назарбаев"~0,"Назарбаев Нурсултан Абишевич"~0,"Экс-министр"~0
- ("Январские","Январский","Мирные","Мирный","Начала года","Кровавый январь"~0)*("митинги", "Протесты", "Забастовки", "митинг","Забастовка","Протесты","События","трагические события"~0,"беспорядки","демонстрации")
- ("Операция","миротворческие силы"~0,"Миротворческая миссия"~0, "беспредел")*("ОДКБ","Организация Договора о коллективной безопасности"~0,"Ташкентский пакт"~0)*Казахстан
- ("Помощь","Поддержка")*"Казахстану",("Помощь","Поддержка")*(Казахстан Россия)
- "Отключение интернета"~0

- Казахстан ("Российское влияние"~0,"влияние России"~0,"Давление со стороны России"~0 ,"Контроль России")*Казахстан
- (Защита, опасность, безопасность, "национальный произвол"~0)*Казахстан
- ("Внутренний Фронт"~0,"фронт освобождения")*Казахстан
- "Транзит власти"~0 Казахстан

Выгрузка данных осуществлялась за период с 01.03.2022 по 01.04.2022 г. В процессе выгрузки было собрано 37392 сообщения, опубликованных авторами на территории Республики Казахстан и содержащих упоминания заданных маркеров (авторов – 10996, вовлеченность – 1533093, аудитория – 701985532). Языки публикации: арабский – 1, английский – 2, казахский – 19843, русский – 17546. Далее была произведена чистка «мусорных» данных, которые не имели отношения к задачам нашего исследования. В результате сортировки было выделено 19900 «чистых» данных, после анализа которых была получена следующая информация: текстовые упоминания, основные источники информации, источники трафика, авторы публикуемого контента, популярные сообщества, география публикаций, популярные слова, индекс вовлеченности, наиболее часто упоминаемые персоны.

Отдельные слова и словоформы были подвергнуты дополнительному контент-анализу с применением машинного метода анализа текста в системе PolyAnalyst с целью обобщения результатов анализа данных.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Первичный анализ сообщений показал, что ежедневное количество упоминаний, затрагивающих интересующие нас темы, в марте 2022 года варьировалось от 500 до 2600 сообщений. Наибольше количество упоминаний зафиксировано 02.03.2022 г. (1898 упоминаний), 14.03.2022 г. (2605 упоминаний) и 16.03.2022 г. (2258 упоминаний). Наиболее популярными источниками по количеству упоминаний являются: Facebook (10118), Instagram (5453), ВКонтакте (4369), Одноклассники (3080), Twitter (978) и Telegram (802) (см. рис. 1)[1]. Упоминания интересующих нас слов и словоформ в период с 01.03.2022 г. по 01.04.2022 г. содержаться в: блогах (8 упоминаний), видео (37 упоминаний), каналах в мессенджерах (250 упоминаний), чатах в мессенджерах (68 упоминаний), микроблогах (453 упоминаний), сайтах СМИ (6687 упоминаний), социальных сетях (12375 упоминаний) и форумах (20 упоминаний).

По виду источника были выделены совокупности из 436 аккаунтов официальных СМИ, 11287 личных профилей и 1460 сообществ, а также 6717 неофициальных новостных источников. Отметим, что подавляющее количество записей (19050) было опубликовано в вышеуказанный период на русском языке и лишь 835 записей – на казахском. И это не удивительно, ведь согласно А.А. Смаилову в Республике Казахстан русский язык является вторым по числу носителей в качестве родного языка и первым по общему числу владеющих

[1] Facebook (Meta Platforms), Instagram (Meta Platforms) и Twitter заблокированы на территории РФ

(Национальный состав…2011). К тому же, по мнению Г.Ж. Жамбаевой «русский язык в Республике Казахстан обладает высокой степенью престижности, обеспечивая всестороннюю коммуникацию во всех важных сферах жизни общества, успешно выполняя «неофициальную» функцию языка межнационального общения» (Жамбаева, 2020).

Помимо вышеуказанных параметров, данные были систематизированы согласно типу сообщения: посты в новостных источниках – 6687, посты в социальных сетях – 10041, репосты – 1305, комментарии – 891 и Stories в Instagram – 138. Показатель общей аудитории колеблется от 16 до 81 млн. человек, а ежедневная вовлеченность аудитории в данные сообщения составила 102 тысячи человек.

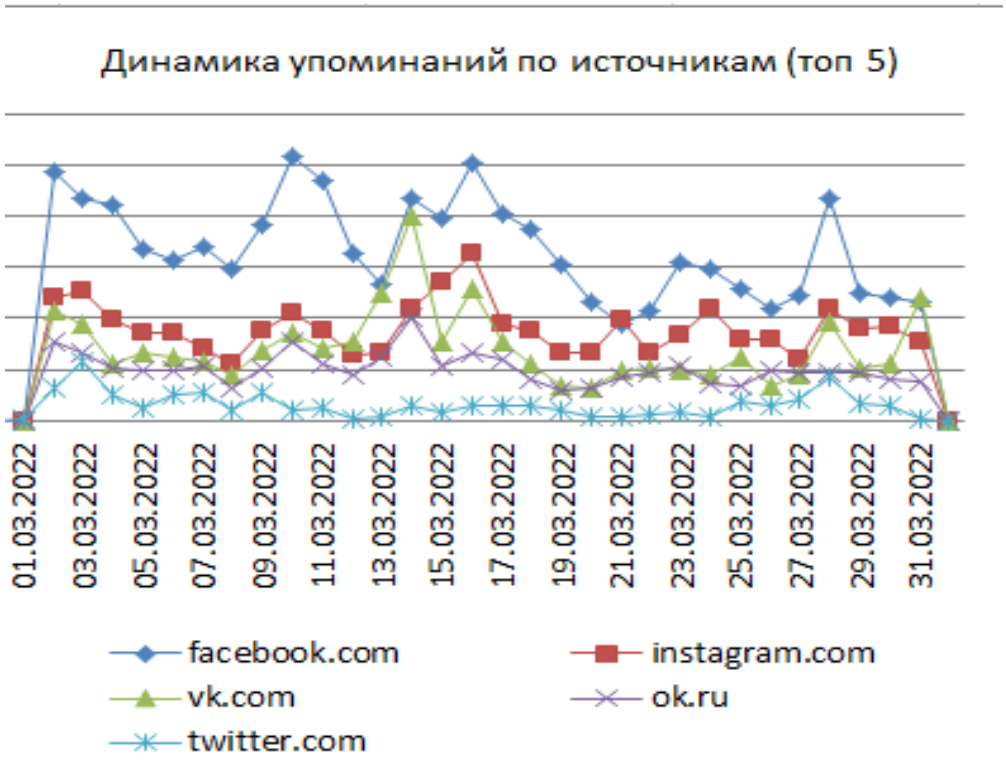

Рисунок 1. Динамика упоминаний по источникам

Исходя из рис.1 можно отметить тот факт, что на протяжении марта 2022 года основной сетевой площадкой, на которой публиковалось большинство информации, в той или иной степени, затрагивающей казахстанские события являлся Facebook. Это связано с тем, что в последнее время на территории Республики Казахстан Facebook занимает доминирующую позицию в области пересечения социальных медиа и новостных изданий. А по данным Statcounter Global Stats пятерку наиболее популярных социальных сетей, совокупно посещаемых с помощью мобильных телефонов в Республике Казахстан, возглавляет именно Facebook (18,87%) (Популярные мобильные…2022) (см. рис. 2).

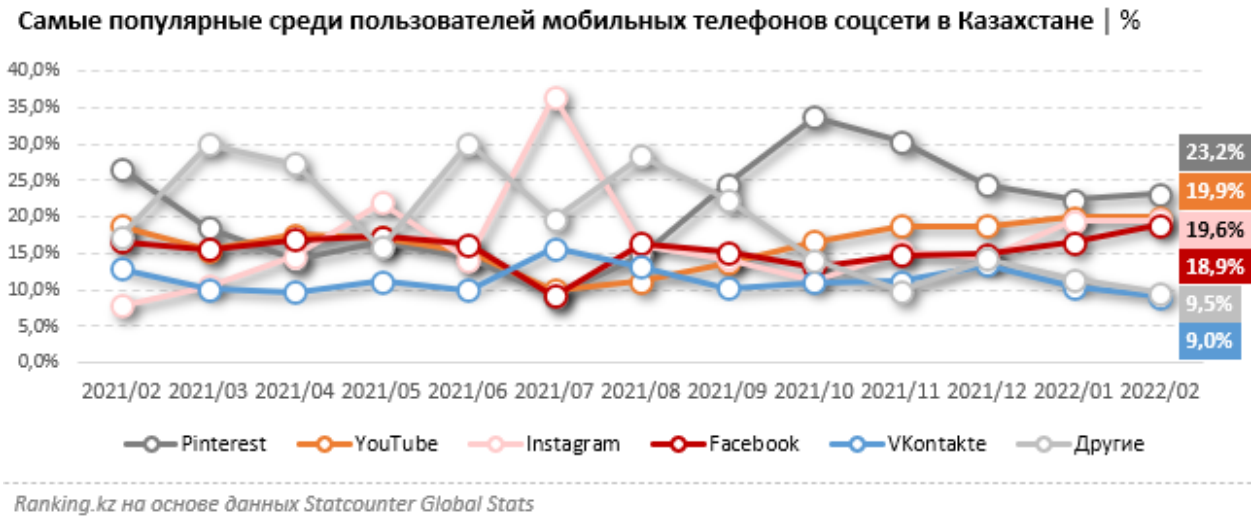

Рисунок 2. Популярные социальные сети для мобильных устройств в РК

В основном тональность проанализированных постов, сообщений и комментариев носит нейтральный характер, однако наблюдается незначительные процентные доли сообщений, носящие агрессивный (33 упоминания) и сильно агрессивный характер (100 упоминаний). По большей части упоминания такого характера встречаются в личных профилях социальной сети Facebook (73 упоминания агрессивные и 15 сильно агрессивные). К тому же, согласно гендерному распределению, мужчины чаще, чем женщины публиковали сообщения агрессивного содержания. Исследователь М.А. Рябов объясняет подобный разрыв архетипической социальной ролью «защитника» у мужчин (Рябов Боченкова, 2021). Похожие данные, затрагивающие агрессивность в сетевом общении мужчин и женщин, опубликованы в ноябрьском отчете Brand Analytics: «Мужчины в два раза чаще женщин публикуют контент с агрессивной лексикой — на их долю приходится 68% таких сообщений. При этом возрастные пики приходятся на 15, 21, 31-34 лет…» (Вебер, 2021).

Распределение сообщений по городам и регионам Республики Казахстан выглядит следующим образом (см. Табл. 1):

Таблица 1. География сообщений[2]

Город	**% сообщений**	**Регион**	**% сообщений**
Алма-Ата	28,87%	Алматы	29,95%
Нур-Султан	16,58%	Нур-султан	16,07%
Павлодар	5,75%	Карагандинская область	11,18%
Караганда	5,66%	Павлодарская область	6,46%
Петропавловск	3,42%	Восточно-Казахстанская область	5,78%

[2] Отчет по странам и городам представлен только по тем авторам, для которых есть данные по местоположению. Страна: 66.85% от всех авторов; город: 55.8%.

Костанай	3,38%	Костанайская область	4,45%
Усть-Каменогорск	2,98%	Северо-Казахстанская область	3,55%
Уральск	2,81%	Шымкент	3,51%
Атырау	2,78%	Алматинская область	3,37%
Другие	27,83%	Другие	15,68%

Гендерно-возрастной состав авторов сообщений, постов и комментариев представлен в следующей пропорции: мужчины – 48,17%, женщины – 51,83%; 55 лет и старше – 48,2%, 45-54 лет – 16,8%, 35-45 лет – 15,4%, 25-34 лет – 12,41%, 18-24 лет – 5,27%, младше 18 лет – 1,91%.

Количественный анализ полученных данных позволил выделить перечень персон, наиболее часто упоминаемых в массиве текстовых сообщений (см. Табл. 2).

Таблица 2. Наиболее часто упоминаемые персоны (топ-10)

№	персона	Количество упоминаний	% упоминаний
1.	**Касым-Жомарт Токаев** (Президент Республики Казахстан)	4812	26,22
2.	**Владимир Путин** (Президент Российской Федерации)	2886	15,72
3.	**Нурсултан Назарбаев** (бывший Президент Республики Казахстан)	900	4,91
4.	**Берик Асылов** (генеральный прокурор Республики Казахстан)	542	2,95
5.	**Иосиф Сталин** (бывший глава правительства СССР)	469	2,55
6.	**Карим Масимов** (Бывший председатель КНБ Республики Казахстан)	283	1,54
7.	**Любовь Панова** (бывшая ведущая радиостанции «Европа Плюс Казахстан»)	273	1,48
8.	**Кайрат Сатыбалды** (бизнесмен, племянник Н.А. Назарбаева)	268	1,46
9.	**Айман Умарова** (адвокат, руководитель общественной комиссии «Акикат»)	257	1,4
10.	**Мухтар Тлеуберди** (заместитель Премьер-Министра – министр иностранных дел Республики Казахстан)	230	1,25

В рамках данной статьи была дополнительно проанализирована тональность упоминаний 3-х наиболее популярных персон: Касым-Жомарт Токаев, Владимир Путин и Нурсултан Назарбаев, а также наиболее популярных организаций и объединений. Обработка результатов проводилась при помощи машинного метода анализа текста в системе PolyAnalyst. Сценарий анализа текста в системе выглядит следующим образом (см. рис. 3).

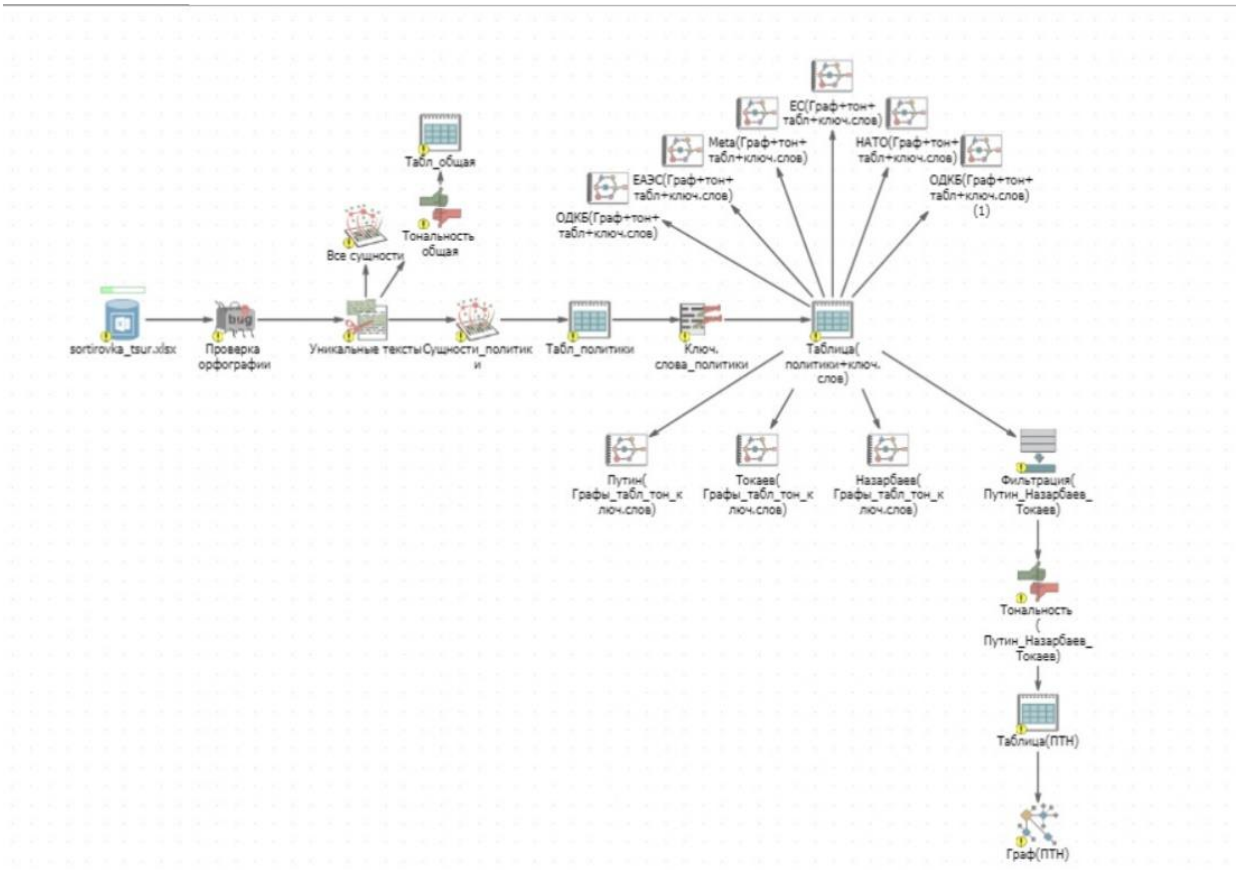

Рисунок 3. Дерево запросов PolyAnalyst

Как было показано выше, наиболее упоминаемой в анализируемых данных персоной является президент Республики Казахстан К-Ж. Токаев. Исходя из графа упоминаний (см. рис. 4) были установлены наибольшие взаимосвязи с маркерами: информационная война, правоохранительная система, восстановить, общественные советы, родственники президента и уголовные преступления.

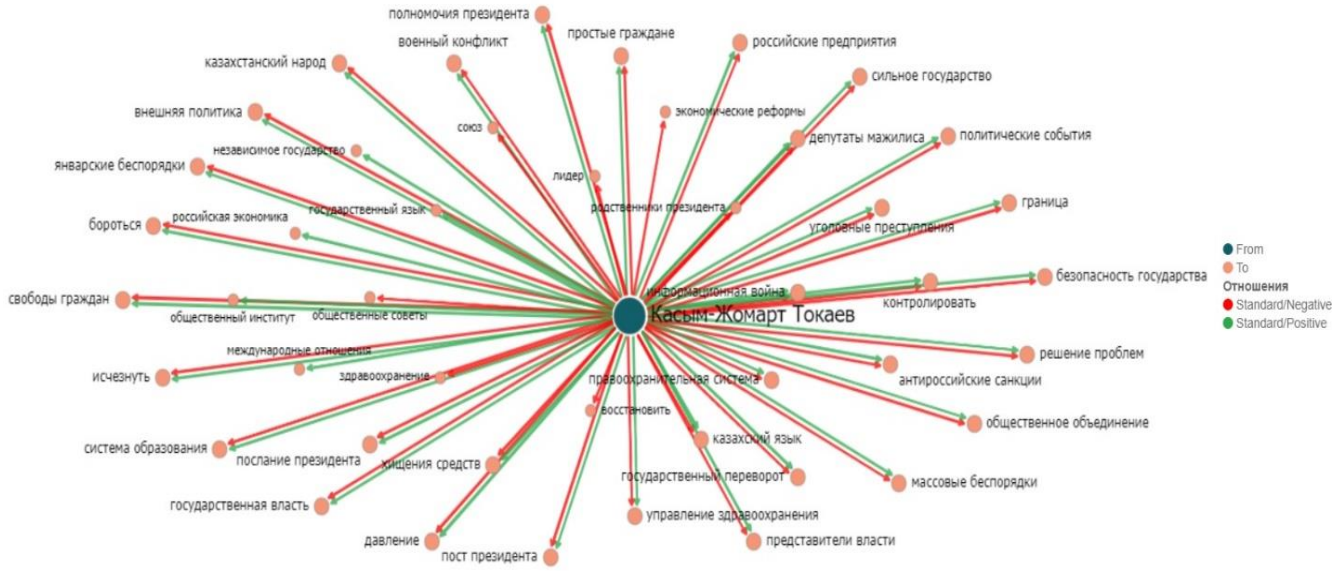

Рисунок 4. Граф упоминаний К-Ж. Токаев

На наш взгляд, вышеобозначенные маркеры можно связать с восстановлением конституционного порядка в РК (Президент Казахстана…web), возбуждением большого количества уголовных дел против активных участников протестов (В Казахстане после…web), в частности, ряда министров и родственников экс-президента республики Н.А. Назарбаева (В Казахстане радикально…web). Причем тональность упоминаний в данных сообщениях в одинаковой степени как негативная, так и позитивная.

Что же касается самого экс-президента Н.А. Назарбаева, то исходя из анализа графа (см. рис. 5.) наблюдается значительный перевес негативных маркеров: военный конфликт, будущие лидеры, казахстанский народ, президентская власть, государственное устройство, казахстанская элита, доверие граждан, миротворческие силы и др.. Можно предположить, что это связано с резким снижением авторитета Н. Назарбаева как в казахстанской элите и властных структурах, так и среди населения. На это может указывать, к примеру, отказ от упоминания первого президента РК в обновленной конституции, исключение из конституции статуса елбасы («лидер нации»), лишение первого президента республики большинства привилегий (Из проекта новой…) или лишение права на пожизненное председательство в совете безопасности и Ассамблеи народа Республики Казахстан (Назарбаев лишился…web).

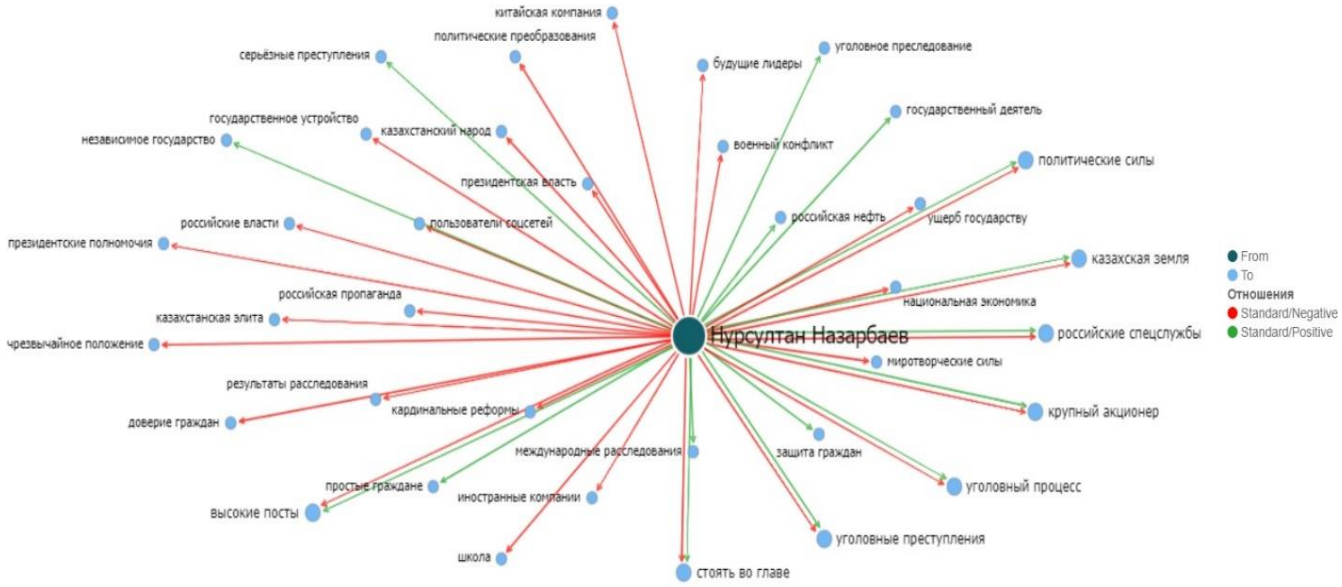

Рисунок 5. Граф упоминаний Н.А. Назарбаев

Третьей наиболее упоминаемой персоной стал президент РФ В.В. Путин. В нижепредставленном графе можно также наблюдать некоторое преобладание негативных маркеров (наиболее близкие: российская пропаганда, внешняя политика, продать, реализовывать, военная помощь, антироссийские санкции и вооруженные силы) (см. рис. 6).

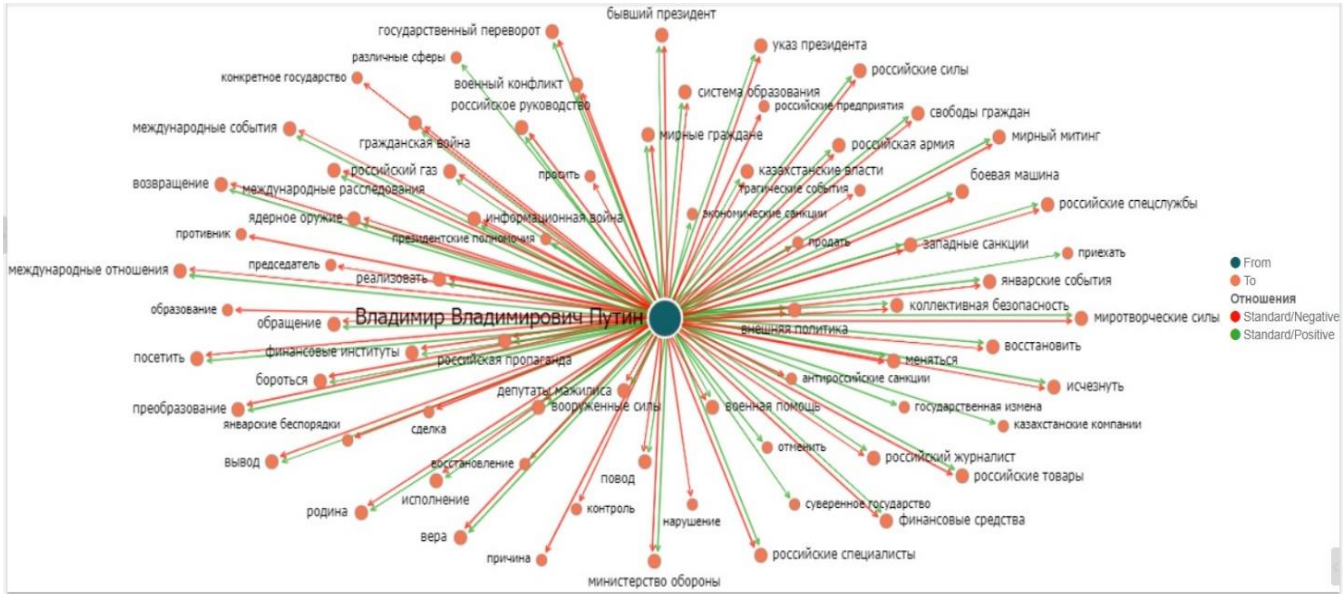

Рисунок 6. Граф упоминаний В.В. Путин

Частое упоминание данных маркеров, по мнению автора, связано со смещением выборки, а именно с преобладанием сообщений, посвященные действиям Вооруженных сил РФ, осуществляющих специальную военную операцию на территории Украины (данные получены за март 2022 года). Негативный окрас получили следующие маркеры: контроль, сделка, просить,

конкретное государство, январские беспорядки, нарушение, противник. Данные маркеры также могут выступать в качестве подтверждения неодобрительного отношения к действиям российских войск на территории Украины в лице, в данном случае, президента страны. Нижеуказанная гистограмма также показывает преобладание негативной тональности сообщений (см. рис. 7).

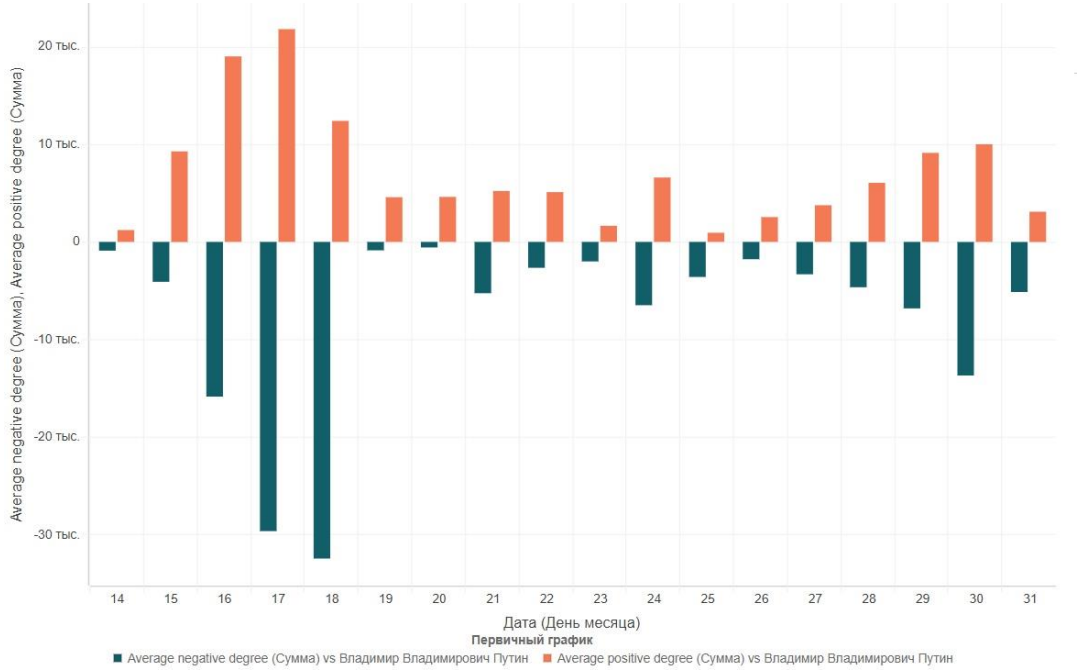

Рисунок 7. Тональность сообщений по дням (Маркеры: Путин, В. Путин, Владимир Путин)

Помимо частоты упоминания персон в рамках анализа данных также были выделены организации, союзы и объединения, которые чаще всего были упомянуты в сообщениях (См. Табл. 3)

Таблица 3. Популярные организации (топ-10)

№	организации	количество упоминаний	% упоминаний
1.	ОДКБ	1297	5,6
2.	Facebook	1045	4,51
3.	ЕАЭС	965	4,16
4.	Европейский Союз	961	4,15
5.	МИА Казинформ	925	3,99
6.	НАТО	792	3,42
7.	КНБ	780	3,36
8.	Мажилис	752	3,24
9.	Tengrinews.kz	731	3,15
10.	ООН	621	2,68

Отметим, что из 1297 упоминаний (в 1008 сообщениях) маркера «ОДКБ» 872 упоминания наблюдается в сообщениях с одобрительным отношением к их действиям на территории Республики Казахстан. Большинство упоминаний данного маркера содержится в сообщениях из личных профилей (566 упоминаний), а также в сообществах (40 упоминаний) и аккаунтах СМИ (14 упоминаний). Наиболее упоминаемыми маркерами, связанными с ОДКБ, являются: безопасность, обратиться, контроль, отношение, восстановить (см. рис. 8).

Рисунок 8. Граф упоминаний ОДКБ

Динамика тональности ежедневных сообщений с упоминанием маркера «ОДКБ» выглядит следующим образом (см. рис. 9)

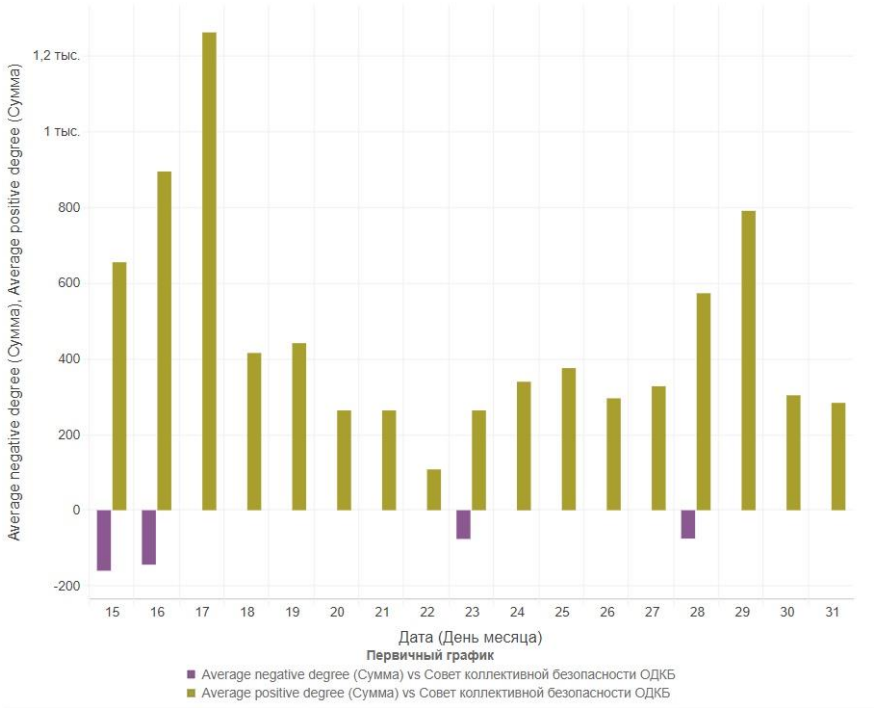

Рисунок 9. Тональность сообщений по дням (Маркеры: ОДКБ, Совет коллективной безопасности)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в рамках данной статьи была проанализирована онлайн-активность пользователей социальных сетей на последствия событий, произошедших в январе 2022 года на территории Республики Казахстан. Наиболее популярной социальной сетью, в которой опубликованы сообщения по заданным маркерам является Facebook, являющаяся на сегодняшний день лидером по посещаемости среди населения РК. Большинство сообщений наблюдается в личных профилях пользователей в практически равных пропорциях мужского (48,17%) и женского (51,83%) полов в возрасте от 55 лет и старше (48,2%). Более 97% текстовых материалов было опубликовано на русском языке.

В основном, тональность сообщений носит нейтральный характер, однако наблюдается незначительная доля сообщений агрессивного и сильно агрессивного характера. Основные источники трафика сообщений исходят из Алматы и Нур-Султана (29,95 и 16,07 процентов соответственно), являющихся одними из эпицентров январских событий. В тройку лидеров по количеству упоминаний вошли: Касым-Жомарт Токаев (26,22%), Владимир Путин (15,72%) и Нурсултан Назарбаев (4,91%). И это неудивительно. К.-Ж. Токаев, являясь одной из наиболее упоминаемых персон, сыграл ключевую роль как на всех этапах январских событий, так и принял активное участие в поддержании конституционной целостности страны.

Данные, полученные в ходе сентимент-анализа, показали снижение уровня положительного отношения к экс-президенту РК Н.А. Назарбаеву среди пользователей медиа-среды, упоминания которого носят зачастую негативный характер. Возможно, это связано с тем, что бывший президент быстро дистанцировался от всех январских событий, что подорвало доверие к нему со стороны населения и ослабило авторитет среди политической элиты республики. Подобных санкций также не избежали родственники и близкие соратники Н. Назарбаева, занимавшие высокие посты в различных государственных структурах. Например, бизнесмен Кайрат Сатыбалды (1,46% упоминаний), племянник экс-президента, который был задержан в марте 2022 года по делу о хищении средств АО «Казахтелеком» (Племянника Назарбаева…); был задержан бывший глава КНБ РК Карим Масимов (1,54% упоминаний) по подозрению в государственной измене, которые долгие годы входил в руководство страны при президенте Н. Назарбаеве (Экс-глава КНБ…); прекращены полномочия председателя правления АО "КазТрансОйл" Димаша Досанова и председателя правления АО "Национальная компания "QazaqGaz" Кайрата Шарипбаева, которые являются мужьями дочерей экс-президента (Два зятя Назарбаева…).

Преобладание сообщений негативной тональности с упоминаем Президента РФ В.В. Путина, на наш взгляд, связано со смещением выборки, а именно с преобладанием сообщений, посвященных действиям Вооруженных сил РФ, осуществляющих специальную военную операцию на территории Украины, что, в свою очередь, не позволило детально проанализировать отношение казахстанских

пользователей к президенту РФ в контексте январских событий 2022 года в Казахстане.

Что же касается отношения к войскам ОДКБ, введенных в РК для подавления массовых беспорядков, то стоит отметить, что тональность сообщений носит в подавляющем большинстве случаев позитивный окрас, что говорит об одобрении действий правительства РК по вводу миротворческого контингента, вопреки мнению ряда СМИ и блогеров, которые заявляли о насильственном введении российских войск в Казахстан, разрушении ее конституционной целостности и полной утерей Президентом Токаевым легитимности в глазах собственного народа.

Данный анализ демонстрирует тот факт, что темы, затрагивающие последствия январских событий, до сих пор являются одними из актуальных для обсуждения среди пользователей социальных сетей из Республики Казахстан.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

В Казахстане после беспорядков возбудили почти 500 уголовных дел. *Известия*. Получено из https://iz.ru/1276675/2022-01-13/v-kazakhstane-posle-besporiadkov-vozbudili-pochti-500-ugolovnykh-del

В Казахстане радикально зачистили клан Назарбаевых. *Newseum*. Получено из https://news.med2.ru/v-mire/v-kazahstane-radikalno-zachistili-klan-nazarbaevyh/full/

Вебер, В. (2021). Агрессивность в социальных медиа, ноябрь. *Brand Analytics*. Получено из https://br-analytics.ru/blog/social-aggressiveness-2021/

Генералова, Л.М. (2021). Протест в политической блогосфере: возможности и перспективы. *Заметки ученого*, *2-12*, 28-33.

Два зятя Назарбаева покинули руководящие посты в крупных нацкомпаниях. *Интерфакс*. Получено из https://www.interfax.ru/world/815607

Есиев, Э.Т. (2021). Интернет-технологии политической мобилизации в белорусских протестах на предвыборном этапе. *Вестник Московского государственного областного университета*, *2*, 23-37. https://doi.org/10.18384/2224-0209-2021-2-1067

Жамбаева, Г.Ж. (2020). Современные технологии обучения русскому языку. *Материалы II Республиканской научно-практической конференции «Теория и практика преподавания русского языка и литературы в образовательных учреждениях Республики Казахстан на современном этапе»*. Талдыкорган: ЖГУ им. И. Жансугурова, 158-162.

Из проекта новой Конституции Казахстана исключили упоминания о Назарбаеве. *РБК*. Получено из https://www.rbc.ru/politics/06/05/2022/62748a8b9a7947468eb29913

Назарбаев лишился права на пожизненное председательство в Совбезе. *РБК*. Получено из https://www.rbc.ru/politics/07/02/2022/6201011e9a79478292c57459

Нигметов, А.С. (2021). Социальные медиа в политический коммуникациях. *Коммуникология: электронный научный журнал*, *6*, *4*, 41-51.

Никифоров, А.А. (2014). Возможности и ограничения протестной мобилизации через социальные сети. *Право и политика*, *12*, 1903-1909. https://doi.org/10.7256/1811-9018.2014.12.13964

Племянника Назарбаева задержали по делу о хищениях средств «Казахтелекома». *РИА Новости*. Получено из https://ria.ru/20220313/kayrata-1777943419.html

Популярные мобильные соцсети в Казахстане. Февраль 2022. *ranking.kz.* Получено из http://ranking.kz/ru/a/reviews/populyarnye-mobilnye-socseti-v-kazahstane-fevral-2022

Президент Казахстана заявил восстановлении конституционного порядке в стране. *Известия*. Получено из https://iz.ru/1274874/2022-01-10/prezident-kazakhstana-zaiavil-o-vosstanovlenii-konstitutcionnogo-poriadka-v-strane

Расторгуев, С.В., Тян, Ю.С. (2021). Протестный экоактивизм в цифровой среде (на примере "красноярского кейса"). *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, *6*(166), 53-75. https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2017

Рябов, М.А., Боченкова, Н.А. (2021). Социальные аспекты анализа агрессивного сетевого поведения. *Вестник удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения*, *5, 2*, 170-178.

Смаилов, А.А. (2011). Национальный состав, владение языками, гражданство, вероисповедание. *Аналитический отчет. «Итоги Национальной переписи населения Республики Казахстан 2009 года».* Астана: Агентство Республики Казахстан по статистике, 20-24.

Федоров, А.П., Чернов, К.С. (2014). Использование социальных сетей в качестве инструмента политического манипулирования на примере организации массовых протестов в Северной Африке и выборов в республике Корея. *Вестник Бурятского государственного университета, 7*, 152-155.

Чарыкова, И.А. (2021). Выражение антипротестных настроений в бытовом дискурсе (на примере комментариев в социальной сети «Instagram»). *Политическая лингвистика*, *3*(87), 126-132. https://doi.org/10.26170/1999-2629_2021_03_12

Экс-глава КНБ Казахстана Масимов задержан по подозрению в госизмене. *Интерфакс*. Получено из https://www.interfax.ru/world/814296

Anduiza, E., Cristancho, C. & Sabucedo, J. (2014). Mobilization through online social networks: the political protest of the indignados in Spain. *Information, Communication & Society*, 17(6), 750-764. https://doi.org/10.1080/1369118X.2013.808360

Bode, L. & Dalrymple, K. (2016). Politics in 140 characters or less: Campaign communication, network interaction, and political participation on Twitter. *Journal of Political Marketing*, 15(4), 311-332. https://doi.org/10.1080/15377857.2014.959686

Boulianne, S. (2015). Social media use and participation: A meta-analysis of current research. *Information, Communication & Society, 18*(5), 524-538. https://doi.org/10.1080/1369118X.2015.1008542

Calenda, D. & Meijer, A. (2009). Young people, the Internet and political participation: findings of a web survey in Italy, Spain and The Netherlands. *Information, Communication & Society*, *12*(6), 879-898. https://doi.org/10.1080/13691180802158508

Cho, J., Shah, D., McLeod, J., McLeod, D., Scholl, R. & Gotlieb, M. (2009). Campaigns, reflection, and deliberation: Advancing an OSROR model of communication effects. *Communication Theory*, *19*(1), 66-88. https://doi.org/10.1111/j.1468-2885.2008.01333.x

Dalton, R. (2008). Citizenship norms and the expansion of political participation. *Political studies*, *56*(1), 76-98. https://doi.org/10.1111/j.1467-9248.2007.00718.x

Dubrow, J., Slomczynski, K. & Tomescu-Dubrow, I. (2008). Effects of democracy and inequality on soft political protest in Europe: exploring the European social survey data. *International Journal of Sociology*, *38*(3), 36-51. https://doi.org/10.2753/IJS0020-7659380302

Ekman, J. & Amnå, E. (2012). Political participation and civic engagement: Towards a new typology. *Human affairs*, *22*(3), 283-300. https://doi.org/10.2478/s13374-012-0024-1

Gil de Zúñiga, H., Ardèvol-Abreu, A. & Casero-Ripollés, A. (2019). WhatsApp political discussion, conventional participation and activism: exploring direct, indirect and generational effects. *Information, Communication & Society*, *24*(2), 201-218. https://doi.org/10.1080/1369118X.2019.1642933

Pew Research Center (2021). *How Americans tweet about the news*. Retrieved from https://www.pewresearch.org/fact-tank/2021/12/14/how-americans-tweet-about-the-news/

Ji, Y., Zhou, Y. & Kim, S. (2017). A moderated mediation model of political collective action in Hong Kong: examining the roles of social media consumption and social identity. *Asian Journal of Communication*, *27*(5), 497-516. https://doi.org/10.1080/01292986.2017.1336777

Jung, N., Kim, Y. & Gil de Zúñiga, H. (2011). The mediating role of knowledge and efficacy in the effects of communication on political participation. *Mass Communication and Society*, *14*(4), 407-430. https://doi.org/10.1080/15205436.2010.496135

Lee, S. (2019). Connecting social media use with gaps in knowledge and participation in a protest context: the case of candle light vigil in South Korea. *Asian Journal of Communication*, *29*(2), 111-127. https://doi.org/10.1080/01292986.2018.1549264

Lenzi, M., Vieno, A., Altoè, G., Scacchi, L., Perkins, D., Zukauskiene, R. & Santinello, M. (2015). Can Facebook informational use foster adolescent civic engagement? *American Journal of Community Psychology*, *55*(3-4), 444-454. https://doi.org/10.1007/s10464-015-9723-1

Micó, J.L & Casero-Ripollés, A. (2014). Political activism online: organization and media relations in the case of 15M in Spain. *Information, Communication & Society*, *17*(7), 858-871. https://doi.org/10.1080/1369118X.2013.830634

Norris, P., Walgrave, S. & Van Aelst, P. (2005). Who demonstrates? Antistate rebels, conventional participants, or everyone? *Comparative politics*, *37*(2), 189-205.

Pew Research Center (2014). *Cell Phones, Social Media and Campaign*. Retrieved from https://www.pewresearch.org/internet/2014/11/03/cell-phones-social-media-and-campaign-2014/

Pingree, R. (2007). How messages affect their senders: A more general model of message effects and implications for deliberation. *Communication Theory*, *17*(4), 439-461. https://doi.org/10.1111/j.1468-2885.2007.00306.x

Saud, M., Ida, R. & Mashud, M.I. (2020). Democratic practices and youth in political participation: a doctoral study. *International Journal of Adolescence and Youth*, *25*, 800–808. https://doi.org/10.1080/02673843.2020.1746676

Theocharis, Y., Lowe, W., Van Deth, J. & García-Albacete, G. (2015). Using Twitter to mobilize protest action: online mobilization patterns and action repertoires in the Occupy Wall Street, Indignados, and Aganaktismenoi movements. *Information, Communication & Society*, *18*(2), 202-220. https://doi.org/10.1080/1369118X.2014.948035

Для цитирования: Черничкин, Д.А. (2022). Анализ онлайн-активности пользователей социальных сетей как реакция на общественно-политические процессы в Республике Казахстан. *Caspium Securitatis: журнал каспийской безопасности*, *2*(1), 76-98.

DOI 10.54398/2713024X_2022_2_1_72

REFERENCES

In Kazakhstan, almost 500 criminal cases were opened after the riots. News. Retrieved from https://iz.ru/1276675/2022-01-13/v-kazakhstane-posle-besporiadkov-vozbudili-pochti-500-ugolovnykh-del (in Russian)

In Kazakhstan, the Nazarbayev clan was radically purged. Newseum. Retrieved from https://news.med2.ru/v-mire/v-kazahstane-radikalno-zachistili-klan-nazarbaevyh/full/ (in Russian)

Weber, W. (2021). *Aggression in social media, November. brand analytics*. Retrieved from https://br-analytics.ru/blog/social-aggressiveness-2021/ (in Russian)

Generalova, L.M. (2021). Protest in the political blogosphere: opportunities and prospects. *Notes of a scientist*, *2-12*, 28-33.

Nazarbayev's two sons-in-law left senior positions in large national companies. *Interfax*. Retrieved from https://www.interfax.ru/world/815607 (in Russian)

Esiev, E.T. (2021). Internet technologies of political mobilization in Belarusian protests at the pre-election stage. *Bulletin of the Moscow State Regional University*, *2*, 23-37. https://doi.org/10.18384/2224-0209-2021-2-1067 (in Russian)

Zhambaeva, G.Zh. (2020). Modern technologies for teaching the Russian language. *Materials of the II Republican scientific and practical conference "Theory and practice of teaching the Russian language and literature in educational institutions of the Republic of Kazakhstan at the present stage."* Taldykorgan: ZhSU im. I. Zhansugurova, 158-162. (in Russian)

References to Nazarbayev were excluded from the draft of the new Constitution of Kazakhstan. RBC. Retrieved from https://www.rbc.ru/politics/06/05/2022/62748a8b9a7947468eb29913 (in Russian)

Nazarbayev lost the right to life-long chairmanship in the Security Council. RBC. Retrieved from https://www.rbc.ru/politics/07/02/2022/6201011e9a7_9478292c57459 (in Russian)

Nigmetov, A.S. (2021). Social media in political communications. *Communicology: electronic scientific journal*, *6*, *4*, 41-51. (in Russian)

Nikiforov, A.A. (2014). Opportunities and limitations of protest mobilization through social networks. *Law and Politics*, *12*, 1903-1909. https://doi.org/10.7256/1811-9018.2014.12.13964 (in Russian)

Nazarbayev's nephew was detained in the case of embezzlement of funds from Kazakhtelecom. *RIA News*. Retrieved from https://ria.ru/20220313/kayrata-1777943419.html (in Russian)

Popular mobile social networks in Kazakhstan. February 2022. *ranking.kz*. Retrieved from http://ranking.kz/ru/a/reviews/populyarnye-mobilnye-socseti-v-kazahstane-fevral-2022 (in Russian)

The President of Kazakhstan announced the restoration of the constitutional order in the country. *News*. Retrieved from https://iz.ru/1274874/2022-01-10/prezident-kazakhstana-zaiavil-o-vosstanovlenii-konstitutcionnogo-poriadka-v-strane (in Russian)

Rastorguev, S.V. & Tian, Yu.S. (2021). Protest eco-activism in the digital environment (on the example of the "Krasnoyarsk case"). *Monitoring Public Opinion: Economic and Social Changes*, *6*(166), 53-75. https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2017 (in Russian)

Ryabov, M.A. & Bochenkova, N.A. (2021). Social aspects of the analysis of aggressive network behavior. *Bulletin of the Udmurt University. Sociology. Political science. International Relations*, *5*, *2*, 170-178. (in Russian)

Smailov, A.A. (2011). *National composition, language skills, citizenship, religion. Analytical report. "Results of the National Population Census of the Republic of Kazakhstan in 2009".* Astana: Agency of the Republic of Kazakhstan on Statistics, 20-24. (in Russian)

Fedorov, A.P. & Chernov, K.S. (2014). The use of social networks as a tool of political manipulation on the example of organizing mass protests in North Africa and elections in the Republic of Korea. *Bulletin of the Buryat State University*, *7*, 152-155. (in Russian)

Charykova, I.A. (2021). Expression of anti-protest sentiments in everyday discourse (on the example of comments on the Instagram social network). *Political Linguistics*, *3*(87), 126-132. https://doi.org/10.26170/1999-2629_2021_03_12 (in Russian)

Former head of the KNB of Kazakhstan Massimov detained on suspicion of treason. *Interfax*. Retrieved from https://www.interfax.ru/world/814296 (in Russian)

Anduiza, E., Cristancho, C. & Sabucedo, J. (2014). Mobilization through online social networks: the political protest of the indignados in Spain. *Information, Communication & Society*, *17*(6), 750-764. https://doi.org/10.1080/1369118X.2013.808360

Bode, L. & Dalrymple, K. (2016). Politics in 140 characters or less: Campaign communication, network interaction, and political participation on Twitter. *Journal of Political Marketing*, *15*(4), 311-332. https://doi.org/10.1080/15377857.2014.959686

Boulianne, S. (2015). Social media use and participation: A meta-analysis of current research. *Information, Communication & Society 18*(5), 524-538. https://doi.org/10.1080/1369118X.2015.1008542

Calenda, D. & Meijer, A. (2009). Young people, the Internet and political participation: findings of a web survey in Italy, Spain and The Netherlands. *Information, Communication & Society*, *12*(6), 879-898. https://doi.org/10.1080/13691180802158508

Cho, J., Shah, D., McLeod, J., McLeod, D., Scholl, R. & Gotlieb, M. (2009). Campaigns, reflection, and deliberation: Advancing an OSROR model of communication effects. *Communication Theory*, *19*(1), 66-88. https://doi.org/10.1111/j.1468-2885.2008.01333.x

Dalton, R. (2008). Citizenship norms and the expansion of political participation. *Political studies*, *56*(1), 76-98. https://doi.org/10.1111/j.1467-9248.2007.00718.x

Dubrow, J., Slomczynski, K. & Tomescu-Dubrow, I. (2008). Effects of democracy and inequality on soft political protest in Europe: exploring the European social survey data. *International Journal of Sociology*, *38*(3), 36-51. https://doi.org/10.2753/IJS0020-7659380302

Ekman, J. & Amnå, E. (2012). Political participation and civic engagement: Towards a new typology. *Human affairs*, *22*(3), 283-300. https://doi.org/10.2478/s13374-012-0024-1

Gil de Zúñiga, H., Ardèvol-Abreu, A. & Casero-Ripollés, A. (2019). WhatsApp political discussion, conventional participation and activism: exploring direct, indirect and generational effects. *Information, Communication & Society*, *24*(2), 201-218. https://doi.org/10.1080/1369118X.2019.1642933

Pew Research Center (2021). *How Americans tweet about the news*. Retrieved from https://www.pewresearch.org/fact-tank/2021/12/14/how-americans-tweet-about-the-news/

Ji, Y., Zhou, Y. & Kim, S. (2017). A moderated mediation model of political collective action in Hong Kong: examining the roles of social media consumption and social identity. *Asian Journal of Communication*, *27*(5), 497-516. https://doi.org/10.1080/01292986.2017.1336777

Jung, N., Kim, Y. & Gil de Zúñiga, H. (2011). The mediating role of knowledge and efficacy in the effects of communication on political participation. *Mass*

Communication and Society, *14*(4), 407-430. https://doi.org/10.1080/15205436.2010.496135

Lee, S. (2019). Connecting social media use with gaps in knowledge and participation in a protest context: the case of candle light vigil in South Korea. *Asian Journal of Communication*, *29*(2), 111-127. https://doi.org/10.1080/01292986.2018.1549264

Lenzi, M., Vieno, A., Altoè, G., Scacchi, L., Perkins, D., Zukauskiene, R. & Santinello, M. (2015). Can Facebook informational use foster adolescent civic engagement? *American Journal of Community Psychology*, *55*(3-4), 444-454. https://doi.org/10.1007/s10464- 015-9723-1

Micó, J.L & Casero-Ripollés, A. (2014). Political activism online: organization and media relations in the case of 15M in Spain. *Information, Communication & Society*, *17*(7), 858-871. https://doi.org/10.1080/1369118X.2013.830634

Norris, P., Walgrave, S. & Van Aelst, P. (2005). Who demonstrates? Antistate rebels, conventional participants, or everyone? *Comparative politics*, *37*(2), 189-205.

Pew Research Center (2014). *Cell Phones, Social Media and Campaign*. Retrieved from https://www.pewresearch.org/internet/2014/11/03/cell-phones-social-media-and-campaign-2014/

Pingree, R. (2007). How messages affect their senders: A more general model of message effects and implications for deliberation. *Communication Theory*, *17*(4), 439-461. https://doi.org/10.1111/j.1468-2885.2007.00306.x

Saud, M., Ida, R. & Mashud, M. I. (2020). Democratic practices and youth in political participation: a doctoral study. *International Journal of Adolescence and Youth*, *25*, 800–808. https://doi.org/10.1080/02673843.2020.1746676

Theocharis, Y., Lowe, W., Van Deth, J. & García-Albacete, G. (2015). Using Twitter to mobilize protest action: online mobilization patterns and action repertoires in the Occupy Wall Street, Indignados, and Aganaktismenoi movements. *Information, Communication & Society*, *18*(2), 202-220. https://doi.org/10.1080/1369118X.2014.948035

For citation: Chernichkin, D.A. (2022). Analysis of Online Activity of Social Networks Users as a Response to Social and Political Processes in the Republic of Kazakhstan. *Caspium Securitatis: Journal of Caspian Safety & Security*, *2*(1), 76-98.

DOI 10.54398/2713024X_2022_2_1_72

REFLECTION OF STUDENTS OF THE CASPIAN STATES ON THE KAZAKHSTAN UNREST IN JANUARY 2022 IN THE CONTEXT OF REGIONAL SECURITY

Alexander V. Grigoriev

Astrakhan Tatishchev State University, Russia, Astrakhan
E-mail: proeu@yandex.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-8228-7062

Lyubov A. Kholova

Astrakhan Tatishchev State University, Russia, Astrakhan
E-mail: lyubov.kholova@yandex.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-3322-6511

ABSTRACT

The article presents an analysis of data obtained as part of focus groups conducted in February-March 2022 with students from Kazakhstan, ethnic Kazakhs living in the Astrakhan region and studying at the Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev, Russian students in order to study students' reflection on the January 2022 unrest in Kazakhstan.

At the beginning of 2022, Kazakhstan was at the epicenter of geopolitical tension in the post-Soviet space. The discontent of the population in several regions of the republic was caused by the rapid rise in prices for liquefied gas. The article concludes with the authors' conclusions concerning the purpose of the primary study and the correlation with the data of the VTSIOM public opinion monitoring for January-February 2022. Focus groups were the primary stage of sociological research and require further research, including quantitative research to obtain representative information on the January unrest in Kazakhstan in 2022.

KEYWORDS

Kazakhstan; Russia; unrest; security; frontier region; post-Soviet space.

ACKNOWLEDGMENT

The study was carried out by a grant from the Russian Science Foundation No. 22-18-00301 «The process of constructing new identities in the Caspian macroregion in the context of societal security».

РЕФЛЕКСИЯ СТУДЕНТОВ ПРИКАСПИЙСКИХ ГОСУДАРСТВ НА ЯНВАРСКИЕ ПРОТЕСТЫ 2022 ГОДА В КАЗАХСТАНЕ В КОНТЕКСТЕ БЕЗОПАСНОСТИ РЕГИОНА

Григорьев Александр Владимирович

Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева,
Россия, Астрахань
E-mail: proeu@yandex.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-8228-7062

Холова Любовь Александровна

Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева,
Россия, Астрахань
E-mail: lyubov.kholova@yandex.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-3322-6511

АННОТАЦИЯ

В статье представлен анализ данных, полученных в рамках фокус-групп, проведенных в феврале-марте 2022 со студентами гражданами Казахстана, этническими казахами, проживающими на территории Астраханской области и обучающимися в Астраханском государственном университете имени В.Н. Татищева, российскими студентами с целью изучения рефлексии студентов на январские протесты 2022 года в Казахстане.

В начале 2022 г. Казахстан находился в эпицентре геополитического напряжения на постсоветском пространстве. Недовольство населения в нескольких областях республики было вызвано стремительным ростом цен на сжиженный газ. В заключении статьи приводятся выводы авторов, касающиеся цели проведенного первичного исследования, и корреляция с данными мониторинга общественного мнения ВЦИОМ за январь-февраль 2022 год. Проведение фокус-групп являлось первичным этапом социологического исследования и требует дальнейшего углубления в том числе, использования количественных социологических методов для получения репрезентативной информации по январским событиям в Казахстане 2022 года.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Казахстан; Россия; беспорядки; безопасность; приграничный регион; постсоветское пространство.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00301 «Процесс конструирования новых идентичностей в Каспийском макрорегионе в контексте социетальной безопасности».

ВВЕДЕНИЕ

В начале января 2022 года в одном из западных регионов республики Казахстан, Мангистауской области, начались стихийные беспорядки, которые к 4 января вылились в массовые и хорошо организованные митинги во многих крупных городах Казахстана. Недовольство населения было вызвано стремительным ростом цен на сжиженный газ. Самые масштабные акции протеста наблюдались в Актау и Алматы. Политические события января и их последствия несут определенные риски для российско-казахстанских отношений, накладывают отпечаток на социальное самочувствие не только жителей Казахстана, но и ближайших пограничных регионов, каким в том числе является и Астраханская область. Политические протесты уже сотрясали казахстанское общество в 1986 году, и протестные настроения в бывшей советской республике в настоящее время являются объектом изучения политологов и специалистов в области национальной безопасности (Смагулов, 2016; Нурлигенова, 2020; Сунь Вэньсянь, 2021). Внешняя политика стран в текущей мировой политической обстановке направлена на стратегическую безопасность, для обеспечения которой требуется своевременное реагирование на угрозы и вызовы.

Акции протеста в Казахстане и иные проявления социально-политической нестабильности в начале 2022 года стали предметом большого интереса среди жителей Казахстана независимо от их национальности и местонахождения, чему способствовало освещение событий как в официальных информационных источниках, так и интернет-блогах и страницах. Казахстан находился в эпицентре геополитического напряжения как с точки зрения внутренней, так и внешней политики.

В этой связи очень важно своевременно понимать отношение молодежи в социально-политической ситуации в обеих странах-соседях по региону - России и Казахстане.

Для получения данных о рефлексии студентов прикаспийских государств в контексте безопасности Астраханского региона как приграничного был использован метод группового фокусированного интервью (focus-group).

МЕТОДЫ И ПРОЦЕДУРА ИССЛЕДОВАНИЯ

Фокус-группа как методика сбора данных была выбрана как наиболее эффективное средство для достижения цели исследования. Метод был использован исследователями для определения особенности рефлексии и формирования ощущения безопасности после произошедших январских событий 2022 года в Казахстане. В ходе дискуссий каждый участник не только высказал свою точку зрения по представленным вопросам и блокам разработанного топик-гайда, но и был открытым для дискуссии с остальными участниками.

Целевая группа (аудитория). В соответствии с порядком проведения, рекрутмент участников проводился в соответствии с принципом гомогенности

(однородности): все участники фокус-группы соответствовали приблизительно одинаковым параметрам. Всего в каждой дискуссии приняли участие по 6 человек, обладающие следующими характеристиками: возраст: 18-25 лет; пол: женский и мужской (с преобладанием женского), территория проживания: Казахстан или Россия. К фокус-группам были привлечены казахские граждане, приехавшие в Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева для обучения; этнические казахи, родившиеся на территории РФ; граждане Казахстана не казахской национальности; российские студенты, обучающиеся в АГУ.

Никто из участников фокус-групп не подвергался аналогичному опросу в течение последнего года, что исключило спонтанные помехи и нефункциональное поведение участников дискуссии. Ход проведения фокус-группы фиксировался в форме видео- и аудио-записи.

Аудитория для дискуссии формировалась из представителей студенчества. Данная социальная группа является наиболее гибкой и восприимчивой к политическим, социальным и культурным изменениям. Кроме того, представители студенчества непроизвольно выполняют функции носителей мнения, в повседневной жизни активно пользуются социальными сетями и мессенджерами, а также в неформальном разговоре способны ретранслировать информацию по конкретным региональным и мировым событиям.

Для ведения дискуссии был разработан топик-гайд (план дискуссии).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Согласно анализу проведенных фокус-групп было установлено, что все респонденты использовали два основных канала получения информации о происходящих событиях в Казахстане: интернет-журналистику и блогосферу (блоги, онлайн-каналы в социальных сетях и мессенджерах). С особым доверием студенты относились к информации, полученной от родственников и знакомых. В условиях перебоев со средствами коммуникации, а именно сотовой связью и доступом к сети Интернет, непосредственные контакты с людьми, находившимися на затронутой конфликтами территории, были особенно ценны для участников исследования. Граждане Казахстана и этнические казахи отмечали среди источников информации казахстанские СМИ, блоги и официальные интернет-ресурсы Казахстана: телеканал «ТКТ», «Tengrinews.kz», «inAktau.kz», «Хабар 24», «Лада.kz». Среди информантов-жителей России интерес к ситуации неодинаковый: начиная от полного безразличия и отсутствия информации, заканчивая хорошей информированностью о произошедшем. Интерес информантов зависит в случае с группой казахских студентов – от силы идентификации опрошенного с Казахстаном; в случае со студентами иных национальностей – от интереса к политическим событиям в целом. Среди источников информации для российских студентов, кроме упомянутых выше социальных сетей можно отметить телевидение, а также информационные порталы такие как «Интерфакс», «РИА Новости», «Lenta.ru» и другие. Респонденты отметили блоги в социальных сетях

Tik Tok, Instagram (*признана экстремистской и запрещена на территории РФ с 21.03.2022 г.)* и мессенджере Telegram, видео-хостинг YouTube. Респонденты отмечали, что блогеры не всегда являются источником объективной информации, так как чаще всего «*выражают свое личное мнение, которое не совпадает с моим*», но при этом «*блогеры говорят, объясняют простым языком*», поэтому респонденты прибегают к множеству источников, предпочитая видео-формат: «*видео – самый правдоподобный формат», «принцип «пока сам не увижу – не поверю».* Просматривая новостные ленты в интернете или видео-сюжеты на телевидении молодое поколение казахских и российских граждан формирует не только определенное представление о происходящих событиях в январе 2022 года, но и о стране их рождения и местонахождения, что влияет на чувство национальной принадлежности и, соответственно, на процесс конструирования идентичности.

Одно из заданий, предусмотренных разработанным топик-гайдом, было охарактеризовать произошедшие январские события кратко, одним словом. В итоге был получен ассоциативный ряд с негативной эмоциональной окраской: «*терроризм; бунт; переворот; протесты; бардак; беспорядки; хаос*». Преобладающими эмоциями среди информантов стали страх за родственников, растерянность, тревожность. Тревожность была особенно характерна для жителей Казахстана, имеющих в республике родственников, друзей. Многие из них переживали за своих родственников и близких, опасались развития мародерства и бандитизма, дальнейшей дестабилизации жизни в стране. Находясь в контакте с друзьями, проживающими на исторической родине, социальные сети и прочие сервисы предоставляют возможность следить за социальным медиа-контентом, связанным с их исторической родиной, а также усилить эмоциональную и культурную связь с родной страной (Жир-Лебедь, 2022).

Ситуация в целом была признана данными информантами как угроза мирной жизни в Казахстане, хотя в то же время наблюдалось понимание целей участников протеста и даже некоторая солидарность с ними, что подтвердилось в дальнейшем. Несмотря на то, что дестабилизация косвенно или напрямую затронула почти всех информантов-жителей Казахстана, их родственников и знакомых, они не отметили изменений во взаимоотношениях внутри локальных сообществ, по их словам, не проявилось каких-либо разделов в обществе на фоне отношения к произошедшему.

Говоря об информантах казахской национальности, ситуация ими воспринималась в зависимости от тесноты связи с Казахстаном, наличия там родственников, общим интересом к событиям внутри этой страны: *«я целый день следил за новостями»; «это моя историческая Родина, мне было интересно»*. В то же время, говоря об отношениях внутри локального казахского сообщества, информанты не отметили какого-то значительного влияния анализируемых событий на межличностные отношения. По их словам, взаимоотношения внутри казахского землячества на территории Астраханской области находятся под воздействием намного более сильных факторов, прежде всего элементов этнической идентичности: знание родного языка, религиозная принадлежность,

соблюдения казахских традиций и других, поэтому произошедшие события и отношение к ним не оказали значительного влияния на коммуникацию внутри сообщества.

Спектр мнений студентов-жителей Казахстана относительно причин данных событий достаточно разнообразен. В качестве основной причины было названо резкое подорожание цен на газ, что вызвало недовольство казахстанцев. Кроме того, высказывались мнения о том, что данная ситуация была «*последней каплей терпения жителей Казахстана*», уставших от коррупции, кумовства и клановости власти в Казахстане. Также высказывались мнения о том, что беспорядки начинались просто как мирные акции протеста, а впоследствии они были использованы как инструмент борьбы с кланом Назарбаевых: *«причина кумовство из-за Назарбаева»; «родственники Назарбаева у власти»; «сдвиг политических сил, конфликт Токаева и Назарбаева»*. Мнения российских студентов менее артикулированы, некоторые информанты затруднялись назвать причины анализируемых событий. Большинство из тех, кто высказался по этому вопросу полагают, что причиной стало недовольство местных граждан повышением цены на газ в Казахстане.

У студентов из Казахстана и этнических казахов, являющихся гражданами России, мы уточнили вопрос о том, каково в настоящий момент влияние жузов в Казахстане и насколько жузовая принадлежность могла стать фактором конфликта. Вопрос добавлен на основе данных о том, что традиционные структуры общества — жузы и кланы — всегда определяли характер социального развития и влияли на политическое устройство Казахстана и во время СССР, и на современном этапе (Осинина, 2021). В то же время изменение геополитического контура в регионе во второй половине XIX в. и в конце XX в. сыграло особую роль в динамике и векторе общественно-политического процесса. Было зафиксировано единогласное мнение респондентов о том, что принадлежность к жузам в настоящий момент не оказывает практически никакого влияния в Казахстане, никто из информантов не смог привести пример такого влияния: *«это что-то из уроков истории»; «для нас нет никакой разницы», «употребляют (термин) в дальних районах, деревнях»*. Были высказаны единичные предположения о том, что для старшего поколения казахстанцев этот фактор может иметь определенное значение, молодежь же не обращает на это никакого внимания. Данное положение значительно отличается от данных отечественных и зарубежных исследователей и политологов (Комкова, 2018; Виноградов, 2020; Шакеева, 2020; Илебаева, Батанова, 2021).

В дальнейшем респондентам было предложено высказаться о том, как они оценивают роль России в произошедших событиях. Стоит отметить, что в целом прозвучали положительные и нейтральные оценки деятельности российской стороны (вместе с тем необходимо указать на то, что к данным оценкам стоит относиться с осторожностью, так как в условиях отсутствия анонимности ответов они могут приобретать общественно одобряемую и политкорректную направленность). Среди информантов-жителей Казахстана оценки поделились

примерно поровну: Россия была названа, с одной стороны, помощником Казахстана в борьбе с нестабильностью, так как в трудные минуты пришла на помощь, но с другой стороны прозвучали и осторожные оценки, в том числе относительно ввода войск ОДКБ, которые ассоциируются с проводниками российского влияния: *«Россия выступила в роли «спасателя» и «миротворца»; «Мы помогли, стабилизировали; сыграли миротворческую роль».* По мнению некоторых информантов необходимости, в воде войск не было, так как страна могла, и сама справиться с произошедшим, в то же время ввод иностранных войск на территорию страны всегда сопряжен с определенными геополитическими рисками, ненужными Казахстану: *«не надо вмешиваться, свои проблемы страна должна сама решать»; «России нужно избежать статуса «Жандарма Европы»*.

Такое же разделение мнений характерно и по вопросу необходимости внешнего гаранта стабильности в стране. Ряд участников исследования полагает, что по тем же причинам Казахстану лучше сохранять нейтралитет и не обращаться за гарантиями безопасности, с другой стороны, прозвучали мнения о том, что международная и некоторая внутренняя нестабильность обуславливают необходимость наличия гаранта безопасности, коим может выступить как Россия, так и международные организации (например, то же ОДКБ).

Мнения российских информантов так же различались. Некоторые из них считали, что России необходимо было вмешаться в ситуацию, чтобы предотвратить распространение нестабильности, тем более что поступил такой запрос, и, если бы не вмешалась Россия, ее место бы заняли другие. С другой стороны, не все информанты были согласны с этим: прозвучали мнения о том, что Россия слишком много ресурсов тратит на активную внешнюю политику, при этом практически ничего не получая взамен и остается без гарантий того, что ей самой будет оказана помощь при необходимости.

Впоследствии информантам был задан вопрос о том, представляла ли данная ситуация опасность для Астраханской области и могла ли она распространиться на территорию РФ. Абсолютное большинство участников всех фокус-групп высказалось о том, что такая вероятность отсутствовала. По их мнению, даже если бы у участников беспорядков появились бы мысли каким-то образом попытаться дестабилизировать ситуацию в Астраханской области, они были бы остановлены пограничниками. Рефлексия личной безопасности влияет на количественные и качественные особенности взаимодействия субъектов конфликта, а значит накладывает отпечаток на межэтническое взаимодействие и на уровне повседневного общения, категоризацию «Свой-Чужой».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Безопасность Астраханской области как приграничного региона, а также Каспийского макрорегиона в целом, зависят от происходящих геополитических процессов и социокультурных трансформаций соседствующих стран и регионов. Новые социальные вызовы, возникшие в результате беспорядков в Казахстане в

2022 году, оказали влияние на социальное самочувствие проживающих в регионе не только граждан Казахстана, но и россиян.

Результаты исследования, полученные после анализа фокус-групп с российскими гражданами, сопрягаются с мониторингом общественного мнения, проводимого ВЦИОМ (ВЦИОМ, 2022). В качестве основного метода опроса общественного мнения использовалось телефонное интервью по стратифицированной двухосновной случайной выборке стационарных и мобильных номеров объемом 1600 респондентов в возрасте от 18 лет. Респонденты ВЦИОМ также характеризовали январские события в Казахстане «как бунт на фоне повышения цен на газ (26%), государственный переворот (17%), безобразие и беспредел (10%), беспорядки и мародерство (8 %), атаку террористов и гражданскую войну (по 7 % соответственно)». Большинство российских граждан (42%) по данным мониторинга общественного мнения следили, не вникая в детали. Приграничные регионы как буферные зоны, находящиеся между экономическими, политическими и культурными границами, имеют свои особенности, актуальные для изучения в контексте модернизации российского общества, необходимости разработки дифференцированного подхода в регулировании регионального развития и возможной региональное интеграции (Омельченко, Максимова, Ноянзина, 2021).

В заключительной части разработанного гайда интервью были предусмотрены вопросы информантам о том, какова по мнению участников исследования вероятность повторения данных событий и что необходимо предпринять для предотвращения дестабилизации ситуации в будущем. Относительно данного вопроса мнения разделились: часть информантов высказалась, что власти извлекли из произошедшего урок и предпримут действия, необходимые для снижения уровня протестных настроений в будущем; другие участники интервью отмечали, что недовольные ситуацией в стране будут всегда, и, если сложится аналогичная ситуация, протесты вполне возможны, хотя и не в ближайшее время. Говоря о «рецептах» предотвращения дестабилизации в казахстанском обществе, молодежь высказала мнение, что необходимо прежде всего решать проблему с коррупцией и кумовством в стране, так как именно это часто становится триггером протестной активности. Кроме того, необходимо повышение уровня жизни населения, и, конечно же, более продуманная политика в области ценообразования таких социально сенситивных ресурсов как тарифы ЖКХ. Респонденты единодушно отметили, что беспорядки в Казахстане не являются социокультурным риском и угрозой непосредственно для жителей Астраханского региона, определяя протесты проблемой исключительно внутренней политики Казахстана: *«Казахстан рядом, но это внутриполитический конфликт, опасности не чувствовала»; «Ситуация не угрожала ни области, ни стране»; «Каждая страна должна сама решать. Это их проблемы»; «Нам это не угрожало, у нас хорошая армия, мы бы загасили огонь»; «Опасность для населения Астраханской области низкая, но экономически это опасно, так как есть риски и последствия»*.

Следует отметить, что определение влияния социокультурных рисков может по-разному восприниматься различными социальными, в том числе возрастными, группами, следовательно, для получения более объективной оценки необходимо в дальнейшем произвести социологические исследования с другими возрастными группами (Сапрыка, Кулакова, 2022). Так, с возрастом респондентов повышается уровень консервативности в анализе морально-нравственного кризиса, а, следовательно, оценка уровня угрозы для Астраханского региона в контексте событий января 2022 года в Казахстане может быть выше.

Респонденты в своих ответах подчеркивают, что беспорядки являются следствием наличия ряда нерешенных социально-экономических проблем и, с другой стороны, фиксируют недостаточную эффективность власти в коммуникации с обществом. В качестве реакции на внутренние сложности, президентом республики Казахстан Касым-Жомарт Токаевым реализуется концепция «слышащего государства», начаты и проводятся ряд реформ в сфере либерализации политической жизни (Баймаханова, Ибраева, 2021), что должно снизить уровень протестных настроений в Казахстане. Следовательно, возрастает роль медиа, как инструмента для распространения информации, так и для реализации политической активности граждан с превалирующим форматом видео-контента, который оценивается обывателями как один из объективных. Промежуточные итоги и социокультурные последствия январских событий в Казахстане продолжают изучаться отечественными и зарубежными исследователями, которые подчеркивают важность реакции на вызов и угрозу внутренней и внешней безопасности (Дмитриева М. О., Давыдов З. В., 2022). В дальнейшем следует применять комплексный подход в изучении причин, факторов, влияющих на безопасность и социальное самочувствие жителей приграничного региона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Баймаханова, Д.М., Ибраева, А.С., Есетова, С.К., Конарбаева, М.М. (2021). Понятие и принципы слышащего государства, соотношение с демократическим, правовым, социальным государством. *Образование и право*, *6*, 87-99. https://doi.org/10.24412/2076-1503-2021-6-87-99

Виноградов, В.В. (2020). Казахстан как часть постсоветского пространства: особенности электорального процесса. *Евразийский Союз: вопросы международных отношений*, *9*, *3*(33), 166-180. https://doi.org/10.35775/PSI.2020.33.3.002

Дмитриева, М.О., Давыдов, З.В. (2022). Кризис в Казахстане: предварительные итоги, анализ причин, реакции зарубежных партнеров. *Известия Восточного института*, *1* (53), 112-122.

Жир-Лебедь, М.И. (2022). Русские Казахстана и их национальная принадлежность: как связаны гражданское самосознание и социальные медиа? *Вестник*

Казахского национального женского педагогического университета, *1*, 6-16. https://doi.org/10.52512/2306-5079-2022-89-1-6-16

Илебаева, А.К., Батанова М.К. (2021). Кланы современной Центральной Азии. *Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета*. *21*, *11*, 147-151.

Комкова, С.С. (2018). Политические элиты в государствах Центральной Азии: общие черты и коренные различия. *Архонт*, *2*(5), 90-97.

Мониторинг мнений (ВЦИОМ): январь-февраль 2022. (2022). *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, *1*, 102-115.

Морозов, Ю.В. (2022). Внутренние и внешние факторы событий в Казахстане в начале 2022 года и возможные стратегии Запада и России в республике. *Восточная Азия: факты и аналитика*, *1*, 6-16. https://doi.org/10.24412/2686-7702-2022-1-6-16

Нурлигенова, З.Н., Кузьмицкая, Л.К. (2020). Декабрьские события 1986 года в Алма-АТЕ: причины и последствия. *Научные перспективы XXI века: Материалы Международной (заочной) научно-практической конференции, Прага, 19 мая 2020 года / под общей редакцией А.И. Вострецова.* Нефтекамск: Научно-издательский центр "Мир науки" (ИП Вострецов Александр Ильич), 98-101.

Омельченко, Д.А., Максимова, С.Г., Ноянзина, О.Е. (2021). Социальная безопасность региональных социумов российского приграничья: индивидуальные и институциональные факторы. *Society and Security Insights*. *4*, *3*, 13-37.

Осинина, Д.Д. (2021). Элитные группы Республики Казахстан и особенности принятия стратегических политических и экономических решений в транзитный период. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 11*(5), 101-105. https://doi.org/10.26794/2226-7867-2021-11-5-101-105

Сапрыка, В.А., Кулакова, Н.И., Солоха, В.В., Олейник, С.А. (2022). Социокультурные риски и угрозы для развития приграничных регионов. *Власть*, *30*, *1*, 92-98, https://doi.org/110.31171/vlast.v30i1.8787

Смагулов, К., Насимова, Г. (2016) Анализ протестных настроений в западных областях Казахстана. *Центральная Азия и Кавказ*, *19*, *3*, 42-51.

Сунь Вэньсянь, С.В. (2021). Декабрьские события 1986 года в Алма-АТЕ: причины и последствия. *Вопросы политологии*, 11, 4(68), 1282-1292. https://doi.org/10.35775/PSI.2021.68.4.037

Шакеева, Б., Шайкемелев, М., Айтымбетов, Н. (2020). Родовые отношения в Казахстане: Возрождающаяся традиция или социальный инструмент? *Центральная Азия и Кавказ*, *23*, *4*, 36-45. https://doi.org/10.37178/ca-c.20.4.04

Для цитирования: Григорьев, А.В., Холова, Л.А., (2022). Рефлексия студентов прикаспийских государств на январские протесты 2022 года в Казахстане в

контексте безопасности региона. *Caspium Securitatis: журнал каспийской безопасности*, *2*(1), 99-110.

DOI 10.54398/2713024X_2022_2_1_94

REFERENCES

Baimakhanova, D.M., Ibraeva, A.S., Esetova, S.K. & Konarbaeva, M.M. (2021). The concept and principles of a listening state, the relationship with a democratic, legal, social state. *Education and Law, 6*, 87-99. https://doi.org/10.24412/2076-1503-2021-6-87-99

Vinogradov, V.V. (2020). Kazakhstan as part of the post-Soviet space: features of the electoral process. *Eurasian Union: Issues of International Relations, 9, 3*(33), 166-180. https://doi.org/10.35775/PSI.2020.33.3.002

Dmitrieva, M.O. & Davydov, Z.V. (2022). Crisis in Kazakhstan: preliminary results, analysis of causes, reactions of foreign partners. *News of the Eastern Institute, 1* (53), 112-122.

Zhir-Lebed, M.I. (2022). Russians of Kazakhstan and their national identity: how are civic consciousness and social media related? *Bulletin of the Kazakh National Women's Pedagogical University, 1*, 6-16. https://doi.org/10.52512/2306-5079-2022-89-1-6-16

Ilebaeva, A.K. & Batanova M.K. (2021). Clans of modern Central Asia. *Bulletin of the Kyrgyz-Russian Slavic University. 21, 11*, 147-151.

Komkova, S.S. (2018). Political elites in the states of Central Asia: common features and fundamental differences. *Archon, 2*(5), 90-97.

Opinion monitoring (VTsIOM): January-February 2022. (2022). *Monitoring Public Opinion: Economic and Social Change, 1*, 102-115.

Morozov, Yu.V. (2022). Internal and external factors of events in Kazakhstan at the beginning of 2022 and possible strategies of the West and Russia in the republic. *East Asia: facts and analytics, 1*, 6-16. https://doi.org/10.24412/2686-7702-2022-1-6-16

Nurligenova, Z.N. & Kuzmitskaya, L.K. (2020). December events of 1986 in Alma-ATA: causes and consequences. *Scientific prospects of the XXI century: Materials of the International (correspondence) scientific and practical conference, Prague, May 19, 2020 / under the general editorship of A.I. Vostretsova*. Neftekamsk: Scientific Publishing Center "World of Science" (IP Vostretsov Alexander Ilyich), 98-101.

Omelchenko, D.A., Maksimova, S.G. & Noyanzina, O.E. (2021). Social security of regional societies of the Russian borderland: individual and institutional factors. *Society and Security Insights. 4, 3*, 13-37.

Osinina, D.D. (2021). Elite groups of the Republic of Kazakhstan and features of making strategic political and economic decisions during the transit period. *Humanitarian*

sciences. Bulletin of the Financial University. 11(5), 101-105. https://doi.org/10.26794/2226-7867-2021-11-5-101 -105

Sapryka, V.A., Kulakova, N.I., Solokha, V.V. & Oleinik, S.A. (2022). Sociocultural risks and threats to the development of border regions. *Power, 30, 1*, 92-98, https://doi.org/110.31171/vlast.v30i1.8787

Smagulov, K. & Nasimova, G. (2016) Analysis of protest sentiments in the western regions of Kazakhstan. *Central Asia and the Caucasus, 19, 3*, 42-51.

Sun Wenxian, S.V. (2021). December events of 1986 in Alma-ATA: causes and consequences. *Issues in Political Science, 11, 4*(68), 1282-1292. https://doi.org/10.35 775/PSI.2021.68.4.037

Shakeeva, B., Shaikemelev, M. & Aytymbetov, N. (2020). Tribal relations in Kazakhstan: A resurgent tradition or a social instrument? *Central Asia and the Caucasus, 23, 4*, 36-45. https://doi.org/10.37178/ca-c.20.4.04

For citation: Grigoriev, A.V. & Kholova, L.A. (2022). Reflection of students of the caspian states on the Kazakhstan unrest in january 2022 in the context of regional security. *Caspium Securitatis: Journal of Caspian Safety & Security*, *2*(1), 99-110.

DOI 10.54398/2713024X_2022_2_1_94

CONTACTS

Founder / Publisher: Astrakhan Tatischev State University

Address: 20a Tatischev Street, Astrakhan Russia 414056

Address of Editorial board: 20a Tatischev Street, office 412, Astrakhan Russia 414056

Editor-in-Chief: Dr. Anna P. Romanova

In case you have any questions about co-operation please write an e-mail the following address: caspiumsecuritatis@asu.edu.ru

Phone: +7 (8512) 24-64-88

КОНТАКТЫ

Учредитель / Издатель: ФГБОУ ВО "Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева"

Юр. Адрес: 414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а,

Адрес редакции: 414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, ауд. 412

Главный редактор: д. филос. н.

Анна Петровна Романова

По всем вопросам сотрудничества и публикации материалов обращаться по e-mail: caspiumsecuritatis@asu.edu.ru

Телефон: +7 (8512) 24-64-88